

Свет
безтолковых
звезд

СВЕТ БЕЗМОЛВНЫХ ЗВЕЗД

Сборник очерков

Киев — 2005

Редакционная коллегия: Ю.П. Максименко
А.М. Мережко
И.И. Чепчина
Е.З. Нестеренко
Н.В. Иванюшева
В.В. Скурчинский
Н.Н. Каменская

СВЕТ БЕЗМОЛВНЫХ ЗВЕЗД

СБОРНИК ОЧЕРКОВ

Издание второе, переработанное и дополненное

ISBN 966-8172-04-3

В сборнике «Свет безмолвных звезд» собраны литературные очерки о руководителях и активистах Украинского общества глухих, которые своим трудом обеспечили его создание и развитие. Из очерков отчетливо просматриваются этапы становления Общества и сложности, с которыми оно сталкивалось за весь период своего существования.

Сборник подготовлен и издан Украинским обществом глухих.

Центральное правление УТОГ будет благодарно всем, кто пришлет свои отзывы о данной книге, а также напишет новые очерки о других членах УТОГ для их последующей публикации.

ISBN 966-8172-04-3 Украинское общество глухих, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о мужестве. О ежедневном, ежечасном многолетнем подвиге наиболее передовых граждан Украины XX столетия, лишенных слуха.

По данным Всемирной организации здравоохранения до одного процента населения земного шара страдает частичной или полной потерей слуха. В одних странах эта цифра меньше, в других — больше, но глухие есть в каждой стране.

Люди страдают глухотой даже в наш век развитой медицины. Страдали, естественно, и во все предыдущие времена.

Глухота лишала человека главного человеческого качества — возможности нормально общаться с другими людьми или, как мы теперь говорим, возможности получать устную информацию и пользоваться ею. По этой причине за двадцать столетий только ограниченное количество лиц, полностью лишенных слуха, смогли по-настоящему, как говорится, взять жизнь за глотку и надлежащим образом реализовать себя. И только единицы — художник Франциско Гойя, композитор Людвиг ван Бетховен, ученый Константин Циолковский, актер Александр Остужев и некоторые другие — достигли всемирного признания.

В то же время многим, очень многим приходилось разделять участь глухого Герасима, описанную И.С. Тургеневым в повести «Муму».

И это не удивительно. Ведь только в начале XIX века в мире появилась ручная азбука для глухих, позволившая не только расширить среду общения глухих между собой, но и дать им возможность непринужденно

общаться с теми слышащими людьми, кто этой азбукой овладел.

Только в XIX веке начали появляться попечительские общества, ставившие своей целью помочь глухим детям овладеть грамотой.

И только в конце XIX — начале XX столетия в отдельных странах стало возможным образование первых общественных объединений глухих, взявших на себя обязанности по самозащите своих прав.

Техническая революция и социальные катаклизмы XX столетия ускорили процесс самоорганизации глухих. Но и сегодня, как свидетельствуют материалы последних конгрессов Всемирной федерации глухих, проблема социальной защиты глухих и их интеграции в окружающий мир во многих странах еще далека от решения.

Вот почему эта книга о мужестве. Она рассказывает о том, как в 20-е, 30-е, 40-е и последующие годы XX столетия наиболее активные и передовые граждане Украины боролись за создание Украинского общества глухих, а затем — содействовали его становлению и развитию.

Эта книга — о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться в процессе развития Общества.

Наконец, эта книга — о верности и о любви ее героев к людям и к жизни.

**Юрий МАКСИМЕНКО,
председатель Украинского общества глухих,
заслуженный работник
промышленности Украины,
Почетный член УТОГ.**

КНИГА ПЕРВАЯ

ВРЕМЯ ПЕРВЫХ

Верь в свою звезду!
И к ней иди,
И достань ее с небес,
И в ладонях удержи
Сгустком радостных чудес.
И тогда твоя звезда
Будет странствовать с
тобой.
А пройдешь путем своим —
Станешь сам такой
звездой,
Чтоб во тьме
светить
другим...

Юлия СОЛОВЬЕВА

Юрий МАКСИМЕНКО, Юлия СОЛОВЬЕВА

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

*А подъем все трудней,
Ощутимей ступени крутые.*

Эсфирь ВИШНЕВСКАЯ

П.К. НАБОЧЕНКО
(1900—1956)

Трудно быть первым. Закладывающий основы, прокладывающий путь другим обычно тратит во много раз больше усилий, чем идущие вслед за ним по той же тропе, к той же вершине. След, оставленный им на этой восходящей тропе, глубок и отчетлив, несмотря на то, что потом по той же тропе прошли и другие. Поэтому яркие и незабываемы воспоминания о тех, кто нес на себе бремя первых.

Петр Карпович Набоченко не был причастен к образованию первых региональных ячеек глухих Украины, которые в 1917—1920 годах стали возникать сначала в Харькове, Одессе, Днепропетровске, Киеве, а затем и в других городах. Более того, уроженец Ростовской области, он до 1933 года в Украине вообще не проживал.

Он также не был участником первого Всеукраинского совещания глухих, которое состоялось в 1927

году в Харькове и на котором была предпринята первая попытка создать единую организацию глухих Украины.

Тем не менее, имя Петра Карповича Набоченко навсегда вошло в историю Украинского общества глухих — он был его первым председателем.

Его жизнь, как и жизнь каждого глухого человека, была разделена на две части — до и после. До потери слуха и после нее.

Он родился 18 октября 1900 года в селе Большая Крепкая Ростовской области, в семье железнодорожника. Детство его, как и у других деревенских детей, было простым и ясным — с летней речкой, покрытой мелкой солнечной рябью, с сизым дымком из труб в тихие зимние вечера. И, вместе с тем, трудовым: в селах детей сизмальства приучают к напряженному ритму рабочего дня.

Учеба в трехклассном начальном училище, потом в высшем начальном училище, работа подмастерьем на Езековском кожзаводе — вот те первые ступеньки, которые он успел пройти до начала революционных событий в России.

В те годы на Дону, родине мятежного русского казачества, сложилась крайне сложная ситуация. В октябре 1919 года белая армия провела мобилизацию молодежи, и Петр Набоченко, таким образом, оказался в Армавире. Но желания служить «царю и отечеству» у новоиспеченного солдата не было, поэтому, прослужив два месяца, он дезертировал в Грозный, где скрывался от белогвардейцев до прихода Красной Армии.

Здесь же он устроился подручным слесаря на чугунно-литейный завод в Красной Слободке и одно-

временно включился в общественную жизнь, став одним из первых организаторов Ростово-Начихеванской комсомольской организации.

Энергичного молодого активиста скоро заметили, и уже в мае 1920 года его мобилизовали на курсы политработников Северо-Кавказского округа, где он вступил в партию. По окончании курсов молодой командир был направлен в политотдел войск Терской области и одновременно назначен внештатным инструктором Терского обкома комсомола. На этих должностях он прошел очень важную школу волевой закалки и выживания, что впоследствии помогло ему не только самому выстоять, когда на него свалилась беда, но и повести за собой других.

Бурлящие революционные годы, борьба с белогвардейцами, становление молодой Советской республики — жизнь была переполнена верой в свою правду и в свои силы.

И вдруг — резкий обрыв, пустота под ногами и стремительный полет в никуда.

Петру Набоченко было всего лишь двадцать лет, когда, переболев тифом и менингитом, он полностью потерял слух.

На этой разделительной черте закончилась его предыдущая жизнь молодого, жизнерадостного парня и началась бесперспективная жизнь инвалида.

Ему пришлось оставить армейскую службу, с которой он, возможно, связывал свое будущее, распрощаться с другими планами и начать отсчет сначала, с поиска точки опоры для дальнейшей жизни.

Ему повезло в том, что к моменту потери слуха за его плечами была трудовая закалка, учеба, служба в армии. И он справился со своей бедой.

Он не дал ей сломить себя и заставить влачить жалкое существование инвалида, огражденного от мира непроницаемой стеной безмолвия.

Он нашел себе занятие и втянулся в работу. Сначала был заведомом учета и статистики, а потом — заведующим организационным отделом Нахичеванского райкома комсомола. Как специалиста-кожевника, ранее работавшего подмастерьем на кожзаводе, в январе 1923 года его направили работать на госкожзавод в Ростове-на-Дону. Здесь он смог подняться по ступенькам производственного роста от рабочего до начальника цеха и помощника главного мастера завода.

Однако глухота была довольно ощутимой помехой, и в 1928 году Набоченко перешел на обувную фабрику в Ростове-на-Дону закройщиком хромовых кож. Его руки выполняли любую работу легко и споро — измеряли, кроили, резали остро пахнущую кожу, новые, блестящие сапоги из которой вскоре лихо и весело стучали по камням мостовой. А памятью он постоянно жил в мире далеких звуков, подобных фантомным болям. Слова песен времен гражданской войны звучали никому не слышным, кроме него одного, плачем души, и сосредоточенный взгляд светлых глаз временами становился отсутствующим, погруженным в себя, немного печальным — такие глаза бывают у людей, живущих воспоминаниями о прошлом.

Так продолжалось до тех пор, пока в 1930 году на него не вышли активисты Ростовской организации глухих. Новая общественная организация в России только-только утверждалась, ей нужны были кадры. Петр Набоченко как раз по всем статьям подходил

для этого: был пролетарского происхождения, имел за плечами большой опыт работы с людьми, был образованным человеком. И в марте 1930 года по направлению Северо-Кавказского краевого комитета партии Петр Набоченко становится директором созданного Всероссийским обществом глухих виноградного совхоза «Воговец № 1», который был расположен вблизи Новороссийска.

На новой должности Набоченко показал, что умеет не только тачать сапоги. Быстро освоившись, он так поставил дело, что о нем заговорили и в областных и в центральных руководящих сферах Всероссийского общества глухих. Поэтому уже в сентябре 1930 года П.К. Набоченко избирают председателем Северо-Кавказской краевой организации глухих, куда входили Осетия, Дагестан, Адыгея, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, а в январе 1933 года отзывают в Москву и избирают заместителем председателя Центрального правления Всероссийского общества глухих. Для перспективного организатора открывалось новое по масштабу поле деятельности. Но обстоятельства этому не способствовали. Общество не располагало жилым фондом, каждый из сотрудников аппарата ЦП ВОГ устраивался, как мог. П.К. Набоченко к тому времени уже был женат и имел двоих детей. Поэтому, столкнувшись с проблемой жилья, Петр Карпович возвращается в Ростов. Затем его жизнь сделала еще один крутой поворот, навсегда связав его имя с Украиной и Украинским обществом глухих.

В июне 1933 года Петру Карповичу было предложено возглавить на Украине сельскохозяйственную коммуны глухих на хуторе Карачурино Старо-Бешев-

ского района Донецкой области. По воспоминаниям одного из организаторов коммуны А.И. Москаленко, в первом сельскохозяйственном объединении глухих тогда сложились напряженные отношения между руководством совхоза и его коллективом, и лишь с приходом Набоченко удалось преодолеть возникшие трудности.

В те годы в Украине проводилась активная работа по сплочению разрозненных общественных объединений глухих, действовавших во многих областях республики, в единую всеукраинскую организацию. Принятие 4 июня 1933 года постановления Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Украины о создании Украинского общества глухонемых (УТОГ) стало завершающим этапом законодательного урегулирования этого непростого вопроса.

Для решения организационных проблем, связанных с созданием Общества, требовались опытные, грамотные и инициативные неслышающие руководители. Петр Карпович Набоченко, имевший за плечами огромный организаторский опыт и успевший поработать заместителем председателя Центрального правления Всероссийского общества глухих, был, безусловно, в числе тех, чья кандидатура не вызывала сомнений, и 28 ноября 1934 года Народный комиссариат социального обеспечения Украинской ССР и Центральный комитет партии назначили его на должность председателя Центрального оргбюро УТОГ.

Созданное оргбюро провело в 1934—1937 годах первый в Украине полный учет глухонемых. В дополнение к 19 местным организациям глухих, которые

существовали к моменту образования УТОГ, в разных городах Украины были созданы новые организации. Так, с 1933 по 1938 годы их число увеличилось до 144, а число членов УТОГ достигло более 6 тысяч человек.

После того, как наиболее важные организационные задачи были решены, в 1938 году был созван I съезд Украинского общества глухих, который принял Устав Общества и подвел первые итоги его деятельности. На этом съезде П.К. Набоченко был избран председателем Украинского общества глухих, что было свидетельством признания его авторитета и огромных заслуг в проведении успешной работы по созданию единой всеукраинской организации.

И тем неожиданнее для членов УТОГ стал созванный в ноябре 1939 года второй внеочередной съезд Общества, на котором, в связи с ложным политическим обвинением в сокрытии факта службы в белой армии, Петр Карпович был отстранен от должности председателя ЦП УТОГ. Между тем, П.К. Набоченко факт своего вынужденного пребывания в рядах белой армии никогда не скрывал, поскольку, как уже говорилось ранее, его недолгое служение «царю и отечеству» закончилось побегом. Но это смягчающее обстоятельство делу не помогло — в те суровые годы для обвинения в неблагонадежности достаточно было и незначительной зацепки.

Несмотря на вынужденное решение об освобождении от должности, в Обществе Петра Карповича ценили как талантливого руководителя и замечательного человека, и потому он был направлен Центральным правлением УТОГ на курсы бухгалтеров.

После окончания курсов П. К. Набоченко больше

года работал бухгалтером в Киевском областном отделе УТОГ и одновременно учился в вечернем университете марксизма-ленинизма.

В первые месяцы Великой Отечественной войны Петр Карпович эвакуировался в Днепропетровск, где работал заместителем директора по учебной части УПК УТОГ, а через месяц приблизившийся фронт вынудил его выехать в глубь страны — в Ростов-на-Дону. Там он тоже не сидел без дела: заведовал учебными мастерскими при Ростовской школе для глухонемых детей, был директором УПК ВОГ, который обслуживал нужды фронта.

Летом 1942 года, при эвакуации из Ростова-на-Дону, Петр Карпович попал в окружение, два месяца скрывался в станице Егорлицкой, после чего вернулся в Ростов-на-Дону и жил на оккупированной территории в полулегальном положении. В 1944 году, после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, он временно исполнял обязанности председателя Ростовского облотдела ВОГ и директора учебно-производственного комбината глухих.

В конце 1944 года П.К. Набоченко вернулся в Киев и до 1947 года работал председателем, а с 1947 по 1953 год — заместителем председателя Центрального оргбюро УТОГ.

В 1953—1954 годах Петр Карпович был заместителем директора Киевского учебно-производственного комбината № 2, в 1954 —1955 годах — директором Киевского УПК № 1, а с 1955 года и до самой смерти в 1956 году — заместителем председателя ЦП УТОГ.

Ему не дано было снова возглавить УТОГ и стать его официальным председателем, так как и в после-

военные годы в деятельность Общества постоянно вмешивалась политика — то нужно было согласующим инстанциям трудоустроить на руководящую должность в УТОГ номенклатурного работника, то находились другие причины.

Но то, что П.К. Набоченко, пусть и с опозданием, пусть всего лишь за год до своей смерти, все же был востребован и назначен заместителем председателя Центрального правления УТОГ, свидетельствует о его огромном потенциале, о замечательных деловых и человеческих качествах, которыми он обладал, несмотря на свою глухоту.

Петр Карпович Набоченко после переезда в 1933 году в Украину, какую бы должность ни занимал в УТОГ, всегда был лидером Общества и активным защитником интересов глухих. И таким он навсегда остался в памяти членов УТОГ.

Первая жена его умерла, дети выросли... Петр Карпович долгое время жил грустными и светлыми воспоминаниями о давнем счастье, о тепле домашнего очага, пока судьба не послала ему почти на закате жизни чудесную, добрую женщину, которая была его спутницей до последних дней, — Анну Ивановну Максимову, первую переводчицу Киевского дома культуры УТОГ.

Он опирался на ее плечо, взбираясь по лестнице жизни, — все медленнее, все тяжелее... Каждый шаг теперь ему стоил больших усилий. Он был неизлечимо болен, но работу не оставлял, тянул из последних сил и до последнего вздоха думал о делах Общества. Прикованный болезнью к постели, он принимал друзей и соратников дома и обсуждал с ними все вопросы и проблемы. Когда он уже не мог говорить сам,

просил говорить за него переводчицу. Принимая смерть как скорую неизбежность, сказал:

— А на мое место прошу вызвать из Днепропетровска Марию Ионовну Неплюю.

3 декабря 1956 года Петра Карповича не стало. Его последнее пожелание было исполнено — Мария Ионовна стала его достойной преемницей.

*Я боюсь не потерь,
Не ударов, нацеленных в спину,
Нет, всего мне страшнее теперь,
Что до времени сердцем остыну.
И не верится мне,
Нет, живое в живом не остынет!
А подъем все трудней,
Ощутимей ступени крутые.*

Юлия СОЛОВЬЕВА, Абрам РОСИНСКИЙ

НА БАРРИКАДАХ ТИШИНЫ

*Я любитель копать в старине.
И по мне,
Чтобы новому оценку дать верную,
Необходимо со старым сравнить
И тогда судить,
Так ли уже теперь глухонемым скверно,
Как утверждают некоторые пустозвоны.*

Иван ДОБРОСКОК

**И.Ф. ДОБРОСКОК
(1895—1934)**

С чего начинается Общество? Организация идейных союзников, единомышленников, наконец, просто «братьев по несчастью»? Обычно объединение такого рода редко бывает стихийным, возникшим по воле случая, — хотя люди, связанные невидимыми нитями одной беды, словно притягиваются друг к другу. Но далеко не всегда такие спонтанно зарождающиеся союзы оказываются устойчивыми и долговечными: просто встретились двое—трое обделенных жизнью людей, посетовали на тяготы и невзгоды — и с тем расстались, так ничего и не решив, не изменив в своей, такой схожей судьбе, к лучшему.

Но у истоков любого организованного объединения стоит человек, ставший инициатором его создания и умеющий управлять созданной им общественной системой, как единым целым, — вот с него, «виновника первотолчка», и начинается настоящая жизнь Общества. Оно обретает плоть и кровь, растет в ширину и ввысь, ему, после обсуждения в тесном «семейном кругу», торжественно присваивается название — Харьковская организация глухих, а Иван Доброскок — пролетарский глухонемой поэт, корреспондент газеты «Правда» и журнала «Жизнь глухонемых», целиком и полностью отдавшийся работе среди глухих, по праву (хоть и не сразу) становится во главе этой организации. С него, собственно говоря, все и начиналось — «боевые ночи Спасска, волочаевские дни»... Точнее, бессонные ночи и напряженные дни многих людей, посвятивших свою жизнь настоящему и, в еще большей мере, — будущему Украинского общества глухих. Ведь был в то послереволюционное время Харьков столицей Украины, и Харьковская организация глухих — одной из первых и самых крупных организаций такого рода в Украине, а ее «крестный отец» Иван Доброскок — одним из первых основателей и руководителей УТОГ. Иван Доброскок — сын крестьянина-бедняка. О его детстве почти ничего не известно, кроме того, что он рано оглох, — еще до того, как научился говорить. Нетрудно себе представить, что это означало для мальчика из бедной семьи, где все гнули спину с раннего утра до поздней ночи ради куска черного, потом политого хлеба. Грубое невежество и беспросветная темнота были уделом таких бедняков, а оглохший в раннем детстве Иван оказался в двойном рабстве — подневольного труда и

непреодолимой глухонемой. Долгое время с ним говорили на языке тычков и затрещин: как по-другому — не знали и не умели. Однако недаром он был «Иваном — крестьянским сыном», о каких в сказках говорится — сильным, смелым, не по летам (и не по глухоте своей) смекалистым. Как был, в драных лаптях и с небольшим узелком за спиной, однажды ушел по дороге, ведущей мимо безмолвных полей в многоцветный город, и там, должно быть, по закону сказочного везения, нашел себе пристанище среди таких же, как и он сам, глухих мальчиков, разговаривающих на руках и не знающих, на что похоже пение птиц, но, тем не менее, — жизнерадостных и по-своему счастливых в этом «тесном, но необидном» содружестве равных. Однако нельзя сказать, что маленькому бродяге без гроша за душой просто повезло, — благодаря не только доброй удаче, но главным образом своим недюжинным способностям, настойчивости и трудолюбию Иван успешно закончил Харьковское училище для глухонемых. А со временем не только «выбил-ся в люди», но и вышел в ряды лучших работников среди глухонемых на Харьковщине.

Когда строки поют в душе, глухота, отделяющая от мира звуков, уже не так в тягость. Тишина вокруг помогает прислушиваться к себе, к голосу совести, к зову родной земли. И — к безмолвной боли тех, кто оказался в такой же беде, как и ты. Это молчание, на которое они обречены, призывает говорить от их имени — имени твоих братьев, и не просто говорить — сражаться вместе с ними и за них на баррикадах тишины.

Потому книга стихов Ивана Доброскока так и называется — «На баррикадах тишины». Она не овевана тонкой, легкой аурой лирических настроений, воспоми-

наний о сельской благодати — рваный, рубленый стих (в духе Демьяна Бедного) исполнен тревоги и гордости за нелегкие, но достойные судьбы тех, кто сражался рядом, на тех же невидимых рубежах. Глухонемые выражали свой молчаливый протест как могли и умели. Над ними тоже развевалось красное знамя свободы — ведь все они были рождены в раскаленном горниле революции, отмечены невытравляемой печатью своего времени, и так понятен и простителен избыток гражданского пафоса в их сердцах и строках: «Глухонемые — в общей шеренге борцы, пятилетнего плана творцы, в производстве ударники ярые, полюбившие учебу и труд, глухонемые пролетарки и пролетарии по дороге, по новой идут». Так оно тогда и было.

С первых дней революции и до конца своих дней Иван Федорович Доброскок был до мозга костей предан делу реабилитации глухих, их социальному и личностному возрождению. Это и впрямь была «эпоха возрождения» в среде глухих — после долгого беспроектного плена полного бесправия они словно возрождались для новой жизни в качестве полноценных членов общества. Полноценных и полноправных, хотя и с «ограниченными возможностями» — но это звучало уже совсем по-другому, не ущемляя их человеческого достоинства. Проще говоря, это была борьба за признание широкой общественностью того, что «глухие — тоже люди». Иван Федорович, как основоположник этого движения, весьма болезненно и ревностно относился к оценке способностей и возможностей глухих окружающими. Постоянно сравнивал прошлое с настоящим. Сопоставлял слова из имевшего хождение при царе словаря Брокгауза и Ефрона: «Состояние глухонемых является причиной столь значительного

уклонения от нормальной физической и психической природы человека, что все законодательства издавали для глухонемых специальные нормы» — с постановлением Совета Народных Комиссаров: «Объединения глухонемых признаются имеющими все гражданские и юридические права наравне со всеми пролетарскими слоями Союза ССР». Прежнее отношение к глухим: «Признание глухонемых дееспособными в гражданском обороте наравне со слышащими оказалось бы для них не только бесплодным, но и крайне вредным» — с отношением новым: «Каждый день ставит перед нами очередные задачи, в выполнении которых глухонемые не на последнем месте. Среди глухонемых большой процент ударников. Есть тяга в партию и в комсомол. Глухонемые — активные участники во всех областях советского строительства...»

Иван Федорович был первым из числа учителей-подвижников школы для глухонемых, всем существом своим, может быть, даже слишком преувеличенно, верящим в то, что образование может творить чудеса, превращая беспомощных, мычаще-жестикулирующих отшельников поневоле в просвещенных во всех областях знаний, уверенных в себе людей, свободно ориентирующихся в окружающем мире. Это была, конечно, своего рода утопия, красивое заблуждение. Но алтарь, на который положена чья-то жизнь и чьи-то искренние убеждения, — священен. Потому святы и убеждения Ивана Доброскока, мечтавшего взрастить на «поднятой целине» советской сурдопедагогики одни только отборные колосья. И чем скудней, неподатливей земля, тем больше усилий приходится затрачивать хлеборобу, чтобы собрать с нее богатый урожай. Однако — честь

и хвала Сеятелю, бросившему первые зерна в эту твердую, каменистую почву!

Избранный в 1919 году на одном из первых собраний глухих председателем правления Харьковской организации глухих, Иван Федорович Доброскок, памятуя о пройденном им самим тяжком пути «от плуга до трона», не допускал никаких начальственных ноток в общении с глухими, в том числе и с темными, безграмотными, не смотрел на них свысока, не отмахивался от их повседневных нужд, даже если к нему обращались с какой-то незначительной мелочью — вроде «гвоздя в сапоге», о каком писал Маяковский. Но и за этим пустяковым «гвоздем» Иван Доброскок умел видеть величайшую на земле ценность — живого человека. Для него, «по самую маковку» загруженного организационными делами новоиспеченного объединения, все же на первом месте было не Общество глухих как таковое, а глухой человек в этом Обществе. Не человек для Общества, а Общество для человека — таким тогда, в пору звонких лозунгов, мог быть и негласный лозунг Ивана Доброскока. Потому что он сам прежде всего был человеком — человеком, с которого начинается Общество. Учитель и поэт — мог ли он быть иным!

В 1927 году Наркомат социального обеспечения собрал в Харькове первое Всеукраинское совещание глухих. Организационное бюро, избранное на этом совещании, стало как бы прообразом будущего Общества глухих и до 1933 года выполняло функции руководства всеми объединениями глухих в Украине. А в 1928 году представители Харьковской организации глухих стали депутатами горсовета трудящихся. Нетрудно догадаться, что И.Ф. Доброскок, вместе с

другим инициатором создания областной организации глухих — Н.А. Тяжеловым, принимал в этих событиях самое деятельное участие и решал все те вопросы социального, просветительского, производственного характера, от которых зависело будущее не только Харьковской организации глухих в частности, но и всего Украинского общества глухих. Они сознавали всю тяжесть возложенной на них ответственности — возложенной не только Обществом глухих, но и их собственной совестью и неумолимым временем, которое, с присущим ему жестоким милосердием, дает всему истинную оценку и все расставляет по своим местам. И мужественно несли это бремя, и шли непроторенными тропами, как настоящие первопроходцы.

С туманной, плохо сохранившейся фотографии конца 20-х — начала 30-х годов XX века пристально, напряженно, вопросительно смотрит человек из прошлого. Смотрит в наше время — то будущее, за которое он боролся всеми силами своего духа и слова. «Я сделал для вас все, что мог, дорогие товарищи потомки», — мог бы сказать он нам.

Но вместо этих слов — тишина. Он остался там — на баррикадах тишины...

*Закаляйся в борьбе, нам никто
не поможет,
Мы вступили в полосу борьбы и труда
И уже никогда
Боевого оружия не сложим.
Каждый день, каждый час
Исчезает бывшего проклятая тень,
Замечаются новые сдвиги.*

ЛЕГКОЕ ИМЯ ТЯЖЕЛОВА

*Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? Слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!*

Николай НЕКРАСОВ

Н.А. ТЯЖЕЛОВ
(1900—1967)

Маленький мальчик, еще не умеющий толком говорить, настойчиво тянул маму за подол платья, махая в сторону двери: «Там! Там!» Мама, простоватая женщина с доверчивыми глазами, послушно кивая, шла за ним, карапузом, куда он тянул с огромной целеустремленностью. В дверь давно звонили — упорно и сердито. Пришла большая, толстая соседка, за что-то очень громко ругала маму. Мама молчала, растерянно прижимая руки к груди и только время от времени качая головой: «Нет, не понимаю!» Коля стоял рядом, все еще держась за мамин подол и напряженно вслушиваясь, а потом и сам вдруг что-то быстро залопотал, помогая неуклю-

жими движениями пальчиков. Мама не слышала — и Коля хотел ей помочь. Однако он так забавно старался в точности воспроизвести гневные выкрики соседки, что та подумала, что противный мальчишка ее передразнивает — и закричала еще сильнее... Только теперь она набросилась на мальчика, послужившего громоотводом. Что, собственно, вызвало в ней такую бурю чувств, так навсегда и осталось неизвестным. Сколько таких историй, смешных и грустных одновременно, вспоминала мама потом, а подросший Коля только удивлялся — он ничего этого не помнил, разве что отдельные смутные эпизоды.

Ровесник века (Н.А. Тяжелов родился 22 мая 1900 года), он впитывал в себя все события, происходившие вокруг, начиная с бытовой ссоры и кончая «мировой революцией», — для того, чтобы рассказать об этом отцу и матери на доступном им языке жестов. Дети глухих родителей рано взрослеют, потому что им приходится чуть ли не с младенческих лет — едва только забрезжит в маленькой головке слабый свет сознания — помогать взрослым, но нередко таким беспомощным людям. Это не совсем обычные дети — это дети-проводники, дети-переводчики, связанные между неслышащими родителями и миром, полным самых разнообразных звуков. Привыкая постоянно оказывать помощь родителям во многих сферах общения, некоторые из них и всю свою дальнейшую жизнь посвящают служению людям, лишенным слуха.

И вот уже Коля, изрядно поднаторевший в жестовой речи после частых посещений клуба глухих, куда его водили родители, начинает задумываться о том же... Он чувствует себя в замкнутом мире глухих лег-

ко и привычно, ему интересно беседовать с ними, переводить им, просто что-то увлеченно рассказывать, — словом, из взрослеющего подростка уже формируется будущий сурдопедагог. Позднее Николай Тяжелов станет им и много сил и времени отдаст трудоемкому делу ликвидации неграмотности и обучению глухих. Примечательно, что, посвятив себя просветительской и организаторской деятельности в Обществе глухих, он с удивительной легкостью нес это бремя, — должно быть, потому что был привычен к нему с самого детства. Всегда вдохновенно-окрыленный в работе, не соответствовал он своей фамилии «Тяжелов». Ему бы больше подошло другое имя — легкое, летящее...

В 1924 году в Харьковский культпросвет глухих — так тогда называлось городское объединение глухих — входило около 250 человек; в составе этого союза числился и Н. А. Тяжелов. Когда, при его непосредственном участии, на средства профсоюзов и самого объединения глухих была создана школа ликбеза, Николай Александрович стал «сеятелем знания на ниву народную» — первым учителем тех первых 25-ти глухих, которые старательно и коряво выводили на доске: «Мы не рабы. Рабы немые». Не только освоение школьных «азов», но и, по чеховскому выражению, «выдавливание из себя по капле раба» было той задачей, которую ставил перед своими глухими учениками, плечистыми и бородатыми, но совершенно невежественными и затравленными, их начитанный и красноречивый учитель. Лишь в постоянном, близком, сердечно-дружеском общении с ним, легким и жизнерадостным, они оттаивали, освобождались от внутреннего рабства, начинали чувство-

вать себя людьми. Но была и досадная неувязка, которая смущала молодого учителя: даже перестав чувствовать себя «рабами» в социальном отношении, взрослые глухие совсем не спешили становиться самостоятельными людьми. Они шли за ним послушно (как когда-то мама), повторяли его слова, не вдумываясь в их смысл, а если в чем-то и упирались, то делали это по-детски упрямо, не умея доказать свою правоту.

Тяжелову, никогда не тяготевшему к авторитарности, но стремившемуся к совершенству, такая несамоостоятельность, в любом ее проявлении, глубоко претила. Ведь она свидетельствовала о том, что корни рабства и бесправия, в котором долгое время прозябали глухие, все еще крепки. А что, если это послушание, это стремление все делать «по указке» и обязательно вместе, сообща, перевести на иную, более высокую ступень? Организованное общество — это уже дружный и спаянный коллектив. Года два спустя после создания ликбеза для глухих, будучи инспектором Наркомсобеса, курирующим работу среди глухих и слепых, Николай Тяжелов не раз поднимал вопрос перед местными властями о необходимости создания сплоченной организации глухих, которая могла бы стать надежным оплотом для их дальнейшего развития и роста. И, встретив в лице Ивана Доброскока, ставшего инициатором создания такой организации в Харькове, своего единомышленника, а потом и друга, Тяжелов уже не сомневался, что они идут верным путем и, рано или поздно, достигнут желанной цели.

И надежды их оправдались, притом уже в самом скором времени. В 1927 году по инициативе энтузи-

астов Наркомат социального обеспечения собрал в Харькове первое Всеукраинское совещание глухих. Тяжелов, вместе с Иваном Доброскоком и другими такими же инициативными товарищами, вошел в состав оргбюро и принимал самое горячее участие в деле создания единой организации глухих в Украине. А в следующем году, избранный вместе с Доброскоком в депутаты горсовета от Харьковской организации глухих, Николай Александрович приложил немало усилий к созданию учебно-производственных предприятий глухих в Харькове, развернул активную деятельность по расширению производственной базы для трудоустройства неслышащих как на этих, так и на государственных предприятиях. И вскоре стал замечать, втайне радуясь, что идеи, взращенные им, начинают приносить зримые плоды: глухие, прочно становясь на ноги, обретали и собственный голос. Неутомимые в труде, защищенные единством дружного рабочего коллектива, они словно преображались, начинали жить и работать по-новому — с уверенностью в своих силах, с живым огоньком в душе. Глухие понемногу начинали осознавать себя хозяевами своей жизни. А когда в 1933 году было создано Украинское общество глухих (УТОГ), люди, лишенные слуха, почувствовали под собой прочную опору. Теперь каждый из них знал, что за его спиной стоит целая организация, которая не даст ему пропасть и в трудную минуту придет на помощь. И только война, словно внезапно налетевший порывистый ветер, разнесла, разметала по свету листья одного дерева.

В 1943-м, после освобождения Харькова, областная организация глухих возобновила свою деятельность. Возглавил ее в то особенно трудное время Ни-

колай Александрович Тяжелов, взваливший на свои плечи, помимо общего руководства, и восстановление отдельных объектов — почти полностью разрушенных учебно-производственных предприятий Общества, культурных учреждений и учебных заведений, в частности, вечерней школы для неслышащей молодежи. Уже тогда, глядя, как возрождается из пепла школа, Николай Александрович нередко давал волю своему воображению. Всё-таки он был учителем — в этом его призвание, смысл всей его жизни. И, сделав все возможное для возрождения Харьковской организации глухих, Николай Александрович, с неожиданным для него самого волнением, снова переступил порог школы, пройдя коридор, пустой и тихий, открыл дверь директорского кабинета... Теперь, отныне и навсегда, его жизнь была связана с этой школой и с этим кабинетом. Более сорока лет видел Николай Александрович из окна один и тот же пейзаж, и созерцать его в часы тихого раздумья настолько вошло для него в привычку, что он уже не представлял себе другой жизни, — без темной полированной поверхности письменного стола, без одинокого дерева на горизонте. И без шумных школьных перемен...

Елена Смирнова, поэтесса, учитель истории, отличник народного образования, вспоминает те годы, когда ей довелось работать рядом с Тяжеловым. «Поступив на работу в школу в 1957 году, я сразу заметила, как близок был глухим Николай Александрович, как легко он устанавливал контакт с любым, даже самым «трудным» учеником. Он в совершенстве владел жестовой речью, она у него отличалась четкостью, красотой, своеобразным изяществом. В тот год в на-

шу школу пришло несколько учителей, еще не владевших жестами, и потому Тяжелову (который, заметьте, был директором) на общешкольных мероприятиях нередко доводилось выступать в роли переводчика. Помню его, уже седовласого, но по-молодому стройного, — он стоит на подиуме и переводит чью-то речь. За его плавными, ясными жестами, затаив дыхание, следят все ученики. Доводилось мне, тогда начинающей учительнице, бывать на уроках Николая Александровича, дабы перенять его опыт. Самым ценным в его работе была доходчивость, умение так преподать материал, что он легко усваивался учениками непосредственно на уроке. Именно на период работы Н. А. Тяжелова приходится пик грамотности большого числа глухих нашего города, и они-то в 1964 году написали в Киев, в Министерство образования, свою просьбу сделать нашу школу полной средней, что и совершилось в том же году. Представляю, каким чувством радости наполняло душу Николая Александровича это событие».

Тяжелову обязаны своим профессиональным ростом лучшие педагоги школы, как глухие, так и слышащие, а также многие из тех, кто оставил свой след в истории и культуре УТОГ. В их числе — учитель истории вечерней школы В.П. Ковтун, бывший ее выпускник и преданный хранитель рукописи об истории школы, написанной Н.А. Тяжеловым к ее сорокалетию. Это и учителя-словесники — В.П. Жихарь, А.Г. Ефременко, Т.М. Барабаш, способствовавшие привлечению молодых глухих рабочих города к учебе и повышению уровня их грамотности; Е.С. Смирнова, сохранившая самые теплые воспоминания о своем добром и мудром наставнике. Его учениками были

такие известные в нашем Обществе люди, как И.Ф. Здоровило, З.Д. Плис, В.П. Кругляк, Л.В. Козаченко, О.П. Воротнев, О.Ф. Пащенко, И.С. Щербанюк, Н.М. Зиняк и другие выпускники Харьковской учетно-плановой профшколы, где Николай Александрович работал преподавателем, совмещая эту работу с руководством вечерней школой рабочей молодежи. Благодатное воздействие Тяжелова как учителя распространялось и на тех людей, которые не учились у него непосредственно, но на которых встречи с ним произвели неизгладимое впечатление, помогли обрести себя и свое место в жизни, выйти на верный жизненный путь. А.Ф. Симоненко — глухой поэт, почетный член УТОГ; А.И. Росинский — тоже почетный член УТОГ и бывший директор Харьковского дома культуры глухих, а в настоящее время — директор музея Харьковской областной организации УТОГ, — вот далеко не полный перечень замечательных людей Украинского общества глухих, которые пошли по стопам выдающегося учителя-подвижника Н.А. Тяжелова. Учитель — только тогда учитель, когда он повторяется в своих учениках, и славен он не только своими делами, но и делами своих последователей. И есть одна счастливая особенность, свойственная многим ученикам и последователям Тяжелова, — все они удивительно окрыленные, вдохновенные люди. Словно он оставил им в наследство лучшее из того, что имел, — свое легкое имя.

Помимо того, что Николай Александрович Тяжелов и его жена, Клавдия Алексеевна, тоже много лет проработавшая рядом с ним в Харьковской вечерней школе рабочей молодежи для глухих, остались в памяти своих коллег и учеников как талантливые педа-

гоги, они были и прекрасными родителями. Совсем недавно Елене Смирновой удалось связаться с их сыном — Алимом Николаевичем Тяжеловым, юристом по профессии. Уже много лет он работает в юридической консультации Харьковского медицинского общества, а внук, Алексей Алимович Тяжелов — блестящий хирург, ортопед-травматолог, доктор медицинских наук.

«Удивительное совпадение! — пишет Елена Сергеевна. — В 1991 году операцию по поводу травмы ноги мне сделал молодой хирург Алексей Алимович Тяжелов. Но только сейчас я узнала, что это был внук моего бывшего коллеги Николая Александровича Тяжелова! Я его никогда не забуду: операцию он сделал мастерски, несмотря на ее сложность, был очень внимателен ко мне в послеоперационный период — писал на бумаге свои советы, сам снял швы...»

Тесен, как говорится, мир. И в то же время — велик и широк, это — то поле, на котором, рано или поздно, всходят все семена, как добрые, так и злые. А потому — не лучше ли сеять «разумное, доброе, вечное»?

*Где вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...*

Юлия СОЛОВЬЕВА

ПРОШЛОЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ В НАСТОЯЩЕМ

*Призрачно все в этом мире бушующем,
Есть только миг — за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется — жизнь.*

**Песня из кинофильма
«Земля Санникова»**

**Ф.С. ЦУКАНОВ
(1896—1965)**

Два мальчика играли на берегу реки. Они увлеченно устанавливали маленькую водяную мельницу, искусно сделанную из дерева (совсем как настоящая!) и не заметили, когда к ним подошел бородатый слуга в широкой рубахе, выпущенной поверх штанов. Он похлопал одного из мальчиков по плечу — жест этот, впрочем, был довольно почтительным. Мальчик резко обернулся, недовольный

тем, что его оторвали от любимой забавы, и вопросительно дернул подбородком: чего, мол, хочешь? Громадный, как медведь, бородач с робким и виноватым выражением лица поманил его пальцем, а по-

том указал в сторону помещичьей усадьбы, белеющей невдалеке, показывая этими простыми жестами глухому баричу, что его зовут домой. Но маленький упрямец лишь круто мотнул головой, одновременно чиркнув ребром ладони по шее, и махнул рукой: не хочу, уходи! И снова занялся прекрасной водяной мельницей, с которой продолжал возиться его товарищ — простой крестьянский мальчик в холщовой рубашке. Именно он, смысленный и падкий на всякие выдумки быстроглазый мальчуган, мастерил эти чудесные игрушки из дерева — кораблики, лодочки, водяные и ветряные мельницы, что и положило начало их дружбе с маленьким баричем.

А еще их сблизило то, что оба они были глухими. В родной семье, как в помещичьей, так и крестьянской, им все время приходилось натекаться на невидимую стену непонимания, лишь друг с другом они могли непринужденно болтать часами на придуманном ими самими языке жестов. Этот тайный, им одним понятный язык роднил их как ничто другое, делая их... счастливыми братьями по несчастью. Родители барича не мешали им дружить, видя, что большие, в густых ресницах, глаза их кудрявого херувимчика становятся радостными и оживленными лишь в присутствии шмыгающего носом, всегда чумазого Пилипка.

Бородатый слуга, однако, не уходил, растерянно топтался за спиной. Потом опять поманил барича, что-то ему упорно разъясняя... Мальчик, наконец, заинтересовался торопливыми пассажами бородача. Вдруг глаза его заблестели и, забыв о мельнице, он вскочил на ноги и потянул за собой Пилипка: пойдем! И все втроем они отправились в усадьбу: мальчики — впереди, вприпрыжку и быстро переговариваясь на

своим тайным языком, а за ними, неуклюжей, но бодрой рысцой, — довольный слуга, лицо которого выражало заметное облегчение. Ведь и впрямь, ох как бывает нелегко уговорить что-то сделать упрямого барича!

Дома, в усадьбе, подтвердили то, что маленький строптивец и так уже понял со слов бородача: пришло время ехать в Одессу — учиться. Мальчик бурно обрадовался, но тут же потребовал, чтобы вместе с ним ехал и Пилипко. Пилипко стоял тут же и смущенно переминался с ноги на ногу. Барин и барыня переглянулись, потом попытались объяснить сынишке, что это невозможно... но он сердито топнул ногой: без Пилипка — не поеду!

Вот так и попал Пилипко в Одессу, в школу для глухих детей, обучение в которой стоило 100 рублей, что по тем временам было немалой суммой.

Дни и годы ученичества, тянувшиеся, казалось, бескончаемой чередой, промелькнули незаметно, словно унесенные порывом ветра. И вот уже Филипп Цуканов, рослый парубок, стоит за порогом школы — с аттестатом в котомке, где значится несколько рабочих специальностей: слесарь, швец, столяр. Поневолу задумаешься на распутье: куда идти? Филипп был искусен не только в работе руками, но и хорошо читал с губ, был грамотным и мыслящим человеком. Мог кое в чем даже и своего друга детства, с которым они все время учились бок о бок, поправить и наставить.

Пребывание в школе для глухих детей, может быть, стало первопричиной создания Цукановым организации глухих в Кировограде. Филипп, очутившись после школы перед выбором жизненного пути,

почувствовал себя очень неудобно и непривычно в своем одиночестве: хоть его и окружали люди, но глухому быть одному среди слышащих — все равно что брести в темном лесу. Вот и стал он собирать вокруг себя глухих единомышленников, разъясняя им, что во многих других областях Украины уже есть такие объединения, и они не просто существуют, но живут и действуют. Увлечшись этой идеей, Филипп Семенович решает оставить родное село и переехать в небольшой областной городок, который тогда назывался Зиновьевым.

28 марта 1920 года Ф. С. Цуканов впервые провел собрание в Зиновьеве, на котором присутствовало 40 человек. На этом собрании было избрано правление из пяти человек, в которое вошла и жена Цуканова — Надежда Семеновна. Эта небольшая ячейка глухих, раз возникнув, начала разворачивать свою работу с удивительной быстротой и энтузиазмом. Словно мельница завертелась...

Не откладывая дела в долгий ящик, председатель правления Цуканов обратился в собес с просьбой выделить помещение под клуб глухих. Совместная просьба правления и собес была удовлетворена исполкомом без всяких проволочек. Первое помещение клуба глухих до сих пор стоит на этом месте, пережив войну и реставрацию, — теперь в нем расположена парикмахерская.

Был в правлении глухой В. Г. Спасский, сестра которого работала учительницей. Филипп Семенович видел, как тяжело жить глухим, которые нигде не учились и даже не умели как следует объяснить, кто они такие. Глядя на этих беспомощных инвалидов, совершенно неприспособленных к жизни и лишенных об-

щения, нетрудно было понять, что объединение глухих без образованных людей не может иметь будущего. И потому они вместе со Спасским уговорили его сестру, Капитолину Георгиевну, ходатайствовать об открытии школы глухих в Кировограде.

Этот вопрос, поставленный «ходоками» от глухих перед Народным комиссариатом образования, также был решен положительно. В 1932 году, 20 декабря, школа была открыта. Вначале в ней было пятеро детей — не густо! Но благодаря работе правления количество детей вскоре увеличилось, и уже возле школьной новогодней елки водили нестройный хор вод около двадцати девочек и мальчиков. Чтобы обеспечить школьников питанием, Филипп Семенович обратился к местным властям с просьбой о выделении земли для постоянного пользования. Власти отнеслись к прошению благосклонно, и для школы было выделено 300 га земли и посевные материалы, что было весьма ощутимым подспорьем для скудного школьного хозяйства того времени. Как и многим в Украине, им еще предстояло пережить голод 1933-го, но все-таки первый толчок, давший жизнь школе глухих в Кировограде, был сделан.

Вскоре после образования Кировоградского облотдела УТОГ Цуканов обратился в Центральное правление Общества с просьбой создать учебно-производственное предприятие глухих в Кировограде, что и было осуществлено в 1935 году. Первое время директором предприятия был Цуканов. На работу приняли около десятка сирот, которые, пока не было общежития, жили в школе для глухих детей. Было трудно, но, как говорится, «дорогу осилит идущий», и уже в 1937 году на предприятии отмечали

праздник, связанный с выделением ему двухэтажного дома, где были открыты столярная и кузнечная мастерские, слесарно-сборочные участки с новенькими токарными станками.

Деятельность Ф. С. Цуканова не ограничивалась руководством облотделом УТОГ и УПП. Филипп Семенович не забывал о школе для глухих детей и взял ее под свою опеку — уделял глухим школьникам не меньше заботы и внимания, чем своим родным детям. Вместе с женой они руководили школьной художественной самодеятельностью, собственноручно готовили реквизиты, костюмы, устраивали для ребят праздники. Сколько радости приносили детям, живущим без семьи, эти теплые, светлые дружеские вечера! От радостных детских улыбок теплело на сердце и у Филиппа Семеновича. Может быть, вспоминалось ему тогда и свое далекое, туманное детство — водяные мельницы, игры на реке, друг из помещичьей усадьбы, их тайный, только им двоим понятный язык жестов...

Ах, время, время! Оно — как полноводная река: «смотришь и не видишь, идет или не идет его могучая ширина...»

Потом была война. Цуканов не был мобилизован на фронт из-за глухоты и остался в оккупированном Кировограде, помогая глухим согражданам чем мог, по мере своих сил. После освобождения города областная организация глухих возобновила свою деятельность, а после войны, в июне 1945-го, опять начало работать Кировоградское УПП УТОГ. В то время председателем правления избрали М.П. Глодина, а директором УПП был Ф.С. Цуканов.

Однако здоровье Филиппа Семеновича заметно пошатнулось (видно, оккупация не прошла для него

даром), и в ноябре 1946 года он, по его просьбе, был переведен на более легкую должность инструктора по подготовке слесарей. С этой работой он справлялся блестяще — руки-то у него с детства были золотые! За десять последующих лет он подготовил 140 высококвалифицированных специалистов, которых без всяких колебаний и сомнений брали на работу на госпромышленные предприятия — учеников Цуканова хорошо знали в Кировограде. А что может быть большей гордостью для учителя, чем добрая слава его учеников!

Когда проводился тематический вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Ф.С. Цуканова, актовый зал Кировоградского дома культуры глухих был набит до отказа. Его современники и ученики с любовью и грустью вспоминали первого председателя облотдела глухих и директора УПП УТОГ. Мастера с волшебными руками, которому, казалось, было под силу соорудить из всяких невзрачных гаечек и винтиков машину времени или вечный двигатель...

...А мальчуган с живыми смысленными глазами навсегда остался на берегу реки — строить свои водяные мельницы и пускать замысловатые, изысканные кораблики под парусами, совсем как настоящие, — такие он видел на рисунке в толстой книжке своего друга. Ведь все начиналось тогда, с берега реки, а ничего не проходит бесследно — и прошлое продолжается в настоящем.

*Вечный покой сердце вряд ли обрадует.
Вечный покой — для седых пирамид.
А для звезды, что сорвалась и падает,
Есть только миг, ослепительный миг.*

Юлия СОЛОВЬЕВА

МИРАМИ ПРАВИТ ЖАЛОСТЬ

*Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других,
Как бы им в даренье.*

Борис ПАСТЕРНАК

Я.С. ШИРМАН
(1901—1982)

Многое в судьбах людей так навсегда и остается неизвестным, скрытым плотной завесой забвения. Во мраке вспыхивают беглые огоньки отдельных дат — и памятных лишь немногим, и наиболее значительных, среди которых самыми яркими кажутся рождение и смерть. Вехи деятельности тоже дают заметные вспышки. Любовь одних горит путеводной звездой («Одной-единственной, другой не будет никогда!»), других — окружает целое созвездие любимых образов. Одни события жизни наполнены теплым, солнечным сиянием радости, другие — холодным, печальным светом бед и невзгод. Но все-таки заманчивей такой «звездной» хронологии иногда бывает то, что скрыто за темной завесой неизвестности. Живая мысль невольно тя-

нется к тому, что ушло в небытие, — чтобы жить там своей неразгаданной, остановленной жизнью.

Когда перебираешь старые фотографии, пожелтевшие и потускневшие от невидимого налета времени, всматриваешься в лица тех, кто ушел дорогой, ведущей только в одну сторону, и слушаешь музейную тишину, торжественную и грустную, — тогда из-под высветленных памятью дат и событий словно выступают смутные тени забытого прошлого.

Вот групповой снимок на стенде Музея УТОГ — среди открытых детских лиц выделяется узкое, интеллигентное лицо учителя. Темные внимательные глаза за круглыми стеклами очков. Глаза добрые, но усталые, немного печальные. Это Яков Соломонович Ширман — один из первых директоров Киевской школы для глухонемых детей. О нем сохранилось совсем немного точных сведений — при большом количестве фотографий, рассматривая которые, пытаешься домыслить неизвестное из его жизни.

Сын начала века (Ширман родился в 1901 году), он вобрал в себя все веяния и чаяния передовой интеллигенции, выраженные в произведениях Достоевского, Чехова, Шолом-Алейхема. Начиная свой путь в Украинском обществе глухих переводчиком-дактилологом, будучи завучем Всеукраинских политехнических курсов для инвалидов (ВУПКИ) и возглавляя Киевскую школу для глухонемых детей, — на любых должностях и постах Ширман никогда не изменял идеалам гуманизма, оставался мягким, сердечным и внимательным ко всем человеческим нуждам.

Он настолько принадлежал людям, отдавая им всего себя, все свои помыслы и знания, что тихий, ровный свет его высокой духовности озарял каждого, с

кем он так или иначе соприкасался, будь то многолетнее сотрудничество или случайная встреча. Невозможно было представить себе этого человека возмущенным, бунтующим, что-то отстаивающим, — и в то же время в его спокойной, добросердечной мягкости была какая-то особая, ясная сила, умиротворяющая самых громогласных и заставляющая других стремиться ко всему светлому, чистому и прекрасному.

Его собственное тяготение к красоте было очень велико. Это была богато одаренная, артистичная натура, и как-то случайно, по просьбе своих учеников сыграв небольшую роль в одном спектакле художественной самодеятельности (под руководством Виктории Францевны Лоос), Яков Ширман стал постоянным участником представлений, которые ставились на сцене Киевского дома культуры УТОГ, неизменно чаруя глухих зрителей большим личным обаянием и удивительной пластичностью жестовой речи.

Первыми уроками жестово-мимической речи Яков был обязан своему глухонемому брату Давиду. Ежедневно и ежечасно общаясь, поверяя друг другу маленькие и большие тайны, братья шлифовали и совершенствовали свой язык жестов. Маленький Давид был прекрасным учителем, а Яша — очень способным учеником, который скоро превзошел своего учителя в отточенности и изяществе выражения глубокой мысли с помощью простых жестов. Теперь братья могли говорить на языке глухих не только о самом насущном и обыденном, но и о необъяснимых загадках Вселенной.

Не хлебом единым жив человек, и Яша с ранних лет увлекался всем таинственным и непонятным, не имеющим доказательств, плавающим в туманном гиппо-

тетическом пространстве. На языке жестов, привязанных к конкретным вещам и определенным действиям, бывает трудно выразить абстрактные понятия, но изобретательный Яков каким-то образом наловчился это делать — и его вопросы о смысле бытия или о тайнах человеческой души нередко ставили простодушного глухонемого подростка в тупик. Давид понимал, конечно, о чем спрашивает Яков, — последний умел облечь самую сложную проблему в простые и доходчивые слова, — понимать-то понимал, но вот ответить... Он терялся, не находя слов, и только растерянно смотрел на брата, мучающего его неразрешимыми головоломками. Откуда ему было знать, что на эти вопросы не могут ответить и лучшие из умов!

И, наверное, обращался Яков с такими вечными вопросами, не имеющими ответа, к Давиду, своему неизменному собеседнику, и в зрелые годы, даже после трагической гибели брата — его расстреляли в 1941-м, и призрак его, как тени всех погибших насильственной смертью, витает над печально известным всему миру Бабым Яром...

Якову же была уготована иная судьба. Уже в самые юные годы он был настолько «подкованным» переводчиком, что поле его дальнейшей деятельности обозначилось как бы само собой, без мучительного для многих выбора жизненного пути. Едва оперившийся юноша знал, что посвятит свою жизнь глухим людям и, каких бы трудов ему это не стоило, будет вести их к свету знания, смутно брезжащему вдали. Когда ему приходилось вступать в общение с человеком, лишенным слуха, перед ним всегда стояли темные, блестящие глаза брата, вбирающие в себя каждое слово с щемящей сердце бережностью. И пото-

му всякий человек без слуха, глядящий на него внимательными глазами Давида, тоже был для него братом. Обладая врожденной чуткостью и отзывчивостью, любовью ко всем «униженным и оскорбленным», молодой, но убежденный гуманист относился к беспомощным и беззащитным перед открытым миром глухим «братьям» с особым сочувствием.

В свои 26 лет Яков Ширман уже слыл признанным авторитетом среди глухих киевлян и заведовал Всеукраинскими политехническими курсами для инвалидов.

Украинское общество глухих тогда только зарождалось. Вначале активно действовали, главным образом, местные организации, и одним из самых больших очагов была в то время Киевская городская организация глухих (КиевОГ), председателем которой стал Яков Соломонович Ширман. Хотя у него уже был некоторый опыт в организационных делах (в 1924 году Я.С. Ширман являлся членом комиссии по организации Донецкой областной организации глухих), здесь ему пришлось столкнуться с таким множеством проблем людей без слуха, требующих определенной твердости и категоричности в их решении, что прекрасные человеческие качества Якова Соломоновича — мягкосердечие и способность к состраданию — оказались не в чести и не к месту. Он совершенно не умел говорить «нет», не мог отказывать людям, нуждающимся в помощи, — и пытался что-то сделать для каждого, иногда заведомо зная, что это не в его силах.

Человек с сильно развитым, даже несколько гипертрофированным чувством ответственности не только за себя, но и за других (как это нередко бывает у истинных — не только по званию, но и по призванию учителей), он делал все возможное, чтобы лю-

бой, пришедший к нему со своим «больным» вопросом, ушел после долгой душевной беседы успокоенным и ободренным. А Ширман потом «принимал огонь на себя»...

Эта личностная особенность Якова Соломоновича ставить на первое место человека, его беды и радости, а уже потом — все остальное, послужила причиной столкновений его с лицами, думающими иначе, отдающими предпочтение «интересам дела» в ущерб человеческим нуждам. Гуманистическое начало, преобладавшее во всем, чем бы Яков Соломонович не занимался, обусловило полное неприятие им бюрократических методов работы, которыми тогда нередко злоупотребляли руководящие работники всех рангов и уровней. Его же своеобразный, «щадящий» стиль работы с людьми, глубокое проникновение в их заботы были пренебрежительно названы «достоевщиной».

Живые, страждущие люди шли к нему, смотрели на него доверчивыми глазами Давида — и его сердце было открыто для них. Но тогда, в середине 30-х, искренние человеческие чувства повсеместно подавлялись, их прятали под маской ревностного служения идее. Ширман никогда не носил маску — он всегда был прежде всего человеком, учителем, гуманистом... просто любящим братом.

Особенно тяжело приходилось Ширману, когда ему было поручено возглавить Киевскую школу-интернат для глухих детей и перед ним открылась, казалось бы, заманчивая перспектива воспитания «нового человека». Увы, среди своих коллег, едва освоивших «азы» специальной педагогики, но уже успевших освоить ту сомнительную истину, что жалость унижает человека, ему не удалось найти понимания и

сочувствия. Даже напротив — пришлось столкнуться с враждебными настроениями педагогического коллектива, который отвергал чуждые ему идеалы сострадательного добра.

И все же его ученики навсегда запомнили простые, но великие уроки доброты. Учитель продолжается в своих учениках — эта истина неоспорима. Где-то, в чьих-то сердцах разбросаны искорки ширмановской доброты. Маленькая девочка, внучка бывшей ученицы Ширмана, осторожно обходит стороной цветок, — «чтобы не наступить на него и не сделать ему больно»... Но разве можно проследить, куда ведут все ответвления одного большого старого дерева?

Однако одно из таких «ответвлений» глухим киевлянам хорошо известно. По стопам Якова Соломоновича пошел племянник Владлен — сын его брата. Владлен Давидович Ширман — бывший инструктор-переводчик завода им. Горького, потом — «Продмаша», председатель завкома и член Киевского горсовета профсоюза по работе среди глухих — тоже заметное лицо в истории УТОГ. По воспоминаниям знавших его людей, Владлен Давидович был «очень хорошим, мягким, добрым человеком». Большая доброта — отличительная черта всех Ширманов!

Перед войной разногласия Якова Соломоновича с сотрудниками и руководством УТОГ, видимо, все из-за той же пресловутой отличительной ширмановской черты, резко обострились. Его обвинили в каких-то недостойных деяниях (теперь, по истечении времени, уже никто не может толком сказать, в каких именно), и он, чтобы избежать гонений, вынужден был уехать в Россию.

Яков Ширман немного увез с собой — тоску по

киевским каштанам, альбом с семейными фотографиями, где они сняты вместе с братом Давидом, и, в числе других книг, грустно-веселую повесть Шолом-Алейхема о мальчике Поле, образ которого был так близок ему в детстве. След его затерялся на время среди гулких улиц города великого гуманиста Достоевского, слился с прозрачной, холодной поэзией белых ночей и разводных мостов.

Но после войны Яков Соломонович вернулся в Украину и поселился во Львове, в одном из тех старых, добротных домов, в каких особенно явственно чувствуется дух минувшего и витают тени давних воспоминаний. Жил он теперь тихо и незаметно, занимая должности самые скромные, но не изменяя своим высоким идеалам милосердия и любви к ближним. Он сильно постарел, его узкое лицо еще больше осунулось, близорукие добрые глаза подернулись дымкой печали, а благородные порывы его души воспринимались окружающими как безобидные чудачества, которыми, впрочем, многие не преминули при случае воспользоваться, — кто по своей горькой нужде, а кто и в корыстных целях.

На склоне лет Яков Соломонович все чаще и чаще беседовал с призраком Давида о тайнах бытия, пока однажды не перешел к нему в страну теней — легко и безболезненно, в светлой радости, и прах его похоронен на готическом львовском кладбище, где вздымаются над почившими в мире серые крылья каменных ангелов.

*Мирами правит жалость,
Любовью внушена
Вселенной небывалость
И жизни новизна.*

Юлия СОЛОВЬЕВА

ЛУКАВЫЙ ВЗГЛЯД — СКВОЗЬ ГОРЬКИЙ ДЫМ

*Вы, идущие мимо меня
Не к моим и сомнительным чарам...*

Марина ЦВЕТАЕВА

В.Ф. ЛООС
(1895—1981)

Говорят, что у Виктории Францевны Лоос не было личной жизни. Что она была «самым главным человеком в Обществе» (по выражению бесконечно ценившего и уважавшего ее П.К. Набоченко), целиком и полностью посвятившим свою жизнь служению Украинскому обществу глухих. То ли этакий «синий чулок», то ли огонь чистой жертвенности, для других горящий. Но это не так. Скорее всего, она была «вещью в себе». И, по-видимому, жила как бы в двух мирах, в двух измерениях. С одной стороны, она была человеком, самоотверженно отданным делу, людям, с другой стороны — личностью, сосредоточенно погруженной в себя, в свой внутренний мир, «во глубины». Чем она была для УТОГ — известно всем, в оценке ее общественной работы единодушны все: по воспоминаниям ее современников (включая и вышеупомяну-

тое определение Петра Карповича), она была совершенно уникальным служителем Общества. Чем она была для себя — осталось и, по всей вероятности, навсегда останется тайной. Можно только предполагать, чем был потайной, глубинный внутренний мир профессиональной художницы, учившейся в художественной академии, но не реализовавшей себя в искусстве из-за глухоты. Чем был мир красивой, утонченной, обворожительной девушки из дворянской семьи, сохранившей верность своему жениху-эмигранту, любившему ее, звавшему ее к себе — туда, за черту, но за которым — по неизвестным причинам — она не последовала... Вспоминая ее внешний облик, говорят:

— У нее были светлые глаза, всегда лукаво и весело поблескивавшие сквозь толстые стекла очков...

— Она очень много курила, кажется, никто и никогда не видел ее без папиросы...

И в воображении возникает туманный, расплывчатый образ женщины цветаевского типа: страстно, сильно, радостно любящей жизнь и — этой жизнью отверженной. Веселые искорки глаз и — горький дым папиросы...

Ее называли — Сильвой. В те времена звучала в эфире ностальгически-чарующая песня:

*Сильва, Сильва,
Ты меня не любишь,
Сильва, Сильва,
Ты меня погубишь...*

Сильва. В имени этом, изысканно-романтическом, быть может, и кроется тайна внутреннего мира этой

удивительной, сложной и тонкой натуры, оставшейся для современников «вещью в себе».

А в жизни, явленной всем, для всех доступной и открытой, — Виктория Францевна была удивительно милым и очень скромным человеком, неизменно доброжелательной со всеми. Кто бы к ней ни обратился, она никому не отказывала в помощи. И когда Петр Карпович Набоченко — в который уже раз, чуть ли не как присказку — повторял: «Это — наш самый главный человек», она, стеснительно улыбаясь, закуривала папиросу и молча продолжала выполнять свою повседневную, кропотливую, нередко рутинную и монотонную работу инструктора ЦП УТОГ.

Но даже в такую работу она вносила элементы артистичности, изысканности и оригинальности. Протоколы, отчеты, замечания, пояснения, колоссальная переписка с каждым председателем областного отдела — все то, что для многих других было бы обычной канцелярской работой, — у нее приобретало облик завершенных научных трудов. А на ее рабочем столе стояла вазочка с остро отточенными карандашами — напоминание о временах художественной академии...

И еще была отдушина, помогавшая переносить все тяготы жизни, однообразие будней, боль одиночества, и даже две (ставшие настоящими «культами» в доме) — книги и дети. Дети сестры, внуки, их друзья.

Элеонора Ивановна Чернобай, внучка Лоос, пишет в своих личных воспоминаниях: «Мне очень повезло в жизни. Я родилась в семье, где было две бабушки. И бабушки не такие, как другие».

Это может показаться очаровательной пристрастностью, но бабушки у Эли и в самом деле были «не такие, как другие».

Бабушка Вита и бабушка Марчелла. Виктория Францевна была на семь лет старше Марчеллы Францевны, и ее старшинство проявлялось не только в возрастной разнице, но и в том, что бразды правления держала в руках она, предоставив младшей сестре привилегию семейного счастья. Тем не менее, сестры Лоос на протяжении всей своей жизни были очень близки (как были близки на протяжении всей своей жизни сестры Цветаевы — Марина и Анастасия. В самом деле, судьбы сестер Лоос и сестер Цветаевых — как судьбы одаренных и глубоко чувствующих девушек из дворянских семей — во многом схожи).

По национальности сестры Лоос были чешки. Хотя это несколько спорный вопрос, так как отец их был чех, а мать — немка. В семье, где росли Вита и Мара (а потом дети и внуки Марчеллы, ставшие общим достоянием обеих сестер), время от времени говорили по-чешски.

Обе сестры прекрасно закончили гимназию, знали несколько языков, в том числе греческий и латынь, что по тем временам было большой редкостью. Они поражали своих близких (и не только близких) энциклопедическим объемом знаний и множеством всяких умений: играли на пианино, занимались математикой, рисовали, вышивали... И даже простая штопка чулок — по мнению их восхищенных внуков — была у них «настоящим произведением искусства».

Однако воспоминания Элеоноры Ивановны при-

обретают горький оттенок, когда она говорит о столкновении возможностей одаренной девушки, получившей великолепное образование, с жестокой реальностью, резкими ударами невидимой умиряющей плети загнавшей ее истинную сущность на самое дно души, не давшей проявиться богатству ее личности во всей красоте и силе, сделавшей ее трагически расщепленной на два противоречивых образа: один (внешний) — открытая, сердечная женщина «с лукавыми искорками в глазах», но — непрерывно, нервно курящая; другой (внутренний) — таинственная «вещь в себе», тихо сосредоточенная на своих глубинных переживаниях и никого не пускающая в эти глубины...

Из воспоминаний Э.И. Чернобай:

«После гимназии Виктория окончила художественную школу при Тифлисской академии художеств. Затем — два года художественной академии, но окончить ее не пришлось. В четырнадцать лет она переболела брюшным тифом, тяжелым последствием которого была прогрессирующая потеря слуха. Марчелла же успела один год проучиться в Смольном институте... Революция изменила все».

Пришлось устраиваться в этой суровой жизни как получится. Виктория окончила курсы чертежников, конструкторов и бухгалтеров. Работала в снабдах, сбытах, главках — везде, где брали без слуха, но со знаниями.

По-настоящему почувствовала себя человеком (так она говорила), когда начала работать в Центральном правлении УТОГ.

У сестер Лоос была обширнейшая библиотека, которой пользовался весь дом, друзья и знакомые.

Сестры, при своих мизерных зарплатах, упорно собирали ее всю жизнь. Книги — это был остров спасения, на который можно было эмигрировать с материка грубой действительности по первому желанию, прихватив с собой замороженную ватагу детей, своих и чужих.

И, конечно, еще был театр. Тот увлекательный, яркий, красочный мир, который, как и книги, давал Виктории Францевне возможность отвлечься от серых будней и приблизиться к романтическому образу Сильвы, который жил в ее душе своей обособленной жизнью. Сильва — актриса, художница, современница Цветаевой — проглядывала тогда «из глубин» и позволяла себе предаваться высшему из наслаждений — наслаждению творить. Киевский народный самодеятельный театр, основательницей которого была Виктория Францевна Лоос, мог бы по праву называться — «Сильва». Если бы эта Сильва хоть однажды заявила о себе открыто. Не заявила. Так и осталась тайной — навсегда и для всех.

...Кажется мне, что я вижу ее юной, с развевающимися темными локонами, глядящей откуда-то со склонов кавказских гор на живописную панораму Тифлиса. У ног ее стоит небрежно опущенный этюдник. Белое платье разлетается на ветру, взгляд светлых глаз — серьезен и задумчив. И затуманен девичьими мечтами. Конечно же, о прекрасном будущем. Это потом, спустя годы, появятся в этих светлых глазах «лукавые искорки смеха»... неразлучные с извилинами папиросного дыма.

Лукавый взгляд — сквозь горький дым...

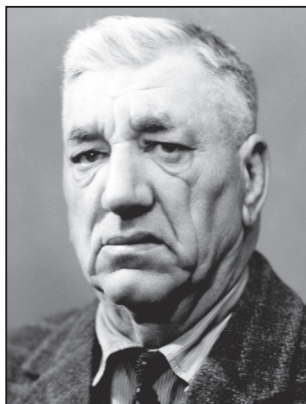
*Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,
И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.
О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —
Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.*

Арсений МОСКАЛЕНКО

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

*Сердцу тяжело...
Сердце ведь не камень:
напряги —
и дрогнет вперевой
под кулями,
рельсами,
станками,
под своей
и общею судьбой!*

Николай АСЕЕВ

А.И. МОСКАЛЕНКО
(1895—1970)

Вследствие перенесенной в детстве оспы я лишился возможности слышать и стал на всю жизнь глухим. Время было тяжелое — началась русско-японская война. Отец обучил меня грамоте, позже определил в Александровскую школу глухих. В этой школе я обучился также сапожному ремеслу. Проучился в школе три года, читал много книг. Дальше отец не смог платить за обучение, и

мне пришлось работать батраком у кулака.

Так продолжалось более 2 лет, до начала войны с кайзеровской Германией. Однажды отец, вооружившись карандашом и бумагой, как он обычно делал

при разговоре со мной, написал мне: «Вот что, сынок! Пора тебе и самому думать о себе, ведь меня могут угнать на войну. Надо научиться самому добывать себе хлеб».

Я договорился за плату работать у одного зажиточного крестьянина: чистил конюшни, возил навоз, выгонял на выпас коров и телят, пригоняя скотину обратно перед заходом солнца, кормил лошадей. Так прошел месяц моей работы, пока случай не свел меня с одним парнем, таким же, как и я, глухонемым. Этот глухонемой продавал жетоны (металлические кружки, заменяющие монеты в игре). Я тоже стал жетонщиком. Постепенно дела пошли на лад, я приобрел костюм и новые ботинки.

Как-то летом 1916 года мы выехали в Петроград. Глухонемые этого города собирались у Николаевского вокзала, служившего им вместо клуба. Это были простые люди: сапожники, портные, столяры и такие же, как и мы, жетонщики.

В городе было какое-то общество богатых глухих. Я узнал адрес и отправился туда. На двухэтажном особняке я увидел мраморную доску, на которой значилось: «Клуб Всероссийского общества глухонемых». На входной двери была табличка: «Глухонемым не дворянского происхождения входить категорически запрещается». Но я смело вошел в дверь. В стороне была другая дверь, на которой под стеклом в небольшой черной рамке красовался золотой шрифт: «Редакция газеты «Мир глухонемых».

Ко мне подошел редактор М.Г. Иванов и спросил, могу ли я написать заметку. Я ответил, что на Украине нет никакой организации глухих, и написать мне не о чем. Мне показали подшивку газет за год. Это было

для меня чудом — у неслышащих была своя газета!

Я увидел списки членов Петроградского общества глухонемых: Ф.К. Ратиев — князь, О.К. Юсупов — граф, И.П. Голиков — купец 1-й гильдии. Дальше шли: дочь епископа, дочь генерала, сыновья адмирала и банкира. Узнай кто, что я — крестьянин, меня сразу бы выбросили из клуба.

Мне пришлось сочинить легенду о своем происхождении, для убедительности я предъявил фальшивое удостоверение, что я агент по реализации Московской металлообрабатывающей фабрики «Кучкин и К°».

С тех пор в клубе я больше не появлялся, но посылал в газету «Мир глухонемых» свои заметки.

Вскоре началась гражданская война. Однажды, возвращаясь с рытья окопов, я встретил всадников с карабинами. В двоих из них я узнал глухонемых из соседнего села. Оказалось, они вступили в Красную Армию.

— Как же вас приняли? Ведь глухих в армию не берут! — удивился я.

— Не берут, — согласились те. — Но мы пошли добровольцами, а таким не отказывают.

Тогда я тоже вступил в Красную Армию. Мы шли с боями, попадали под артобстрелы, но я чудом остался жив.

В начале 1920 года было остановлено наступление деникинской армии. Нашу дивизию отправили на Кубань для ликвидации остатков белогвардейских банд. По дороге я заболел брюшным тифом, меня сняли с эшелона и направили в Макеевский госпиталь, после которого медкомиссия освободила меня от военной службы.

После 1925 года я взялся за работу по объединению глухонемых, ездил в районы организовывать

спецшколы для глухих. Писал об этом много, посылая все в петроградский «Мир глухонемых», поскольку своей газеты у нас в то время еще не было.

Вкратце скажу, что я горячо, а главное — сознательно, взялся за работу по объединению глухонемых, привлечению их к общественно-полезному труду, охвату как взрослых, так и переростков общим образованием, обучению определенной профессии и специальности.

Было создано Вседонбасское объединение глухонемых (ВДОГ), будучи членом которого я ездил создавать новые объединения на периферии: в Артемовске, Славянске, Жданове, Луганске и Запорожье.

...Памятно для меня первое Всеукраинское совещание глухих, состоявшееся 25 февраля 1927 года в тогдашней столице Украинской республики — Харькове. Главнейший вопрос повестки дня — о создании во всеукраинском масштабе руководящего центра по работе среди глухих. По этому вопросу выступили почти все делегаты, и было принято решение создать при Народном комиссариате социального обеспечения Украины организационное бюро для разработки и осуществления наказов съезда во главе с наркомом социального обеспечения Багинским.

Вторым вопросом повестки дня совещания был вопрос о работе с глухими на селе. С волнением рассказывали делегаты о тяжелом положении глухонемых села, об их иждивенчестве у своих родственников, о том, что некоторым приходится батрачить у тех же родственников, или еще хуже — гнуть спину по дворам у кулаков.

Одни предлагали переводить глухонемых из села в город, другие — организовать для них производст-

венные артели по типу кооперации инвалидов, третьи высказывали мысль об организации в сельской местности сельскохозяйственной коммуны глухих. Но осуществить эти предложения в условиях того времени не было реальной возможности, поэтому съезд не принял по этому поводу никакого решения.

Высказанная на совещании мысль об организации сельскохозяйственной коммуны не оставляла меня, была заманчивой.

Работая в то время инструктором окрсобеса, я отчетливо представлял трудности, связанные с созданием коммуны. Прежде всего решил заинтересовать своих подопечных, и особенно — актив, и заручиться их поддержкой. Мыслилось так: надо под сельскохозяйственную коммуну добиться выделения 30—40 гектаров земли из расчета на 50—60 глухих; основное назначение — производство зерна и огородничество; для создания материальной базы открыть мастерские по обслуживанию бытовых нужд сельского населения и зарождающихся товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ).

Пользуясь тем, что в Украине в 1928 году началась реконструкция сельского хозяйства, т.е. начали создаваться колхозы, совхозы и ТОЗы, и имея на руках подробный письменный план создания сельскохозяйственной коммуны глухих, я обратился с докладной к завокрсобесом Навроцкому. Прочитав мою докладную, Навроцкий сказал: «В принципе, я поддерживаю ваш план, но вопрос очень серьезный... Люди есть люди, и необходимо выяснить, пойдут ли они за вами. Вот что, поезжайте на места и лично познакомьтесь со всеми».

И вот мы с моим другом, учителем Я.Г. Радомским, отбыли в командировку в районы Донецкой области

(по-тогдашнему — округ). Первое село на нашем пути — Андреевка Андреевского района. В этом селе проживало два десятка глухонемых. В райисполкоме нас приняли очень хорошо, сразу же выделили для проведения общего собрания помещение районного клуба, разослали посыльных для созыва глухонемых.

К назначенному часу явились все глухонемые в сопровождении родителей или родственников, на лицах которых сквозило беспокойство: зачем это райисполкому потребовались глухонемые? Уже с первого взгляда было видно, как необщительны глухонемые друг с другом, некоторые боялись даже зайти в помещение клуба, и родственники почти силой втащили их. Несколько человек вырвались и убежали, а оставшиеся были настолько темны, что не понимали самых простых знаков языка жестов и мимики. Стало ясно, что проводить собрание совершенно бесполезно, — нас не понимали. Попробовали побеседовать индивидуально с каждым — опять ничего не получилось: одни все время кивали головами, другие просто боялись нашего приближения и убегали, думая, очевидно, что их хотят отнять у родственников. Лишь с тремя удалось кое-как объясниться. Поговорив с родителями и родственниками глухонемых, разошлись.

На другой день пара сытых лошадей доставила нас в Больше-Янисольский район, где нас тоже приняли очень хорошо. На этот раз созывать собрание мы не стали, а начали обходить глухонемых по домам. Их было около десяти, но и среди них процветала такая же темнота. Только один нашелся, с которым можно было поговорить свободно.

Поехали дальше — в Павловский район. Но и там выявилась такая же картина, и нам ничего не остава-

лось, как вернуться обратно в Донецк. Однако неудача нисколько нас не обескуражила. Мы узнали своих людей и стали думать, как организовать с ними работу.

Обсудив на заседании бюро по работе с глухими вопрос о положении глухонемых на селе, решено было организовать в Андреевке, где глухонемых было больше, чем в других селах, школу для взрослых глухонемых. Районные власти с пониманием отнеслись к вопросу открытия этой школы, и вот 1-го сентября 1928 года в Андреевской школе начались занятия. Возглавил ее Яков Григорьевич Радомский. Первые дни глухонемые очень неохотно посещали школу, их приводили чуть ли не за руку. Но прошла неделя, другая, и глухонемые настолько освоились, что стали охотно приходить в школу сами. Вскоре пришлось уже организовать при школе общежитие для глухонемых из других сел — люди потянулись к учебе.

К концу года бюро окрсобеса по работе с глухонемыми заслушало информацию Я.Г. Радомского о результатах работы школы за полугодие и признало ее удовлетворительной.

Окончился учебный год. Глухонемые словно переродились, стали совсем другими людьми: куда девались необщительность, замкнутость, пугливость! Глухонемые Донецка взяли шефство над сельской школой, приезжали по выходным дням в Андреевку и обучали своих братьев игре в домино, шашки, проводили беседы, обучая в то же время языку жестов.

Прошел еще год, и глухонемые села неузнаваемо изменились: темнота, дикость исчезли из их жизни навсегда, а главное — они настолько сблизились друг с другом, что уже не могли жить в одиночку.

И вот в мае 1930 года мы снова подняли вопрос в

окрсобесе об организации сельскохозяйственной коммуны глухих. Теперь мы были уверены в успехе, хотя к этому времени уехал из Донецка организатор Донецкого объединения глухих Я.С. Ширман. Новый заведующий окрсобеса Шименков поддержал нашу идею и поставил вопрос об организации сельскохозяйственной коммуны глухих на президиуме окрисполкома.

В начале июня неожиданно последовал срочный вызов в окрисполком. Пошли вместе с М.И. Плинером — председателем окрбюро по работе с глухими. Нас сразу же принял председатель окрисполкома Гордон и сообщил: в Старобешевском районе есть хутор Карачурино, в котором, вступив в колхоз «Возрождение», окопались кулаки. Окрисполком намерен этот колхоз распустить, а землю, постройки и имущество кулаков передать вновь организуемой сельскохозяйственной коммуне глухих. Стараясь не показать своего волнения, мы спросили, сколько у этого колхоза земли. «Что-то около 550 гектаров», — сказал Гордон. Мы внутренне так и ахнули, — ведь планировали добиться 30—40 га земли, а тут вдруг чуть ли не целое море.

В тот же день я выехал в Андреевку. Вместе с Я.Г. Радомским обсудили план переброски глухих из Андреевки в Карачурино. Провели собрание, на которое, как всегда, кроме глухих, пригласили их родителей и родственников.

— Дорогие друзья, товарищи! — сказал я. — Мы пригласили вас, чтобы решить, как лучше устроить вашу дальнейшую жизнь. Вы часто спрашивали, скоро ли будет открыта коммуна? Сегодня я могу вам точно сказать: коммуна будет открыта завтра.

Раздались горячие аплодисменты.

— Нам дают землю, дома, все, что нужно для нача-

ла новой жизни. Согласны ли вы начать новую жизнь в коммуне?

Первым выступил глухой М. Иванченко и сказал, что поедет хоть завтра, и что он верит, что все будет хорошо. За ним заявили о своем желании стать коммунарами Алексей Кирпатов, Татьяна Скляр, Мотря Чепурко, Семен Антыпара и его жена Анна, а затем подняли руки все остальные.

Рано утром следующего дня начались сборы в дорогу. Первым к месту сбора пришел все тот же М. Иванченко, за ним стали появляться и все остальные. И вот днем большая крестьянская арба подкатила к школе. Быстро уложились и тронулись в дорогу, к станции Роя.

На станцию прибыли за полчаса до прихода поезда, а часа через три мы уже были в Донецке. У окрисполкома выстроились. В дверях показался Гордон и, улыбаясь, вскинул руку над головой в приветствии. Глухонемые ответили тем же.

— Сейчас придет автобус, и вы поедете на хутор, — сказал Гордон, — но помните, что никто не должен пока знать, что вы — будущие коммунары, иначе может сорваться молотба. На первых порах будете как бы в роли практикантов, а потом — полными хозяевами хутора.

Вскоре подкатил большой, пыльный, потрепанный почтовый автобус (лучшего тогда не было), и половина людей вместе со мной поехали в Карачурино. Вторым рейсом были переброшены остальные вместе с Я.Г. Радомским.

Председатель окрбюро по работе с глухими М.И. Плинер в тот же день привез на хутор оглохшего С. Кабанова, который вскоре стал отличным нашим помощником.

Рано утром прибежал председатель хуторского правления колхоза:

— Що за люды? Хто розришыв?

— Люди как люди, только вот... глухонемые, но вы не пугайтесь, воны не кусаются, — сказал я, переходя на украинский в конце. — По решению райисполкома будут проходить сельскохозяйственную практику.

— Еге, — смекнул председатель, — на допомогу... А що ж будэтэ робыты?

— Что мы будем делать — пока и сами не знаем... Вот приедет наше начальство, тогда и будем знать, — дипломатично ответил я.

Вскоре потянулись жители хутора посмотреть на небывалых «прахтихантов». Знакомились, вопросов не задавали. Нам это было на руку: добыли у них пару ведер, несколько лопат, материал для побелки стен. Девчата дружно взялись наводить порядок в комнатах, парни расчищали и убирали территорию двора. Так прошло два дня. Чтобы не томиться вынужденным бездельем, затеяли строить площадку для подвижных игр.

В это время появился снова председатель правления колхоза. Он буквально оторопел, увидев прибранный двор, выбеленные комнаты, промытые, чистые окна и двери.

— Оцэ и уся ваша «прахтиха»?

— Нет, это только подготовка к практике. Практика будет впереди.

— А дэ ж ваш начальник?

— Начальник еще не приехал. Я — старший.

— Що ж, хлопцы та дивчата у вас гарни. Чи не допоможэтэ у роботы?

— Охотно. Для этого мы и приехали.

И вот уже глухонемые работают у соломотряса, у

молотилки, у элеватора, на сгребании колосков, на волокушках и на других участках работы. Посмотрел на глухонемых в работе председатель колхоза и сказал:

— Ось що, добродию, розкумэкайтэ своим, щоб вони нэ ходылы обидаты до сэбэ: будэмо их харчуваты тутэ.

Я улыбнулся и выполнил просьбу золотого, для нашего положения, председателя. Так началась наша трудовая жизнь на новом месте.

Закончился обмолот. И вот на хутор неожиданно прибыла специальная комиссия, немедленно приступившая к работе. Созвав правление кулацкого колхоза «Возрождение», комиссия объявила о роспуске правления и ликвидации колхоза. Получив от бывшего председателя печать и штамп колхоза, комиссия приступила к переписи и передаче всего движимого и недвижимого кулацкого имущества коммуне глухонемых. После переписи и приема мы стали полными хозяевами хутора и всего имущества.

Для руководства коммуной было избрано правление: председателем избрали меня, моим заместителем — Я. Радомского, членами правления — А. Роменского, М. Иванченко, С. Антыпару — все глухие.

Наступил 1931 год. Сельскохозяйственная коммуна глухих жила и крепла. Дружба и товарищеская спаянность коммунаров ничем не омрачались. Готовились к весенним полевым работам: в кузнице шел ремонт сельскохозяйственного инвентаря; в столярной делались коробки для перевозки зерна, чинились арбы, изготовлялись грабли и др.; в амбарах целыми днями вертелись триера, очищая и обогащая зерно для сева яровых. А по вечерам все глухонемые сидели за школьными партами.

В течение двух лет деятельности коммуны мы постоянно ощущали и все больше и больше убеждались, что отсутствие прямой личной заинтересованности в результатах своего труда отрицательно сказывается на экономической стороне деятельности коммуны — на повышении производительности труда. Мы как бы топтались на одном месте, хотя глухонемым в коммуне жилось неплохо — все были сыты, одеты, обуты, учились и отдыхали сообща.

Но думали об этом не только мы... В конце 1932 года в коммуну приехал председатель Донецкого окрбюро глухонемых М.И. Плинер и объявил, что по решению окрбюро коммуна реорганизуется в совхоз глухонемых имени НКСО Украины, правление коммуны распускается, а директором совхоза назначается Семашко — бывший счетовод артели инвалидов. Весть о реорганизации коммуны быстро облетела глухих Украины, и вскоре в совхоз группами и в одиночку стали прибывать глухонемые и оглохшие. Среди оглохших были довольно грамотные люди, которых мы назначали на разные должности: Аникиенко — завхозом, И. Манилова — нормировщиком, П. Панина — завзерноскладом, З. Хромову — учительницей вечерней школы, П. Сутягина — счетоводом и др. Предложили свои услуги и слышащие специалисты. Так постепенно в совхозе образовались свои технические кадры.

Численность глухих вскоре возросла вдвое. Всех распределили по бригадам. Их было четыре: полевая, огородная, строительная и хозяйственная. Начали строить свиноферму на сто голов, силосную башню, рыли траншеи под парниковое хозяйство.

Взаимоотношения глухих со слышащими были прекрасными. Но непонятно было, почему наш ди-

ректор не берет на работу бухгалтера, лично совмещающая эту должность с основной, что явно было незаконно и порождало разные толки и подозрения.

Изменилось такое положение лишь когда в совхоз прибыл новый директор, оглохший П.К. Набоченко (будущий председатель ЦП УТОГ), который сменил Семашко. Вступив в должность директора совхоза, Набоченко развил кипучую деятельность, он никогда не засиживался в своем кабинете, всегда был среди подчиненных ему людей, знал их нужды и настроения и этим заслужил уважение и авторитет среди рабочих и служащих.

Вскоре при совхозе была создана профсоюзная организация, был избран рабочий комитет (рабочком) Союза овощных совхозов. Председателем рабочкома выпало быть мне. С появлением рабочкома значительно укрепилась трудовая дисциплина, между дирекцией и рабочими больше не было трений, все вопросы труда и быта решались рабочкомом.

В 1934 году нашего директора П.К. Набоченко по распоряжению НКСО вызвали в Киев для работы в Центральном правлении организованного в то время Украинского общества глухих (УТОГ). Обком КП(б)У направил к нам директором Бенедиктова, но через два месяца из-за болезни он оставил работу. Тогда по рекомендации председателя окрбюро глухих Демчева на должность директора совхоза к нам был направлен Гомов, который оказался толковым хозяйственником.

Обком Союза овощных совхозов высоко оценил наш опыт работы и премировал рабочком совхоза кинопередвижкой, а кроме того, ассигновал дотацию на культурно-массовую работу, и мы смогли на эти средства организовать кружки ручной художествен-

ной вышивки, кройки и шитья. Душой этих начинаний среди женщин стала учительница З. Хромова.

Но вскоре наш директор заболел и вынужден был оставить работу. Вместо него был назначен приехавший из Баку Е.П. Мохонов. Он был требователен к людям, справедливую критику принимал, как должное, работал с огоньком и терпеть не мог лодырей и всяких нытиков.

Проходили дни, месяцы... Наступила весна 1937 года. Начали упорно циркулировать слухи, что ЦП УТОГ намерено ликвидировать наш совхоз. Однажды к нам приехал председатель областного отдела УТОГ Демчев и, не считая нужным скрывать, подтвердил, что действительно ЦП УТОГ решило совхоз ликвидировать.

Трудно передать словами реакцию глухих на это сообщение. Когда мы попросили Демчева разъяснить, чем вызвано такое решение ЦП УТОГ, он сказал:

— Центральное правление считает существование совхоза глухонемых нецелесообразным, так как работа в сельском хозяйстве не дает глухонемым возможности приобрести технические знания. Придет время, когда землю будут пахать только тракторами, хлеб убирать — комбайнами, на смену ручному труду придут машины, а глухонемые на машинах работать не смогут...

Задача ЦП УТОГ состоит в том, чтобы вытянуть всех глухонемых из села, дать им технические знания и трудоустроить в отраслях промышленности. Центральное правление смотрит далеко вперед... Общество глухонемых должно дать своим членам технические знания, и оно даст им эти знания на организуемых учебно-производственных предприятиях УТОГ.

Через некоторое время в совхоз прибыл представитель ЦП УТОГ, а вместе с ним и Демчев. Тотчас же был создан ликвидком по выполнению постановления ЦП УТОГ от 1 октября 1937 года, и совхоз глухонемых перестал существовать.

После ликвидации совхоза часть глухонемых была переведена на УПП УТОГ, часть разъехалась по своим селам, а семейные глухонемые остались в Доме инвалидов, организованном вместо первого и последнего совхоза глухонемых.

На этом я прерываю повествование о своей молодости, так как моя дальнейшая жизнь прошла на виду у всех тех неслышащих, кому отданы мои молодые годы.

Работал я и в период Великой Отечественной войны среди глухонемых в эвакуации — в Узбекистане, и, возвратившись после войны в родной Донбасс, работаю и сейчас по мере сил своих, но писать об этом у меня уже нет времени.

Да и цель-то у меня главная была — показать на собственном примере из моей жизни, какая тяжелая жизнь была у глухонемых до революции и как изменился их труд и быт в последние годы.

*Но не рабским,
подневольным пленом
вызван к жизни
этот тяжкий труд.
Нынче, знаю,
встанет мира пленум
на тобою вызванном ветру!..*

Валентина СЕМЕНОВА

УШЕДШИЕ ОСТАЮТСЯ С НАМИ

*И, провозвестник жизни новой,
На подвиг трудный и суровый
Ты с юных лет себя обрек...
С горячей верой, с сердцем чистым,
Ты бодро шел путем тернистым,
Тщеславных помыслов далек.*

Алексей ПЛЕЩЕЕВ

**Г.И. КИРИКА
(1902—1966)**

Первый председатель Одесской областной организации глухих Григорий Иванович Кирика приехал в Одессу в 1926 году из Ташкента. И сразу окунулся в общественную работу. Его заметил Гавриил Максимович Поляков — один из первых организаторов Одесской областной организации. Молодой, энергичный, начитанный, Григорий Иванович стал лидером среди молодежи, и когда в 1933 году Украинское общество глухих своим Уставом утвердило выборную должность председателя областного правления УТОГ, — альтернативы ему не было.

Григорий Иванович понимал, что главное — это

иметь свою техническую базу и собственные средства, поэтому начал организовывать мастерские — сначала по ремонту замков, затем сапожную и швейную. Спустя некоторое время мастерские уже приносили доход.

Во время войны Григорий Иванович Кирика находился в Ташкенте, был там избран председателем Центрального правления Узбекского общества глухих и работал на этой должности до 1944 года. Но как только узнал, что Одесса освобождена, — сразу вернулся и приступил к ремонту разрушенных мастерских, чтобы дать работу глухим. В 1945 году, уже официально, организовал УПП № 1 (мебельное), затем — УПП № 2 (швейное) и, наконец, УПП № 3 (металлообрабатывающее).

Григорий Иванович хорошо разбирался в вопросах производства, самостоятельно досконально изучил экономику. Свои детища — учебно-производственные предприятия — он всегда ставил на первое место. «Это — жизнь!» — говорил он, и на президиумах областного правления УТОГ особое внимание уделял вопросам производства. В Одесском доме культуры УТОГ, на видном месте, красовались показатели работы всех УПП города и обязательно указывалось, кто идет впереди, а также была красочно оформлена «Доска почета» лучших производственников одесских предприятий УТОГ.

А какие проводились вечера! «Посвящение в рабочее», «Славим человека труда», вручение переходящего Красного знамени — эти и многие другие торжества в честь человека-труженика, зрелищные и праздничные, проводились областной организацией УТОГ по инициативе Григория Ивановича. Девизом

всей его жизни было высказывание, краткое и емкое: «Рабочие руки — опора страны». Никто на моей памяти, ни до, ни после Григория Ивановича, так высоко не ценил простого рабочего человека и честь родного предприятия.

Помню такой инцидент — незначительный, но очень болезненный для нашего председателя. Когда в 1961 году Константин Васильевич Филонок — председатель президиума Центрального правления УТОГ, вынес на рассмотрение вопрос о переподчинении облотделовских УПП Центральному правлению Общества, Григорий Иванович страшно переживал по этому поводу и не разрешал убирать с Доски почета и стенда показателей работы УПП предмет его гордости — слово «облУТОГ». Так оно и оставалось там еще несколько лет после нового распоряжения, согласно которому все УПП перешли в подчинение ЦП УТОГ. Но вот однажды, приехав в Одессу, Филонок зашел в Дом культуры глухих, а там — во весь стенд, вопреки общепринятому указу, — вызывающе красуется старая надпись. Константин Васильевич сильно покраснел (он, когда сердился, всегда краснел) и, не обращая внимания на то, что Григорий Иванович находится в окружении большого количества людей, сделал ему довольно резкое замечание. Кирика лишь скрипнул зубами с досады — и молча мне кивнул: мол, надо исправить такое «одесское своеволие» на вытянутое по струнке «УПП УТОГ». Я бросила на него сочувственный взгляд, понимая, чего ему это стоило... Даже слезы блеснули в его глазах!

У Григория Ивановича был особый, прирожденный, можно сказать, талант подбирать кадры — особенно из числа неслышащих. Вместе с ним работали

такие члены УТОГ и энтузиасты Общества, как Борис Константинович Парчевский (директор клуба УТОГ с 1935 по 1940 годы), Лидия Григорьевна Парчевская (директор областного Дома культуры УТОГ с 1963 по 1983 годы), Дмитрий Константинович Лесницкий (заведующий Котовским клубом УТОГ), Лилита Ивановна Ковтанюк (заведующая Балтским клубом УТОГ), Самуил Фроимович Гейсман (директор УПП № 1), Любовь Александровна Кирика (заместитель директора УПП № 2), Мария Андреевна Горевая (заместитель директора УПП № 3), Лидия Арефьевна Кирилук (инструктор производственного обучения УПП № 2), Наталья Васильевна Коржинецкая — режиссер драмкружка (позднее ему было присвоено звание «Народный самодеятельный театр») и другие люди, не менее известные в Украинском обществе глухих. Кирика умел требовать беспрекословного выполнения всеми своих обязанностей — в этом он был совершенно неумолим и подчиненных не распускал, держа в ежовых рукавицах. Но при этом он был обаятельнейшим, добрейшим человеком, и за тридцать лет работы на посту председателя большой организации, где народ был, надо сказать, довольно образованный и непростой, заслужил прочное уважение и искреннюю любовь многих. Его хорошо знали в городских партийной и профсоюзной организациях, и благодаря этому Дом культуры УТОГ был построен в самом центре Одессы.

Как истинный (хоть и не коренной) одессит, любил Кирика и пошутить. Раз был такой случай. Поехали мы с коллективом художественной самодеятельности в Ялту и, конечно же, сразу отправились на экскурсию в Ливадию. Там такие большие, роскошные как-

тусы растут. Я шла рядом с Григорием Ивановичем и Лидией Григорьевной Парчевской, а немного впереди нас шествовала, любуясь красотами крымской природы и ни о чем не подозревая, Наталья Васильевна Коржинецкая. И вот, когда мы подошли к диковинным зарослям кактусов, Григорий Иванович, указывая на один из них, особенно длинный и колючий, с какой-то ласковой хитрецей спросил:

— Как этот милый цветочек называется?

— Ну, кактус. Кактус и называется, — с некоторым удивлением ответила я, не догадываясь, к чему он клонит.

— А вот и нет! Этот цветок называется «язык Коржинецкой».

И вот, с легкой руки Григория Ивановича, еще долго-долго потом Коржинецкую мы называли «кактусом». И впрямь, меткое сравнение! Уж очень колкой была критика Натальи Васильевны на последней отчетно-выборной конференции УТОГ.

Меня, молодую девушку, Григорий Иванович не побоялся назначить библиотекарем в областном Доме культуры УТОГ, доверив самое ценное, что он любил, — книги.

Григорий Иванович Кирика несколько раз избирался в состав президиума Центрального правления УТОГ и относился к этому с каким-то повышенным чувством ответственности. И ни в одну поездку, как я заметила, он не отправлялся без книг. Должно быть, они давали ему большой заряд смелости и бодрости. Однажды он забежал в библиотеку перед самым отъездом в Киев и попросил дать почитать ему что-нибудь «на дорогу». Я как раз получила свежий номер «Роман-газеты», который и посоветовала ему взять с

собой. А через три дня, вернувшись из командировки, он вызывает меня к себе и, усадив в кресло, взволнованно говорит:

— Ну, спасибо тебе! Я в гостинице как уткнулся в твою «Роман-газету», так до утра не мог оторваться, пока не прочел все до конца. Я сначала даже не понял, о каких лагерях там идет речь, а потом оказалось — о наших. (В том номере «Роман-газеты» был опубликован роман Солженицына «Один день Ивана Денисовича»).

Григорий Иванович Кирика был близким другом Павла Кирилловича Сутягина — председателя Центрального правления ВОГ, боготворил Савельева, а вот Буслаева — инструктора Центрального совета профсоюзов — считал своим противником. В спорах с ним он отстаивал свою точку зрения, что на предприятиях УТОГ должны работать преимущественно глухие, и тем самым приносить пользу обществу. Эту позицию поддерживали все, кто с ним работал, а вот товарищ Буслаев думал иначе.

В то время как Одесским облотделом УТОГ руководил Г.И. Кирика, здесь получили развитие спортивное движение и художественная самодеятельность. На многих спортивных соревнованиях и выступлениях самодеятельного театра Григорий Иванович присутствовал лично — и в качестве почетного гостя, и как увлеченный зритель или азартный болельщик. Начиная с 1960 года, когда был издан ряд постановлений об улучшении работы на селе, Григорий Иванович приобрел в Раздельной, Котовске, Болграде помещения под райотделы УТОГ и организовал выезды коллектива художественной самодеятельности Одесского дома культуры УТОГ во все районы области.

Он никогда и никому не отказывал в помощи, всем старался помочь — и как руководитель, и просто по-человечески. Его и сейчас, спустя много лет после смерти, вспоминают добрым словом все, кто его знал. На его могиле, к которой ведет узкая, но незарастающая тропинка, на темном надгробном камне написано: «Как много твоего осталось с нами, как много нашего ушло с тобой».

А ведь и правда: бывает такое странное и щемящее сердце чувство, словно ушедшие — остаются с нами...

*Давно уж нет тебя меж нами,
Но над правдивыми сердцами
Еще ты властвуешь досель.
И, духом падших ободряя,
Горит звездой в ночи благая,
Тобой указанная цель!*

ПОД ДОБРОЙ СЕНЬЮ

*Мы все в походе, все в дороге —
Нелегкой, дальней, столбовой.
И что ни день — грома тревоги,
И что ни день — упорный бой.*

Исаак РУБИН

В.Н. ДЮКОВ
(1911—1993)

Как-то в одной книге мне встретился образ могучего дуба, в который ударила молния и опалила его. Но обожженный дуб все же выстоял, не засох, и в его зеленеющих ветвях, как и прежде, птицы вьют весной свои гнезда. И мне подумалось, что этот дуб, выстоявший после удара молнии, очень напоминает одного человека, которого я знала настолько близко и хорошо, что сама могла

ощутить исходящую от него огромную жизненную силу. И даже была той весенней птицей, что нашла приют под доброй сенью его ветвей...

Этот человек — первый председатель Запорожского областного отдела УТОГ Виктор Николаевич Дюков. Человек большой силы и большой доброты. И впрямь, в личностях сильных нередко удивительным образом сочетаются эти два качества — сила и доброта. Сплетаясь, как два ответвления одного дерева, они как бы

усиливают друг друга, и оттого обладатель этих двух ценнейших качеств, в отличие от только сильного или просто доброго, — вдвойне силен и добр. Чтобы понять истоки этой удвоенной силы и доброты, нужно обратиться к началу жизни. К той давней поре, когда однажды из тьмы пробился на свет маленький, слабый росток, который станет потом могучим деревом.

В.Н. Дюков родился 21 марта 1911 года в селе Боголюбовка на Днепропетровщине, в семье железнодорожника. Витька, как и его братья, рос жизнерадостным крепышом, не зная никаких хворей и горестей, разве что отец за какую-то из ребячьих шалостей хорошенько протянет хворостинкой. Но мальчики рано осиротели, и их приютом стал детский дом на криво-рожском руднике Дубовая Балка. Жилось им там, как и другим детдомовцам, не очень сладко — сказывалась губительная близость рудника, к тому же в голодные и холодные годы гражданской войны и черная печеная картофелина казалась большим лакомством, а старая телогрейка была единственной защитой во время зимней стужи. Из окон дуло так, словно в них совсем не было стекол... Витя сильно простудился и, больше недели провалявшись в сильном жару, все чаще стал отвечать невпопад, потом перестал отзываться на оклики, а через два года его, уже совсем оглохшего, перевели в Запорожскую школу-интернат для глухих детей.

После школы шестнадцатилетний паренек целый год не мог найти работу, жил где придется, перебиваясь, чем Бог послал. От отчаяния едва не связался с беспризорной шпаной, но вовремя опомнился — не по душе ему были темные дела. Это, наверное, был

самый страшный год в его жизни, когда он особенно остро ощутил свое сиротство, одиночество и отрезанность от мира стеной глухоты. Никто не шел ему навстречу, но везде ему давали понять, что глухой им не нужен. Наконец ему повезло: он поступил в артель инвалидов, где выучился на сапожника. Теперь у него был свой, честно заработанный кусок хлеба и хоть какой-то угол. Новые сапоги, правда, еще на нем не скрипели, как на его заказчиках, но это уж так и должно быть: сапожник — всегда без сапог.

Так он сам над собой подшучивал — к нему возвращалась жажда жизни, беспричинная радость крепкой, здоровой юности. Во время своих скитаний в поисках работы он понял, что глухому, когда он один, — нет места в большом мире, и стал разыскивать своих собратьев по несчастью. Узнав, что в Киеве организованы политехнические курсы для инвалидов при НКСО, Дюков добился направления на эти курсы и в 1931 году их закончил. После этого вернулся в Запорожье и три года работал слесарем в артели инвалидов «Червоний жовтень», потом — на паровозоремонтном заводе, на «Коммунаре». В те же годы включился в общественную работу по созданию Запорожской организации глухих.

Инициативность, находчивость, организаторские способности и, самое главное, боль за судьбу глухих (памятным для него был тот год хождения по мукам!) привели Дюкова на должность заместителя директора УПК глухих, а в 1936 году его назначили директором этого предприятия. За время его руководства уставная норма глухих на УПК была доведена до 75 %, произведена реконструкция литейного цеха и освоен выпуск американских патронов для токарных станков. Виктор Николаевич отдавал все силы развитию

УПК — он был и директором, и начальником цеха, и председателем завкома, словом, все держалось на нем.

В январе 1940 года Дюков получает новое назначение на пост председателя областной организации глухих. Создание первичных организаций в районах, спортивная и культмассовая работа, трудоустройство и обучение глухих — невозможно перечислить все вопросы, которые приходилось решать молодому председателю. Однако ему удавалось справляться с любыми проблемами самым лучшим образом — он словно каждый раз шел в наступление «во имя жизни, правды, света» и всегда побеждал — своей силой и добротой.

Грянула война, и Дюков оказался в Ташкенте, где сначала работал слесарем, а потом — начальником отдела кадров. В апреле 44-го, после освобождения Запорожья, был вызван в родной город для восстановления разрушенных войной предприятий. И с того тяжелого послевоенного времени, когда все возрождалось из пепла, — конечно, не само собой, как огненная птица Феникс, а ценой неимоверных человеческих усилий, — Виктор Николаевич Дюков был бессменным председателем Запорожского областного отдела УТОГ. Снова он шел в наступление, преодолевая все преграды с помощью большой внутренней силы, — и снова его подопечные, словно весенние птицы, собирались под благодатной сенью его доброты.

Все, что он успел сделать за годы своего руководства, трудно оценить. Новые корпуса и общежитие УПП в Запорожье, областной и районные дома культуры, новые цеха, здания бытового корпуса и столовой

Запорожского ПП «Неон», благоустроенные жилые дома для глухих — это далеко не полный перечень его созидательной работы на посту председателя областного отдела УТОГ. А еще — что для Виктора Николаевича, всегда чуткого и внимательного к нуждам людей без слуха, было не менее важным — ежедневный, нелегкий труд души. Это и организация широкой культурно-массовой и спортивной работы среди глухих, и постоянная помощь отдельным людям, идущим к председателю со своими насущными нуждами. Он жил не для себя, а для своих собратьев по несчастью, доверивших ему свои судьбы, — незащищенные, словно обнаженные деревья на осеннем ветру. Все их беды и радости, а также будущее их детей были его главной заботой, — не только по долгу службы, а просто потому, что он любил их, ценил, наставлял на путь истинный, а когда следовало, то мог дать хорошую встряску, но при этом помогал исправиться. И все знали, что пошумит-пошумит ветер в ветвях — и успокоится, и снова можно будет вернуться под надежное покровительство могучего дуба.

После выхода на пенсию в 1978 году Виктор Николаевич нашел в себе силы почти до семидесяти пяти лет нести бремя заместителя директора по учебно-воспитательной работе Запорожского ПП «Неон», где он уделял много сил и внимания подготовке и воспитанию молодых кадров. Никакая усталость его не брала, и даже старость, беспощадная ко многим, казалось, все отодвигалась с его наступательного пути в необозримое будущее.

Была у Виктора Николаевича, кроме того, большая семья, где крепкими молодыми дубками тянулись ввысь три его сына и дочь. Все они тоже, конечно,

нуждались в его отцовской любви и заботе. И он, несмотря на свою большую занятость, сумел отдать им все лучшее, что хранил в своей светлой и щедрой душе. Никто и никогда не чувствовал себя обделенным под его доброй сенью!

И даже в свои семьдесят пять лет, когда можно было бы уже успокоиться и тихо наслаждаться последними заходящими лучами, наш старый запорожский дуб раскинул свои ветви над Советом ветеранов труда и войны, который возглавлял до последних дней своей жизни.

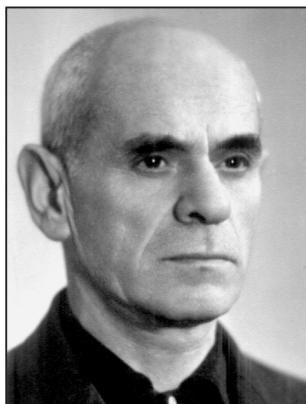
Жизненный подвиг таких людей, как Виктор Николаевич Дюков, не нуждается ни в каких наградах для своего подтверждения. Однако именно живущий просто и скромно, «не требуя наград», чаще всего их удостаивается. За большие заслуги перед Украинским обществом глухих Виктор Николаевич Дюков был награжден орденом «Знак Почета», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УССР, а также многими грамотами президиума ЦП УТОГ и званием «Почетный член УТОГ». Но, думаю, мне, стоящей под его доброй сенью даже сейчас, когда его уже нет с нами, что самой большой, самой главной наградой всей жизни для него было бы однажды услышать звонкоголосое птичье пение среди густых раскидистых ветвей... Но эта награда, такая простая и такая бесценная, так и осталась для него несбывшейся мечтой.

*Станки, бульдозеры, планшеты...
Под ясным небом и дождем
Во имя жизни, правды, света
Мы в наступление идем!*

ЧЕЛОВЕК, НАД КОТОРЫМ НЕ ВЛАСТНО ВРЕМЯ

*Время, что ли, у нас такое?
Мне по метрике сорок лет,
А охоты к теплу, к покою,
Хоть убей, и в помине нет.*

Алексей СУРКОВ

Ш.М. БАЛЯСНЫЙ
(1909—1990)

«Вспоминая о нем, я вижу перед собой седовласого подтянутого человека с пронзительными умными глазами. Мне кажется, он был всегда седым, даже тогда, когда я только-только пришла в Общество. Прошло с тех пор почти сорок лет и, казалось, время было не властно над ним.

Сухой, педантичный, он был в то же время внимательным и чутким. Даже когда он шутил, то совсем не улыбался. Не каждый понимал, шутит он или говорит серьезно. И тем не менее глухие его уважали и шли к нему решать свои проблемы».

Это — из воспоминаний Натальи Васильевны Иванушевой о Балясном. Ее острая память хранит столь-

ко метких и точных наблюдений, собранных за долгие годы работы переводчиком-дактилологом в Обществе глухих, что сама она — словно живая книга, которую можно раскрыть наугад и прочитать в ней рассказ о судьбе человека. И не только яркий, запоминающийся образ Шмуля Менделевича Балясного запечатлелся на страницах этой «книги», но и вся жизнь его раскрывается в нескольких емких строках: «...жизнь бросала его, как перекасти-поле, с места на место, но все-таки Киев манил, звал его к себе, и вернувшись, наконец, в родной город, он остался здесь навсегда».

Иногда бывает так, что человека, всем сердцем прикипевшего к какому-то уголку земного шара, словно подхватывает порывистый ветер и, закружив, забрасывает в чужие дали. И становится он бродягой, странником поневоле, тоскующим о родных краях и любящим их особой, щемящей любовью, — как умеют любить только те, кто, волею судьбы, расстался с родиной. Но у этих людей нередко бывает особая закалка: чем труднее и уже путь, которым они идут, тем они защищеннее невидимой броней, — на ветру, на стуже не берет их никакая хворь. И даже время над ними не властно...

Шмуль Менделевич Балясный был именно из этой породы людей. Их, «гонимых ветром странников», в то же время никак не сравнишь с листком, — эти люди очень сильны и обладают несгибаемой волей. Шутка ли — столько раз оседать на новой земле, не имея корней!

Родился Балясный в Киеве, в простой еврейской семье, где, кроме него, было еще два брата. Отец Шмуля, потерявший руку в русско-немецкой войне, работал в артели инвалидов. Перебивались с большим тру-

дом, жили очень скромно. Бывали дни, когда в доме не было ничего, кроме краюшки черствого хлеба да пары сморщенных картофелин, — и как же знакомое Балясному с детства сосущее чувство голода походило потом, уже в зрелые годы, на глухую тоску по родине!

Но полуголодное существование оказалось не самой страшной бедой для мальчика, с колыбели привычного к бедности и скудости жизни, когда ему, плачущему, давали пососать хлебный мякиш. Он был очень худ — все косточки «светились» — и сильно слаб здоровьем. Когда он родился, все думали, что он не жилец на белом свете. А как подкосила его, девятилетнего мальчугана, эта страшная болезнь — менингит, все были, конечно, искренне рады, что маленький заморыш Шмулька все-таки выкарабкался чуть ли не с того света. Тогда, прозрачный и тонкий, как истаявшая сосулька, мальчик смотрел на всех пустыми старческими глазами и совсем не мог улыбаться. Он, как к тому же скоро выяснилось, начисто оглох и лишился речи. Какая ему была теперь радость жить на свете? Уж на что убогая жизнь у безрукого — думал старый Мендель, а каково глухому и безгласому?

А Шмуль упорно хотел жить. Даже отделенный от мира непробиваемой стеной глухоты, он молча, жадно и пристально смотрел сквозь ее невидимое стекло огромными неулыбающимися глазами, словно предчувствуя, что ему еще предстоит прожить долгую и трудную, до хруста в суставах, жизнь. А значит — надо быть сильным. И Шмуль старался, изо всех сил старался стать сильным, прибегая для этого ко многим способам и ухищрениям. Он, конечно, как и все мальчишки, думал, что сила должна быть в мускулах, а потому их усердно накачивал, подтягивался

на перекладине, соревнуясь с другими ребятами, кто дольше выдержит. Порой они уже обливались потом, а Шмуль — все отжимался и отжимался... В 20-е годы в детдоме для глухонемых трудно было найти мальчика выносливей Шмуля Балясного. Он мог даже долго держать руку над огнем свечи — и не пикнуть... На пороге юности он был все таким же худым, но жилистым, словно сплетенным из проволоки, и в его руках была необыкновенная сила.

Тогда же, в юности, Шмуль неожиданно для себя открыл, что знание — тоже сила. Если раньше он часто отлынивал от скучных, по его мнению, уроков литературы, то теперь пристрастился к чтению и проводил за книгами бессонные ночи, впитывая в себя удивительную силу слова с запоздалой, лихорадочной жадностью. И, преодолевая новые барьеры с тем же необычайным упорством, каким отличались все его поступки, он в скором времени стал не только большим книголюбом, но и грамотным человеком, а свое образование завершил, в числе других способных глухонемых, на Всеукраинских политехнических курсах для инвалидов.

Вот тогда-то все и началось... «Если буря шумит на свете», как могут усидеть в тепле люди, подобные Балясному, с ранних лет пристрастившиеся к преодолению, к покорению мира? Нет, они не думают о странствиях, о поисках приключений, но что-то такое заложено в них самих, что какая-то сила словно срывает их с места и несет куда-то... После политехнических курсов Балясный уехал в Одессу и поступил на завод, а немного спустя он уже работал завхозом в Центральном правлении Азербайджанского общества глухонемых. Был он и председателем межрайотдела об-

щества глухих города Гянджа, секретарем-инструктором, заведующим мастерской УПП НКСО Азербайджанской ССР — кем только он не работал в краю апельсинового солнца и солнечных апельсинов!

И все же в один прекрасный день Шмуль Менделевич возвращается в Киев и устраивается становым на мебельную фабрику имени Боженко. Почти каждый вечер его видят в Киевском клубе глухонемых, где он проводит время в увлекательных беседах с друзьями. Его, несмотря на кажущуюся замкнутость, всегда тянуло к людям, он умел находить общий язык со многими. Там же, в один из праздничных вечеров, он встретился с девушкой, которая вскоре стала его женой и поделила с ним все трудности скитальческой жизни.

Балясный становится настолько заметной личностью в клубе, что руководство Центрального правления УТОГ решает назначить «клубного энтузиаста» на должность заместителя заведующего клубом глухонемых.

В середине 30-х годов Балясный получает новое назначение — на пост председателя окружного отдела УТОГ города Житомира, а позднее, вполне оправдав доверие руководства в организации работы с глухими, становится председателем Житомирского облотдела Общества.

Перед войной Балясного опять переводят в Киев, на этот раз — председателем городского отдела УТОГ и директором все того же, давно ставшего для него родным, клуба глухонемых. Жизнь Шмуля Менделевича шла странными кругами, то забрасывая его куда-то, то снова возвращаясь «на круги своя»...

Потом была война, эвакуация. Балясный вместе с семьей оказался в Казахстане. Солнечный город Чимкент, а потом Алма-Ата с ее щедрыми и пестрыми ба-

зарами, приютили беженцев с Украины в грозный час беды. Здесь, работая председателем облотдела глухонемых, Шмуль Менделевич мобилизует все силы на работу для фронта: глухие готовят теплую одежду для армии, посылки бойцам, а также, по закону сурового братства, помогают другим эвакуированным.

Только вернувшись в 44-м на Украину, Шмуль Менделевич узнал, что старый Мендель с женой, не верившие, что враг войдет в Киев и не пожелавшие его оставить, были расстреляны в Бабьем Яру. Один из братьев Балясного погиб в боях за Родину, другой — стал летчиком, дослужившись до звания полковника.

Выехав в Житомир после его освобождения, Балясный становится инструктором, позднее — заместителем председателя Житомирского облотдела УТОГ и выполняет необходимую работу по восстановлению предприятий и учреждений области, а затем, вернувшись в Киев, приступает к выполнению обязанностей заместителя председателя Киевского облотдела УТОГ и директора Дома культуры глухих.

Но вскоре он расстается и с этими, давно и хорошо знакомыми ему заботами: директор УПП № 3 Исаак Аронович Сапожников приглашает Балясного на должность своего заместителя, где он вплотную сталкивается с производством и так сживает с ним, что работает на этом предприятии более пятнадцати лет, до самой его ликвидации. После этого Шмуль Менделевич некоторое время работает мастером полиграфического цеха, а когда на его базе снова создается УПП № 3, возвращается на прежнюю должность заместителя директора предприятия.

Все шло своим чередом. Преобразовывались предприятия, менялись их названия и сменялись лю-

ди на рабочих местах, происходили перемены в жизни Общества, а Балясный все так же стоял среди широкого потока времени, обтекаемый бурлящими струями событий, словно невидимая броня защищала его от всего быстротечного и временного, не позволяя стареть. Его года, как поется в песне, были его богатством, тем капиталом, который он вкладывал в трудовую эпопею Украинского общества глухих. Работал он не покладая рук, с той же целенаправленной одержимостью, с какой в далеком отрочестве накачивал мускулы, но при этом почти никогда не чувствовал усталости — ведь это был его мир, его жизнь, источник его молодости.

Большой заряд радости давала ему и семья — дома его всегда ждала приветливая, любящая жена Виктория Федоровна, излучающая такую же светлую энергию молодости, и сын Роман, с которым они были близкими друзьями, счастливо избежавшими проблемы «отцов и детей». И надо ли говорить, что многие годы он видел в зеркале одни и те же глаза — строгие глаза без улыбки, но — молодые, яркие, полные жизни и блеска глаза простого смертного, победившего время.

Таким он и остался в памяти многих людей — человеком, над которым не властно время. Волевым и собранным сгустком силы, но в то же время — ясным и ровным светом доброты. Отблеском солнечного луча на твердой стали...

*Будто броня на мне литая,
Будто возрасту власти нет.
Этак сто проживешь, считая,
Что тебе восемнадцать лет.*

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

*Горит костер, созвездием
В степи безмолвной рея,
Торжественный, как песня,
Как сердце Прометея.*

Вениамин ЛАРИЧЕВ

П.Н. ЕНА
(1910—1986)

В октябре 1980 года готовился юбилейный вечер, посвященный Павлу Никифоровичу Ене, — ему исполнялось семьдесят лет. Я собирала материал о нем — о его жизни и работе. Но при встрече с ним в цеху, когда Ена стоял у станка в промасленной рабочей спецовке, я обратила внимание, что он заметно смутился. О себе говорил очень скупой, сохраняя суровый вид. Больше сведений о нем я узнала от других — его коллег, бывших подчиненных, рабочих, руководителей.

Павел Никифорович Ена — человек-легенда в Харьковской организации глухих. Первый директор первого в Харькове и одного из первых в Украине предприятия глухих, созданного в 1931 году. Директор, руководивший этим предприятием 38 лет.

В жизни этого человека, как и во всякой легенде, вымыслы сочетаются с правдой, слава с забвением, далекое прошлое с настоящим.

История эта началась так давно, что нынешнему поколению кажется уже сказочной. 1931 год. Еще не существовало республиканского общества глухих — УТОГ. Но в Харькове городская организация неслышащих уже была довольно сильной и разветвленной. В ее становлении принимали участие и сами глухие, и те правительственные и хозяйственные организации, которые опекали жизнь инвалидов. Благо Харьков в эти годы (1918 — 1934) был столицей Украины, и в нем сосредотачивалась вся административная и хозяйственная жизнь. Организация предприятий для инвалидов была насущной проблемой того времени. И в 1931 году, в Харькове, по ул. Короленко, 18, было создано химическое производственное предприятие глухих по изготовлению реактивов и красок для множества аппаратов стеклографии. Предприятие небольшое — всего 21 человек. Возглавил его рекомендованный на эту работу Павел Никифорович Ена. Шел молодому директору в ту пору всего двадцать первый год.

Павел Никифорович родился в 1910 году. Первая мировая война, революция, гражданская война, разруха, голод — лихолетье тех дней заставило быстро вырасти молодое поколение. Раннему возмужанию Павла способствовали еще и личные обстоятельства. В отрочестве он потерял мать. Отец, став вдовцом, женился вновь и ушел в другую семью. Павел рос сам. Жизнь приучала его быть сильным, решительным, надеяться только на себя. В двадцать лет с небольшим — он уже директор производственного

предприятия глухих, с которыми столкнулся впервые (сам Ена слышащий). С чего начать? Как организовать дело? И надо отдать должное этому талантливому человеку, который проявил настойчивость, хозяйственную хватку, техническую смекалку, чтобы не только возглавить маленькое производство, но развить его, увеличить технические возможности, приумножить производственную базу, увидеть перспективу дела. В том же 1931 году по ул. Свердлова, 22, было создано стеклографическое производство. Тут работало уже 85 человек. Это предприятие также было подчинено П.Н. Ене. В 1933 году в помещении по улице Ярославской было организовано производство конденсаторов-ограничителей для радиотрансляционной сети. Стеклографию передали другой организации, а производство с основным направлением, связанным с металлообработкой, давало возможность расширить базу и увеличить количество рабочих мест для глухих. С развитием радиотехники потребность в конденсаторах старого образца отпала. С 1935 года учебно-производственный комбинат перешел на выпуск электромагнитных репродукторов. На нем работало уже 150 глухих, а всего — 280 человек штатных рабочих и служащих.

П.Н. Ена к этому времени окончил курсы красных директоров при Харьковском университете, что приравнивалось тогда к высшему образованию.

В 1941 году, в октябре, П.Н. Ена уходит на фронт и воюет в танковых войсках. В марте 1945-го, после тяжелого ранения и пяти месяцев, проведенных в госпиталях, он возвращается в Харьков. 6 февраля 1946 года Ена вновь зачислен директором УПП № 1. В эти годы ему заново приходится воссоздавать предпри-

ятие — корпус разрушен, оборудование погребено под обломками стен. Из-под развалин вытянули два прессы и два токарных станка. Очистили их от ржавчины, отремонтировали, установили в цехах.

В.Е. Рисованный, старейший рабочий УПП № 1, вспоминал, что работали первое время под открытым небом — дожди, снег через открытые провалы крыши и стен донимали всех. С большим энтузиазмом трудились и рабочие, и директор. Это позволило в конце 1948 года достигнуть довоенного уровня выпуска продукции — радиорепродукторов. В последующие годы было построено здание общежития УПП № 1, велось строительство жилых домов на средства предприятия, началось возведение нового производственного корпуса УПП, несколько раз менялись виды продукции — электромагниты, фильмоскопы «Светлячок» и другие электроприборы.

Ена, как опытный капитан корабля, вел это большое хозяйство уверенно и надежно. Павел Никифорович был безгранично предан предприятию — это было его любимое детище, которое он создал, взрастил и лелеял. Легенда говорит о том, что Павел Никифорович сам сажал на территории предприятия и общежития деревья, которые растут там до сих пор.

Ена не мыслил себе жизни без УПП № 1. В 1974 году он был еще не стар — ему исполнилось 64 года. Опытный директор (на официальных фотографиях разных лет — широкое волевое лицо, уверенный взгляд), убежденный коммунист, авторитетнейший человек в Обществе, личность республиканского масштаба... Но ему не довелось уйти на пенсию увенчанным лаврами, под звуки литавр и благодар-

ностей. Еще одна легенда — П.Н. Ена был снят с директорского поста, на котором проработал 38 лет, за нарушение финансовой дисциплины. Павшие на него подозрения были тяжки. Он всегда дерзал, всегда искал пути к улучшению производства, к новаторским решениям. Где-то он просчитался. Что-то упустил. Возможно, просто ошибся. Но ошибка ему дорого стоила. Слава вокруг его имени сменилась негласным запретом. Он вынужден был уйти с директорского поста, но уйти с предприятия он не мог! Он продолжал работать в одном из цехов слесарем по ремонту и обслуживанию компрессорного оборудования еще лет 8 после этой злополучной истории. В одной из его характеристик есть обычная для таких документов фраза: «...добросовестный, квалифицированный работник... передает опыт молодым рабочим». О, ему было что передавать: он знал на этом предприятии все — от последнего винтика до административных коридоров власти. И как велика была его затаенная боль, когда он перестал быть директором...

На юбилейном вечере, где были воспоминания, цветы и подарки, слова благодарности от всего коллектива, Ена потеплел, ожил. Он снова почувствовал себя нужным, значимым, ценным. Он снова почувствовал себя главой этого большого коллектива. Человеком легенды.

Но — какой? Весь вечер наблюдая за ним в надежде заметить что-то скрытое, не рассказанное им самим и не разгаданное другими, я вдруг подумала: а ведь он похож на Прометея! Титан Прометей принес людям огонь — и тем самым изменил их жизнь, сделал ее лучше, светлее и теплее. За что и был жестоко

наказан богами. Но у этой легенды есть продолжение. Оно гласит, что по всему миру разбросаны дети Прометея, которые также несут людям невидимый огонь своего сердца, переходящий в свет и тепло добрых дел на благо других, и нередко бывают наказаны за этот подвиг непреходящим страданием. И Павел Никифорович Ена был одним из тех, кто продолжил красивую и суровую легенду о Прометее.

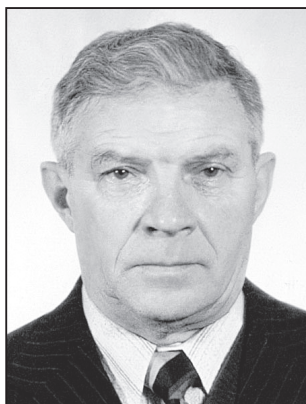
*Я спичку зажигаю —
Бессмертие держу.
Легенду продолжаю.
Легендой дорожу.*

Юлия СОЛОВЬЕВА

В НЕВЕДОМЫХ ВОДАХ

*С гордо поднятой головой
Мы любой ураган встречаем
И за каждый поступок свой
На земном суде отвечаем.*

Алексей СУРКОВ

И.Т. КРИВОЛАПОВ
(1912—1993)

Течет река Жизнь... Одни плывут по ее течению, другие — противостоят набегающим одна за другой волнам, а третьи — идут по берегу, наблюдая за мелькающими на вечно меняющейся поверхности воды пловцами. Каждый держится на плаву, пока это в его силах, но, в конце концов, всех поглощает река жизни. И тот, кто следит с берега за чужой судьбой — плаванием в неведомых

водах, — может посочувствовать чьему-то отчаянному стремлению удержаться на поверхности или поразиться силе духа борца с волнами, захлестывающими его с головой: «Какой был пловец!»

Иван Терентьевич Криволапов, крепкой рабочей кости, с широко расставленными холодноватыми глазами, приплюснутым носом и твердой, прямой линией губ, был прирожденным борцом с бушующими штормами. Он родился в семье шахтера, и ему

предстояло долгое плавание в бурных водах жизни, он должен был стать сильным и выносливым пловцом по морю житейскому, но это — потом, потом...

Тогда стояли трескучие крещенские морозы, шел год 1912, и весь мир тревожно замер в ожидании близкой грозы. И гроза разразилась — первой мировой войной. Война, однако, обошла Криволаповых дальним отголоском пушечной пальбы.

А вот революция, пришедшая в дом Терентия Криволапова полновластной хозяйкой, стала второй матерью его детям. Уже в 1914 — 1917 годах он, саночник-забойщик, с детства работавший на разных донбасских шахтах, активно участвовал в революционном движении, а в 1919-м — ушел добровольцем в Красную Армию, побывал в самой гуще боев на прорыве перекопских позиций.

После ухода отца на гражданскую войну семейство Криволаповых, состоявшее из неработающей матери, двух дочерей и маленького Вани, спешно эвакуировалось из Краснодона вглубь России (в небольшой городок Мияса под Челябинском), а когда война закончилась, вернулось в родной Донбасс, но уже в Лисичанск. Там же они встретились с Криволаповым-старшим, демобилизовавшимся из армии и вернувшимся на шахту.

Отец оказал огромное влияние на дальнейшую жизнь сына-подростка, взошедшего на революционных идеях как на дрожжах. Они были не только отцом и сыном, родными по крови, но и, что связывает еще теснее, — «политическими единомышленниками».

В начале 20-х Ваня вступил в первую детскую коммунистическую организацию «спартаковцев», а потом, как отличник и активист, — в пионерскую организацию.

Быть первым пионером было очень почетно, что наполняло Ванино сердце гордостью... но тот же, 1924 год, оказался для него роковым — он заболел менингитом и провел в постели около двух лет, с недетским упорством сражаясь с тяжелым недугом.

Волна за волной накатывали на него, захлестывая жаром и болью, но маленький «спартаковец» все не сдавался... Не хотел сдаваться он и тогда, когда полностью утратил слух и ему пришлось оставить учебу в школе: с помощью и под руководством отца Ваня занялся самообразованием. Хотя это было нелегко, но ведь они были вдвоем! И все трудности учения под их двойным натиском отступали. А точнее, было так: Криволапов-старший бросал сына в глубокую реку знания с моста и потом молча следил, как отчаянно мальчишка барахтается, стараясь выплыть. И — выплывал! Отец научил Ивана быть сильным и во всем достигать поставленной цели.

Трудовую деятельность Иван начал учеником плотника в тресте «Донбассжилстрой» в 1928 году. В том же году он вступил в комсомол, как активный комсомолец был избран членом бюро комсомольского комитета и ответственным редактором стенгазеты треста. Молодость была из него ключом, вера в новые идеалы была крепка, хотелось вершить великие дела... Впрочем, Иван Криволапов никогда не был идеалистом — он был борцом, штурмовиком, даже, если можно так выразиться, «штурмовиком». И не случайно он с 1930 по 1932 год возглавлял штурмовую комсомольско-молодежную строительную бригаду, которая была одной из лучших в тресте.

А год 1932-й оказался переломным в биографии Криволапова — его не только принимают в члены

ВКП(б), что, с его комсомольским послужным списком, было закономерно, но и по рекомендации райкома партии направляют в Киевский индустриально-экономический техникум для инвалидов системы Наркомсобеса УССР (именно так в 30-е годы переименовали созданные в 1927 году Всеукраинские политехнические курсы инвалидов). Во время учебы в техникуме Криволапов, как и раньше, оставался комсомольским вожаком — бессленно избирался секретарем комсомольской организации и в то же время был руководителем комсомольской школы. Был отличником и активистом, за что трижды премировался деньгами и награждался грамотами, — словом, был довольно заметной и яркой личностью.

Такие люди всегда стоят во главе какого-то дела или хотя бы закладывают его фундамент, как правило, — прочный и монолитный, на долгие времена. Это и решило судьбу Ивана Криволапова: уже с III курса техникума он был отозван приказом по Наркомсобесу и направлен в распоряжение Оргбюро Украинского общества глухонемых для работы в Киевской организации. Так, с 1935 года, жизнь Ивана Терентьевича оказалась связанной с жизнью Общества глухих самым теснейшим образом — он, вместе с П.К. Набоченко, был одним из организаторов Украинского общества глухих и первым председателем одного из его крупнейших облотделов.

При исполнении служебных обязанностей погиб в шахте отец. Это несчастье случилось в 1936-м, когда Иван Терентьевич с головой ушел в дела Общества, и на его плечи легло еще и бремя ответственности за семью — трех слабых женщин, мать и сестер. А вско-

ре он стал опорой и для хрупкой, застенчивой Вали Бондаревской — глухой девушки, которую назвал своей женой.

Валентина Афанасьевна Бондаревская, однако, несмотря на свою мягкость и уступчивость, сыграла скромную, но незабываемую роль первой пионервожатой в истории Общества глухих. «Взвейтесь кострами, синие ночи!» — эту неумирающую песенную романтику пионерских костров, жаркого пламени, взлетающего в темное, звездное небо, открыла Валентина Бондаревская детям, лишенным слуха, а также двум своим сыновьям — Володе и Боре. Но они появились позже: Владимир — сорокового года рождения, Борис — сорок третьего. Дети военного времени...

В феврале 1941-го секретарь партийной организации Украинского общества глухонемых И. Т. Криволапов направляется Ленинским райкомом КП(б)У города Киева в университет марксизма-ленинизма, но через несколько месяцев, в связи с открывшимися военными действиями, учебу в университете пришлось оставить. Эвакуация — сначала в Сталино, потом в Краснодон, а затем, вместе с жителями Ворошиловградской области, — в самую глубинку России. Там, в селе Сидори, работал Иван Терентьевич, как и в годы юности, плотником, помогая больной сестре с тремя детьми, находившимся на его иждивении, — ее муж сражался на фронте за двоих, а он, Криволапов, рабочая косточка, за двоих трудился в тылу. Хотя каково ему было, натуре деятельной и активной, маяться вдали от боев, — рядом с немощными стариками, хворыми женщинами и малыми детьми! Такое чувство острого, мучительного бессилия он ис-

пытывал только в детстве, когда валялся в жару на больничной койке. Волна за волной, волна за волной... и — выплывем, брат! — говорил он себе. Теплая древесная стружка летела из-под его ладоней...

Пришлось еще ему в годы войны со всей семьей помыкаться по хуторам и селам. Отдельные районы и целые области по мере наступления вражеских войск переселялись все глубже и глубже в Россию. С хутора Ново-Донецкого в Ростовской области — куда перебрались было к родителям мужа сестры, — снова пришлось срываться и, в числе других беженцев, искать переправу через Дон. Но, попав в окружение и месяц покружив в степях, семья Криволапова вернулась на хутор, где Иван Терентьевич снова взялся за плотницкий инструмент и не выпускал его из рук до освобождения Ростова советскими войсками. Некоторое время после этого Криволапов принимал участие в восстановлении местного хозяйства, а вскоре его распоряжением ЦК КП(б)У вызывают в Харьков, а затем — в Киев для восстановления Украинского общества глухонемых.

23 декабря 1943 года Криволапов стоял на перроне киевского вокзала — неподвижный среди суетливой беготни, широкоплечий человек, заново привыкающий к ответственной роли одного из первых лиц в Украинском обществе глухонемых. В памяти еще струилась древесная стружка от хуторянских досок, но, засыпая ее, падал над мрачными руинами столицы первый снег — медленно, крупными хлопьями...

Сразу же по прибытии в Киев Иван Терентьевич приступил к восстановлению кроватной фабрики (УПМК—2), директором которой был назначен, и не прошло и года, как это небольшое предприятие во-

шло в силу, выполняя крупные заказы для всей Украины. Опять, как и в первые годы становления Украинского общества глухонемых, он зарекомендовал себя «хорошим организатором по укреплению низовых звеньев Общества, особенно по подготовке кадров и восстановлению базы УТОГ — учебно-производственных предприятий и культучреждений», как говорится в справке от 9 мая 1957 года, выданной тов. Криволапову Ивану Терентьевичу президиумом Киевского областного отдела глухонемых. В августе 1944-го он переводится на должность председателя Киевского облотдела УТОГ, а с 1 декабря того же года становится заместителем председателя Центрального оргбюро УТОГ, чьи обязанности он выполняет в течение двух последующих лет. За этот период были полностью восстановлены все предприятия УТОГ, и в этом — большая заслуга Ивана Терентьевича Криволапова, завоевавшего большой авторитет среди глухих Украины.

По решению Центрального оргбюро, согласованному с Министерством социального обеспечения, 1 декабря 1946 года Криволапов вновь переводится на должность председателя Киевского областного отдела, давно уже ставшую родной и привычной. Все те же, давно знакомые лица рядом, все те же дела, которые он умел выполнять с уверенностью и размахом опытного пловца. Волна за волной, волна за волной...

Дни текли, месяцы, годы, унося с собой в туманное прошлое громовые раскаты борьбы, тихие часы любви, сверкающие мгновения победы — все то, чем хороша и благодатна жизнь человеческая, и оставляя лишь холодное, броское золото наград: медалей «За

доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., участник трудового фронта», «В память 1500-летия Киева», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., участник трудового фронта», Почетной грамоты Президиума Верховного Совета СССР, знака «50 лет пребывания в КПСС». Самой ценной из всех его наград было звание «Почетный член УТОГ».

Жизнь уходила... Осеннее, грустное солнце наград не грело сердце; он, Иван Криволапов, сильный, мужественный человек, которого многие не любили за грубоватую прямоту и резкость, умирал от тяжелой болезни мучительно и долго. Последняя волна захлестнула его навсегда ...

Каким он был, каким остался в памяти людской? «Он был очень хорошим человеком», — убежденно скажет много лет спустя после его смерти Валентина Афанасьевна Бондаревская, худенькая, беленькая старушка с ангельски ясными голубыми глазами, настоящий «божий одуванчик», — трудно поверить, что светловолосая, коротко стриженная девушка в красном галстуке на портрете, висящем в торжественной тишине Музея УТОГ, — это тоже она. «Мы с ним жили душа в душу и никогда не ссорились, у нас с ним выросли такие прекрасные дети!» — продолжает благодушно улыбаться ласковая старушка, с явным усилием шевеля бледными губами и ломкими пальцами. А ее соседка этажом выше, Мария Ионовна Неплюй, забежавшая на минутку, чтобы чем-то помочь старой подруге, недавно перенесшей инсульт,

смотрит на нее с недоверчивым удивлением, но — молчит. И лишь потом, когда мы оставляем вдову Криволапова наедине со своими светлыми воспоминаниями, Мария Ионовна, не удержавшись, говорит: «А мы с ним, когда вместе работали, постоянно ссорились... Тяжелый он был человек!»

Сколько людей — столько и мнений. О каждом можно сказать и что-то хорошее, и что-то плохое — и то, и другое будет правдой, ведь любой человек — неразрывное сплетение добра и зла. Главное — видеть в каждом самую его суть, то зерно, из которого вырастает образ, неподвластный набегающим волнам времени. Волна за волной, волна за волной... Река жизни поглощает человека, а образ его — остается в памяти смутным, но устойчивым отражением. И, когда я писала об Иване Терентьевиче Криволапове, меня неотступно преследовал образ пловца, который плывет в неведомых водах, — уверенно, сильными бросками, взмах за взмахом, взмах за взмахом...

*Беспокойный мы все народ,
С нами всякое может стать,
И желаем мы наперед
Перед будущим отчитаться.*

ПО УХАБАМ СУДЬБЫ

*Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
Забинтуйте мне голову
горной дорогой
И укройте меня
одеялом
в осенних цветах.*

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Д.Р. СЕМЕНОВ
(1906—1940)

Он с легким волнением взял в руки первый номер газеты — свежий, еще пахнувший типографской краской. На небольшом листке, сложенном вдвое, в верхнем левом углу выделялась шапка «Глухонімія України». Газета была очень скромной, даже невзрачной — сжатые тексты мелким шрифтом, нечеткие фотоснимки, скупая, отрывочная информация в телеграфном, если можно так выразиться, стиле. И все же Даниил Семенов, новоиспеченный редактор, радовался ее появлению на свет не меньше, чем радовался бы рождению своего первенца. Ведь это был первый — самый первый выпуск! А редактору уже виделся где-то в необозримых далях

будущего номер стотысячный — конечно же, отпечатанный на прекрасной белой бумаге, украшенный целой россыпью разнообразных шрифтов и, самое главное, настолько интересный, что увлеченный читатель никак не может от него оторваться... Эх! Был Даниил Романович большим романтиком, если так думал.

После девятого номера, вышедшего 5 августа 1935 года, газета — по причинам, оставшимся для нас неизвестными, — прекратила свое существование. И хранится теперь этот последний девятый номер газеты в Музее истории УТОГ — хранится бережно и трепетно бессменным директором музея Владимиром Викторовичем Скурчинским, как священная реликвия, под стеклом, с которого он сдувает невидимые пылинки. «Один-единственный экземпляр, который сохранился! — восклицает хранитель музейных редкостей. — И тот сохранился только чудом — одна глухонемая во время войны его на груди спрятала и выносила до самой победы!»

Действительно, священная реликвия. Если этот случайно уцелевший газетный листок во время войны носили возле сердца — как полковое знамя... Знал бы об этом подвиге неизвестной женщины редактор Даниил Семенов — не грезил бы о белоснежном газетном листке будущего, а безмерно гордился бы этим шероховатым, сереньким последним номером газеты. Но Семенов так никогда и не узнал об удивительной судьбе девятого номера — он скоропостижно скончался от болезни в еще довоенном 1940-м в возрасте тридцати трех лет. Такая короткая жизнь...

Но и — какая яркая! Словно падающая звезда про-

чертила дугу на темном августовском небосклоне — и канула в море... Где-то лежит там среди неподвижных замшелых камней и суетливо снующих рыбьих стаек. Между временным и вечным... Небольшим, откатанным до белизны, но — памятным камушком. Тихо, спокойно лежит на темном дне белый камушек жизни, давно прошедшей, — но вот поднимает его из глубин чье-то воспоминание...

А как бросало когда-то Даниила Семенова по ухабам судьбы! Из города в город, с одной работы — на другую. И, когда работал над газетой, — от номера к номеру. И каждый выпуск газеты, как и каждая веха жизни, — преодоление.

Первым преодолением — было преодоление глухоты. Даня родился в далекой Чите и там же в раннем детстве после болезни потерял слух. Но был он не по летам умен и рано научился читать — это и спасло его в дальнейшем от немоты и безграмотности. А кроме того, он и на самом деле с детских лет был большим романтиком. И, очутившись в заколдованном кругу глухоты, не стал тупо кружить на месте — нашел выход из этого круга в запойном чтении. Тени героев книг стали его надежными поводьями во мраке безысходности. Он читал о средневековых рыцарях, отважных моряках, восточных мудрецах — и мечтал, стремился стать таким, как они. Как зачарованный, ходил во власти любимых образов — и впопору было ему самому дерзко сражаться с ветряными мельницами или со скупой мужской слезой бросать в Волгу персидскую княжну. Страстная любовь к книгам и помогала, и мешала ему учиться — она развивала его богатое воображение, оттачивала умение мыслить широко и глобально, и в то же время неред-

ко отвлекала от уроков, которые, в сравнении с чтением, казались ему такими скучными. Занималась с маленьким Даней, в основном, мать. Были у него и другие учителя, быстро и часто менявшиеся, — все-таки нелегко заниматься с «отважным героем», который к тому же не слышал, да и зачастую не хотел ничего слушать и все рвался к книгам. Этих случайных учителей Даниил почти не помнил.

Но серьезное образование, как следует из занимаемых им в дальнейшем должностей, требующих высокого уровня грамотности, он все-таки получил. Какими-то неисповедимыми путями он попал в Москву, где работал в системе ВОГ, а позднее по поручению первого председателя Всероссийского общества глухонемых П.А. Савельева (из других сведений — по приглашению П.К. Набоченко, знавшего его по совместной работе в России) был направлен в Киев для помощи Украинскому обществу глухих. Непродолжительное время пробыв на должности заместителя председателя Центрального оргбюро УТОГ, неожиданно для себя получил новое назначение — в газету «Глухонімія України». Так он стал редактором. Редактором-романтиком, влюбленным в свою небольшую газетку, сочно и густо пахнущую типографской краской. Увы, всего лишь на несколько быстротечных месяцев. От первого снегопада — до первого звездопада...

Вскоре телегу жизни опять встряхнуло. Д.Р. Семенов стал председателем Крымского облотдела и, обосновавшись в Симферополе, успешно справлялся с новыми обязанностями. А где-то недалеко шумело море, маня к себе, в свои безбрежные дали, напоминающие о давней романтической увлеченности

путешествиями и открытиями новых неизведанных земель... И стлался над волнами Млечный путь, сладостно волнуя душу своей недосыгаемостью, — недаром говорится, что в мире есть только две непостижимые тайны: человеческая душа и звездное небо над головой.

Даниил Романович ушел из жизни очень рано — в возрасте Христа. Как раз в том «всесильном» возрасте, когда кажется, что, если очень захотеть, можно ходить по воде. И ушел он, должно быть, по тихой лунной дорожке. Он ушел, а в море скатилась звезда и стала на дне белым камушком. Белым — как символ достойно и чисто прожитой жизни. И еще потому, что в биографии Даниила Семенова осталось немало белых пятен.

После смерти Семенова его вдова Людмила с двумя детьми-близнецами вернулась в Киев, где они живут и сейчас. И хотя это уже другая жизнь — жизнь без него, в ней всегда остается место воспоминаниям о давних днях, полных романтики, любви и поэзии.

От морей и от гор

так и веет веками,

Как посмотришь — почувствуешь:

вечно живем.

Не облатками белыми

путь мой усеян, а облаками.

Не больничным от вас ухожу коридором,

а Млечным путем.

ВАЛЕНТИН И ВАЛЕНТИНОВИЧИ

*Дитя судьбы, свой долг исполни,
Приемля боль, как высший дар...
И будет мысль — как пламя молний,
И будет слово — как пожар!*

Юргис БАЛТРУШАЙТИС

В.Д. ЛОЗИНСКИЙ
(1908—1982)

Год 1945-й. В Черновицкой школе для глухонемых детей почти половина — Валентиновичи. И все они — Лозинские.

И директор школы — Валентин Лозинский. Что за странность, почти анекдотическая? А все объясняется просто: эта «почти половина» — дети-сироты, без роду без племени. Взял Валентин Дорофеевич глухих и «безъязыких» маленьких беспризорников прямо с улицы —

в послевоенные годы их много таких бегало, ютилось на вокзальных скамьях, зыркало дикими, пристально-испуганными глазенками из полумрака чердаков и подвалов, шустро шарило по карманам и сумкам, с артистизмом цирковых фокусников извлекая тощие кошельки у честных граждан. Зоркость глаз и ловкость рук! Не было у них ни стыда, ни совести — одно

только отчаянное, неистовое, животное желание: есть! Не было у них также ни имени, ни фамилии — и директор, принявший в свой интернат этих маленьких беспризорников, безо всяких колебаний и лишних раздумий взял и одарил их своим именем. «Не имя красит человека...» Но доброе имя Лозинского озарило своим светом немало чумазных детских лиц, вырвало их из власти злой судьбы, подарило им дом и семью — названного отца и названных братьев и сестер. И, зная это, уже никак не хочется улыбаться по поводу Валентина и Валентиновичей. Трагически-печальная история, суровая быль, достойная стать красивой легендой. Но и помимо этой истории, не имеющей никаких аналогов в истории педагогики, Валентин Дорофеевич Лозинский, заслуженный учитель Украины, — личность легендарная.

Родился он в 1908 году, на Хмельнитчине, и Валькино детство, а потом и отрочество, как и у большинства его сверстников, было ярким и звонким. Как и вся деревенская ребятня, любил он слушать песни жаворонка над полем, сидеть у жарко потрескивающего костра, встречать восход солнца в блаженной утренней тишине...

Как и все дети бедноты, с восторгом принял романтику революции, не заметив ее оборотную сторону. Красный цвет революции был для него цветом праздника, а не террора. И гражданская война зачаровала его неискушенную душу легендарными именами: Чапаев, Буденный, Котовский... Страстного и пылкою юношу притягивало все яркое, героическое, огненное... В мечтах он видел себя героем, совершающим небывалые подвиги во имя высокой идеи. Всадником, летящим сквозь пламя с саблей напере-

вес. Тогда, в юности, все казалось возможным.

А в семнадцать — на него обрушилось черное небо: болезнь, едва не ставшая смертельной, и — вслед за тем — глухота. Мир романтических грез, выстроенный в буйном юношеском воображении, побледнел, потускнел, отодвинулся в туманную даль, оставив один на один с жестокой необходимостью — мужественно и достойно преодолевать нежданно-негаданно свалившуюся беду. И это преодоление было совсем не тем, что вымышленные подвиги неустрашимого рыцаря революции. Но он был неисправимым романтиком, и страсть ко всему огненному, героическому, легендарному осталась в нем навсегда.

Всегда, везде — и учась на Всеукраинских политехнических курсах инвалидов, и работая пионервожатым, воспитателем, а потом и классным руководителем в Киевской спецшколе-интернате для глухонемых, и возглавляя Черновицкую спецшколу-интернат для глухих и слепых детей, — Валентин Лозинский поражал окружающих своим романтическим взглядом на мир, порывистой страстностью, пламенностью своей натуры. Это был не человек, а живой сгусток пламени. Своим высоким горением он зачаровывал всех, приближающихся к нему; от соприкосновения с ним — самые бледные, тусклые и холодные души вспыхивали, как спички. Он любил повторять: «Есть только две формы жизни — тление и горение». И говорил это так, с таким выраженным оценочным акцентом, что после этого уже никому не хотелось — тлеть, а хотелось — гореть, пылать, полыхать служением идее...

Еще тогда, в семнадцать, решив посвятить свою жизнь воспитанию и обучению глухих, Лозинский

взял на вооружение систему Макаренко, наполнив ее своеобразием новых находок и достижений, или, образно говоря, вспышек и озарений, свойственных его пламенному духу. Ключ к сердцам трудных ребят — одна из тех педагогических хитростей, которыми Валентин Дорофеевич владел в совершенстве, — был так же прост, как и тайна Валентиновичей: обращаясь к озорнику, воришке или, наконец, к затравленному беспризорнику, он обращался к тому нерасстраченному запасу романтизма в детской душе, той жажде необычного, что, не находя себе достойного выхода в обычной школьной жизни, которая нередко, стараниями бездарных педагогов, становится скучной, рутинной и шаблонной, устремлялась в кривое русло мелкого хулиганства, бесшабашного дебоширства, а то и явных правонарушений. Вот это кривое русло ложного геройства и выпрямлял талантливейший педагог Лозинский, превращая малолетних правонарушителей в маленьких героев. Один из ярких примеров тому — Олег Синьковский, ученик Киевской спецшколы-интерната, после устроенного им взрыва «в знак протеста» против правления нелюбимой детьми (и не любящей их) директорши давший клятву своему старшему другу, пионервожатому Валентину Лозинскому, стать другим человеком и сдержавший ее. Он даже стал не только отличником и активистом, чья фотография попала на Доску почета на Крещатике (немалая честь для глухого школьника!), но и «дотянулся до планки» известного педагога, сподвижника Лозинского.

Непревзойденный Лозинский не только выпрямлял кривое русло неверных помышлений, он умел и выкорчевывать корни зла из детских душ, и сеять в

них разумное, доброе, вечное, учил своих питомцев подниматься по каменистой тропе на вершину — вместо того, чтобы катиться в пропасть...

Множество замечательных педагогических методов и средств в работе с глухими детьми изобретал Валентин Дорофеевич, тем самым подавая и другим педагогам пример творческого подхода к работе с таким чутким и восприимчивым материалом, как маленький человек.

Когда он, в 1944-м, пришел на ниву Черновицкой школы для слепых и глухонемых детей, это была скупая и твердая почва, на которой, казалось, не может взойти ничего доброго. Валентин Дорофеевич вспоминал: «Рівень навчально-виховної роботи у Чернівецькій школі для сліпих і глухонімих у роки окупації був надзвичайно низьким, це було пов'язано з відсутністю будь-якої науково-методичної допомоги і контролю. Директор був повновладним і безконтрольним господарем школи, учні працювали на його полі, доглядали його корів, пасли овець, члени сім'ї і родичі директора працювали також у школі вчителями і вихователями».

С приходом Лозинского многое изменилось к лучшему. Прежде всего глухие дети были отделены от слепых, и школа была переименована собственно в спецшколу-интернат для глухих детей. Чтобы укрепить материальную базу школы и откормить изголодавшихся детей, новый директор организовал при школе подсобное хозяйство. В этом хозяйстве было 28 гектаров земли, большой сад, кони, коровы, свиньи, 2 грузовых машины. Дети сами работали в подсобном хозяйстве, и многим эта работа так пришлась по душе, что они выражали желание работать даже во время летних каникул.

Первые два года количество учеников школы возрастало очень медленно (сначала в ней было всего 12 детей). Только на третий год наплыв учеников заметно возрос. Постепенно школа приобрела популярность в Черновицкой и прилегающих к ней областях Украины, и контингент учащихся увеличился до 200 человек.

Лозинский и руководимый им коллектив сумели воспитать целую плеяду прекрасных выпускников, которые активно включились в жизнь. Михаил Рацин, к примеру, работал инженером-конструктором на заводе в Ужгороде, Иван Заднепровский — конструктором в Киеве, Елена Залесская — педагогом; многие из выпускников Лозинского закончили Санкт-Петербургское и Одесское художественные училища (в том числе и известный в Обществе Валентин Людвик, член Союза художников). И этот список можно было бы продолжить.

Если бы в старой Буковине сказали, что глухонемой может стать инженером-конструктором, педагогом, художником, — никто бы этому не поверил. Это казалось почти чудом. Но вот пришел в небольшую школу дерзкий романтик Лозинский — и это чудо обернулось явью. Буковинские дети из бедных, забытых горем семей стали известными людьми, овладели вершинами науки, познали радость творческого труда. Так глухая, заросшая нива, при добром пахаре, зазеленела...

В.Д. Лозинский — истинный первопроходец в отечественной сурдопедагогике. Именно он впервые предложил открыть при спецшколах-интернатах для глухих детей дошкольные отделения и ввел метод обучения двумя этапами. Первый этап — восьмилетка

для глухих детей, которая должна была давать знания за пять классов общеобразовательной школы, второй — неполная средняя школа (IX-XII класс), которая должна была давать глухим учащимся знания в объеме массовой восьмилетки. Новаторские предложения Лозинского были встречены с пониманием, и Закон о школе был дополнен постановлениями Совета Министров СССР и Совета Министров УССР о сроках обучения в специальных школах.

В.Д. Лозинский — автор двух учебников: «Природознавство» (для 5 класса школ глухонемых) и «Будова і життя тіла людини» (для 8 класса школ глухонемых).

Таков вклад Лозинского в историю сурдопедагогики, который весьма существен.

Валентин Дорофеевич Лозинский проводил большую общественную работу и в Обществе глухих. Он был на протяжении многих лет членом ЦП УТОГ, членом правления областной организации; уже будучи на заслуженном отдыхе, принимал участие в воспитании неслышащей молодежи.

За большой вклад в дело воспитания и обучения глухих детей Валентин Дорофеевич Лозинский удостоен высокого звания заслуженного учителя Украины.

Сегодня имя Валентина Лозинского члены УТОГ произносят с большим уважением, а бывшие его ученики — с благодарностью и любовью. Это имя не тускнеет от мшистого налета времени, а напротив, озаряет торжественный полумрак прошедшего своим ясным и чистым блеском. Над пожелтевшими учебниками, над стопкой документов, исписанных выцветшими чернилами, над классными журналами сороко-

вых—шестидесятих годов — витает смутный образ всадника, летящего сквозь огонь, с саблей наперевес... На могилу Лозинского приносят цветы, пылающие живым огнем. И не только те, кто — Лозинские, кто — Валентиновичи...

*Вне розни счастья и печали,
Вне спора тени и луча,
Ты станешь весь — как гибкость стали,
Ты станешь весь— как взмах меча...*

Юрий МАКСИМЕНКО

ВПЕРЕД ВЕДУЩИЙ

*Все шире плечи,
прямей голова,
все искристее глаза...
Еще
и еще,
и еще наплывай,
живительная гроза!*

Николай АСЕЕВ

**П.К. СУТЯГИН
(1906—1986)**

После принятия в 1933 году постановления ВЦИК и Совнаркома Украины о создании Украинского общества глухих для осуществления практической работы по его созданию нужны были грамотные, инициативные и энергичные кадры из числа самих глухих.

И в первую очередь нужен был человек, который мог бы возглавить Организационное бюро, занимающееся созданием Общества, а затем и само Общество.

Из числа глухих, проживающих в то время в Украине, такого человека не нашли и поэтому на должность председателя Оргбюро был приглашен в 1934 году Петр Карпович Набоченко — уроженец Ростовской области, русский по национальности, имевший

опыт работы в структурах Всероссийского общества глухих. Именно благодаря широкому кругозору, деловитости и организаторским способностям П.К. Набоченко Украинское общество глухих, несмотря на сложности организационного становления и разруху в годы войны, стало уважаемой организацией, объединившей вокруг себя всех неслышащих Украины.

Пройдут годы, и история повторится, но уже в обратном направлении: в 1949 году председателем Всероссийского общества глухих станет человек с русской фамилией, но украинец по национальности и уроженец Украины — Павел Кириллович Сутягин. И именно благодаря широкому кругозору, деловитости и организаторским способностям П.К. Сутягина Всероссийское общество глухих станет под его руководством организацией, объединившей вокруг себя не только глухих России, но и общества глухих бывших союзных республик СССР.

Павел Кириллович Сутягин родился 10 августа 1906 года в г. Черкассы Киевской губернии в семье рабочего-землекопа. После окончания в 1922 году неполной средней школы 16-летний Павел поступил чернорабочим на Черкасский сахарный завод, а затем перешел чернорабочим по очистке железнодорожных путей на станции в Черкассах.

В связи с переездом семьи в Донбасс, с 1924 по 1928 год Павел работал на шахтах Буденновского рудоуправления Сталинской области рабочим, кладовщиком, заведующим складом, начальником отдела снабжения.

В 1928 году, во время служебной командировки в Енакиево, Павел Кириллович заболел менингитом и полностью потерял слух. С этого момента его жизнь,

как и жизнь других оглохших людей, начала иной отсчет времени: до и после потери слуха.

Но, в отличие от других, Павлу Кирилловичу повезло несколько больше. Во-первых, к моменту потери им слуха за его плечами было целых шесть лет трудового стажа, что по тем временам считалось солидным жизненным опытом. А во-вторых, как раз в это время в Киевском техникуме Наркомата социального обеспечения УССР открылось отделение для глухих. Проучившись два года в техникуме, Павел Кириллович в 1931 году вернулся в Донбасс и, как человек уже достаточно подкованный, был избран заместителем председателя существовавшей тогда в Сталинской области организации глухих. Одновременно он был также директором вечерней школы для взрослых глухих в г. Сталино.

В 1933 году, по распоряжению Народного комиссариата социального обеспечения УССР, П. К. Сутягин был направлен в Винницу председателем оргбюро Винницкого областного отдела начавшего создаваться Украинского общества глухих.

Здесь он работал до середины 1934 года, а затем Сталинским областным советом профсоюзов был командирован в Москву на учебу в Высшей школе профсоюзного движения (ВШПД). По окончании в 1937 году учебы в ВШПД решением секретариата ВЦСПС был направлен на работу в Центральный комитет профсоюза работников среднего машиностроения на должность инструктора по работе среди глухих, а в 1941 году, по просьбе Центрального правления Всероссийского общества глухих, был переведен на работу заместителем директора Московского учебно-производственного комбината ВОГ.

Нет, не случайно в личном деле П. К. Сулягина против очередной строки о переходе с одного места работы на другое упоминаются фразы «по направлению», «по решению», «по просьбе». О том, как работал он на Московском УПК ВОГ, свидетельствует характеристика, написанная 13 августа 1945 года председателем Московского городского правления ВОГ Снетковым И.И.:

«Тов. Сулягин Павел Кириллович, 1906 года рождения, соцпроисхождения из рабочих, украинец, имеет среднее общее и высшее политическое образование, член ВКП(б) с 1940 года.

С 1941 по 10 августа 1942 г. работал зам. директора УПК. За проявленную инициативу по расширению производства и увеличению выпуска продукции 10 августа 1942 г. был выдвинут на должность директора этого же комбината, где и работает по настоящее время.

За время работы директором тов. Сулягин зарекомендовал себя как хороший инициативный хозяйственник, в совершенстве изучивший производство и методы трудового обучения специфической массы глухонемых. Благодаря умению и настойчивости в условиях трудного военного времени добился расширения производства и увеличения выпуска продукции с 2,9 до 4 миллионов рублей.

За перевыполнение производственных программ 1943—1944 гг. премировался с объявлением благодарности.

Программа первого полугодия 1945 г. выполнена на 19 июня на 101%, т. е. досрочно».

Высоко ценило деловые качества П.К. Сулягина и Центральное правление Всероссийского общества

глухих, в связи с чем в мае 1946 года президиум ЦП ВОГ принимает решение о переводе П.К. Сулягина на работу в аппарат Центрального правления.

Но не тут-то было. Не желая расставаться с Сулягиным, президиум Московского городского правления ВОГ во главе с решительной и пробивной Г. Лукиных, ставшей впоследствии редактором журнала «Жизнь глухих», шлет 27 июля 1946 года на имя председателя ЦП ВОГ П. А. Савельева вербальную ноту:

«Решение президиума ЦП ВОГ от 23 мая 1946 года о переводе директора УПК МосгорВОГ т. Сулягина П. К. на работу в аппарат ЦП ВОГ МосгорВОГ не мог выполнить в силу причин, изложенных в протоколе № 3 заседания президиума МосгорВОГ от 7 июля 1946 года, выписка из которого вам была послана.

Приказ министра социального обеспечения РСФСР т. Сухота за № 297 от 10 июля 1946 г., пункт 2, раздел «б» «Об улучшении работы по подбору и правильной расстановке руководящих кадров на УПК и УПМ» убеждает нас в правильности принятого нами решения, разделяемого Мосгорсобесом.

Учитывая, что УПК МосгорВОГ по объему выпускаемой продукции является самым мощным в системе ВОГ, развитие хозяйственной деятельности и руководство которым может быть обеспечено только опытным работником, какого мы не имеем, и принимая во внимание организацию нового цеха, а также серьезность предстоящих работ по капитальному ремонту здания УПК, становится ясным невозможность освобождения т. Сулягина от должности директора и перевода его в распоряжение ЦП ВОГ.

Согласия на перевод т. Сулягина для работы в ЦП

ВОГ, как указывается в Вашем письме от 20 июня 1946 года, МосгорВОГ не давал.

Поэтому, основываясь на вышеизложенном, МосгорВОГ считает невозможным освободить т. Сулягина П.К. от работы в должности директора УПК МосгорВОГ».

Что и говорить, мы как-то привыкли, что характеристики пишутся чаще всего формально, и поэтому не всегда относимся к ним с надлежащим доверием. Но такую характеристику, какую дало П. К. Сулягину в упомянутом письме руководство МосгорВОГ, как говорится, надо еще заслужить.

Поэтому не случайно в 1949 году, в связи с болезнью П. А. Савельева, являвшегося первым председателем ВОГ и долгое время стоявшего у его руля, новым председателем Всероссийского общества глухих был избран именно Павел Кириллович Сулягин.

Была ли ему альтернатива хотя бы на этапе предварительного отбора кандидатур на эту высокую должность и на этапе их согласования? Наверное, была. К тому времени Москва уже стала центром притяжения всех интеллектуальных сил Союза, в том числе и из числа глухих. К тому же, в Москве глухие имели больше возможностей получить образование и пройти жизненную обкатку. Так что альтернатива Сулягину, судя по всему, была. И все же и председатель ЦП ВОГ Павел Савельев, подбиравший себе замену, и согласующие инстанции в лице Наркомата соцобеспечения РСФСР и отделов ЦК КПСС остановили свой выбор на директоре Московского УПК, выпускнике Высшей школы профдвижения и студенте-заочнике Высшей партийной школы при ЦК КПСС Павле Сулягине.

И они не ошиблись в выборе. В должности председателя Центрального правления ВОГ П.К. Сутягин проработал 21 год, существенно укрепив его материальную базу и раздвинув рамки его деятельности.

Он также, как написано в одной из выданных на него характеристик, существенно улучшил руководство работой президиума и Центрального правления ВОГ. При нем же достигнуты значительные успехи в деле профессионального обучения и трудового устройства глухих в России, что во все времена было для них, глухих, наиболее важным.

При Сутягине было начато систематическое групповое обучение неслышащих на дневных отделениях Рыбинского авиационного, Челябинского, Златоустовского, Владимирского, Кинешемского и ряда других техникумов России. При нем были открыты Республиканские курсы повышения квалификации специалистов и руководящих работников ВОГ и Ленинградский восстановительный центр ВОГ, готовивший специалистов для организаций и культучреждений всех республиканских обществ глухих Советского Союза.

При нем был построен дом отдыха «Маяк» под Сочи и получил второе дыхание санаторий «Дружба» в Геленджике.

При нем было возобновлено издание журнала «Жизнь глухих» и открыты лаборатории сурдопедагогики и сурдотехники при институте дефектологии Академии педагогических наук.

При нем были реконструированы многие учебно-производственные предприятия глухих и начато массовое строительство за средства ВОГ жилья для работников Общества.

При нем же Всероссийское общество глухих вы-

шло на международную арену, став членом Всемирной федерации глухих и Международного спортивного комитета глухих.

Будучи избран членом Бюро и вице-президентом Всемирной федерации глухих, Сутягин способствовал принятию в нее Украинского и Белорусского обществ глухих, а также укреплению дружеских связей между ближними соседями — обществами глухих стран Центральной и Восточной Европы.

Высокий, плечистый, с красивым и умным лицом, он по праву пользовался уважением не только у членов ВОГ, но и в высоких директивных инстанциях.

Причины же его ухода с должности председателя Центрального правления ВОГ и фактическое отстранение от участия в деятельности Общества, которому он отдал столько сил и энергии, были печальными.

Сказалась ли на отношениях с подчиненными непрекращаемость его суждений, обидел ли он кого своими действиями или просто дала знать о себе психологическая усталость людей от долгой и непрерывной власти одного и того же начальника, — но только пошли в конце шестидесятых годов в Центральный комитет КПСС непрерывным потоком жалобы на Сутягина.

В Москве был создан целый штаб из числа амбициозных молодых людей, взявший на себя обязанности сборщика компрометирующей информации на П.К. Сутягина и ее пересылки в ЦК КПСС. Дошло до того, что в вину Сутягину было поставлено даже то, что по национальности он украинец.

И когда поток компромата достиг, как говорится, критической массы, Сутягина вызвали на собеседо-

вание и предложили уйти. И он тем же четким отрывистым почерком, которым писал всю жизнь, лишь нарушая из-за нервного напряжения прямолинейность строк, написал:

*«Министру социального обеспечения РСФСР товарищу Д.П. Комаровой
председателя Центрального правления ВОГ Сутягина П. К.*

Заявление.

В связи с пенсионным возрастом и уходом на пенсию прошу Вас внести на VII пленум ЦП ВОГ, созываемый 2—3 декабря 1970 года, вопрос об освобождении меня с занимаемой должности.

*Председатель
ЦП ВОГ
П. Сутягин
26. 11. 1970 г.»*

Как раз накануне этого пленума я, в ту пору студент Киевского технологического института легкой промышленности, приехал в Москву для прохождения преддипломной практики в НИИлегмаш и, благодаря знакомствам, установленным с москвичами в санатории «Дружба», был допущен во Дворец культуры в момент проведения там пленума, а затем познакомлен и с элитой глухих москвичей. Поэтому и подробности отставки П.К. Сутягина знаю, если не из первых, то во всяком случае, из вторых рук. И помню

отчетливо, с каким облегчением вздохнули некоторые московские интеллектуалы в связи с уходом Сулягина, совсем не задумываясь о том, что будет после него.

А Павел Кириллович Сулягин, которому шел всего лишь 65-й год и энергия которого еще не иссякла, был принят на работу в созданную им ранее лабораторию сурдопедагогики при НИИ дефектологии АПН, где занимался исследованиями в области профессионального обучения глухих. И только через многие годы, когда улеглись страсти и прошли обиды, он вернулся в некогда родное ему Всероссийское общество глухих на одну из инженерных должностей в СПКТБ ВОГ. Отсюда в начале 80-х годов он приехал в Киев для обмена опытом с ЦП УТОГ по вопросам всестороннего обслуживания глухих.

В аппарате Центрального правления УТОГ к тому времени уже работал специальный отдел по проблемам слуховой, трудовой и социальной реабилитации глухих, и нам было чем поделиться.

П.К. Сулягин имел продолжительные встречи со всеми руководителями Центрального правления УТОГ, а также значительную часть своего времени провел в отделе реабилитации, который я тогда возглавлял. Мы говорили о наших проблемах на равных и на одном языке. Между нами не было ни 33-летней разницы в возрасте, ни его огромного жизненного опыта, ни десяти лет его вынужденного отлучения от повседневной жизни ВОГ.

И мне до сих пор искренне жаль, что эта встреча была единственной, как жаль того, что многое, что мог бы еще сделать П. К. Сулягин для своего Общества после ухода с должности председателя ЦП

ВОГ, ему не дано было осуществить.

Но, тем не менее и несмотря ни на что, навсегда останется в памяти глухих Украины и глухих России легендарная быль о том, как сын землекопа и простой мещанки, сам начинавший свою трудовую деятельность чернорабочим, сумел после потери слуха не только найти свое место в жизни, но и достичь благодаря своему трудолюбию огромных высот, став руководителем крупнейшей в мире национальной организации глухих и вице-президентом Всемирной федерации глухих.

*Быть может,
им путь
был неправильно начат.
Но — видите,
что он
наделал потом!
И многие ль — больше
и вровень с ним — значат,
пошедшие
более легким путем?*

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

*Я хочу, чтобы сердце другие сердца
волновало,
И в волненьи таком настоящий покой я найду.*

Исаак САПОЖНИКОВ

И.А. САПОЖНИКОВ
(1913—1985)

Об Исааке Ароновиче Сапожникове писать нелегко. И не столько потому, что его имя — одно из самых значительных имен в истории Украинского общества глухих, сколько потому, что, по сути, существовало два Сапожникова.

Поэтому я решила сначала написать об одном, а потом — о другом, главном.

О первом Татьяна Георгиевна Филянина, многие годы проработавшая рядом с ним, говорит:

— Это был — титан! Титан — иначе не скажешь. Он один тянул на себе груз, который многим другим был бы не под силу. А кроме того, он везде всем прокладывал путь. И театру «Радуга», и газете «Наше життя», и литобъединению «Відлуння».

Это я помню. Помню, как в начале 80-х возникло литературное объединение глухих поэтов «Відлуння», как здесь все организовывал Исаак Аронович, как все литобъединение на нем, на волне его мощной

энергии, и держалось, как мы, поэты «Відлуння», периодически собираясь на литературных семинарах, — как в гости приходя, к накрытому столу — всю основную работу сваливали на него одного: Сапожников все сделает.

И Сапожников делал. Организовывал семинары, разыскивал литконсультантов и издателей, издавал сборники. Спустя некоторое время после его смерти литобъединение как-то понемногу, незаметно распалось, заглохло. Неслышащие поэты, конечно, остались, но нет больше всего того, о чем ностальгически ноет сердце, — ни поэтических семинаров, ни литературных разборок, ни скромных книжечек, где под одной обложкой собраны воедино все голоса «Відлуння».

Это, конечно, во многом объясняется тем, что Украина переживает трудные времена, стремясь если не жить, то хотя бы выжить. До поэзии ли тут, до жарких дебатов по поводу той или иной стихотворной строки, когда вот она — нищета, смотрит глазами стариков, детей, инвалидов, протягивая руку. Огромная армия безработных скитается по стране, и забота о хлебе насущном, страх завтрашнего дня, а то и просто ставшие привычными меркантильные соображения скопывают ваше собственное сердце. И все же — поэзия самоценна. И сила ее нередко возрастает как раз во времена самые тяжкие. И, как мне кажется, распад литобъединения во многом обусловлен тем, что больше нет Сапожникова. Он, думается мне, сумел бы, несмотря на все трудности, добиться того, чтобы единое, переливчатое, перекликающееся «Відлуння» не выродилось в отдельные, разрозненные, одиноко звучащие в тишине или совсем затихающие в отдалении «відлунки»...

«Відлуння» — родное, единокровное и, пожалуй, самое любимое детище Исаака Ароновича Сапожникова. Год рождения — 1980-й...

Другое детище Сапожникова, принятое из рук Виктории Францевны Лоос и выпестованное им, — Киевский народный самодеятельный театр. Тридцать лет этот большой, серьезный, ответственный человек, в котором, по-видимому, было очень много глобального отцовского чувства, вел, образно говоря, «за ручку» свое талантливое дитя — поющее, танцующее, лицедействующее — все к новым и новым вершинам.

Народный самодеятельный театр не распался, когда Исаака Ароновича не стало. Но и здесь чувствуется его отсутствие. Если не как полная пустота, то как некоторая недостаточность. Словно он вышел из театра и не приходит больше — и осталось печальное и темное ощущение незаполненного им жизненного пространства. Впрочем, какой глухой не любит «зримой» песни? А постоянно действующий конкурс песни в жестовом исполнении носит имя И.А.Сапожникова.

Исааку Сапожникову обязан своим возникновением и профессиональный театр глухих — театр мимики и жеста «Радуга». Первый краеугольный камень в основание «Радуги» заложил именно он, Сапожников. Благодаря своей удивительной способности достигать намеченной цели во всех благих начинаниях, Исаак Аронович, потратив немало усилий, времени и, очевидно, того, что в просторечии называется нервами, сумел-таки добиться — во времена, когда к профессиональной творческой деятельности глухих относились, мягко говоря, с недоверчивой снисхо-

дительностью (или — со снисходительной недоверчивостью?), — чтобы театру «Радуга» было выдано, так сказать, «свидетельство о рождении». Иными словами — право на существование, на жизнь. Год рождения — 1969-й...

«Наше життя», газета Украинского общества глухих, тоже появилась на свет в немалой мере благодаря тем же недюжинным «пробивным» способностям Исаака Сапожникова. Чтобы прорубить это небольшое окошко в мир для глухих (и оно же — окошко в мир глухих), Исаак Аронович будоражил власти в Киеве, ездил в Москву, оббивал пороги... И старания фантастически везучего «ходатая за глухих» не пропали даром. Газета для глухих, при столь активном родовспоможении, наконец, подала свой голос, особенность которого в том, что его «слышат» глухие, живущие в Украине. Впервые они услышали этот голос в разгаре июльского дня — и в буйство летних красок ворвался жестовый ветер события: наша газета! Год рождения — 1967-й...

И хотя все эти даты, все эти «годы рождения» той или иной живой, пульсирующей точки УТОГ, приводятся здесь не в хронологической последовательности, а в порядке значимости и по степени усилий, затраченных Исааком Ароновичем Сапожниковым на то или иное дело, все они, в конечном счете, сводятся к одному: к тому, что Сапожников — это Сапожников! Перефразируя слова известной песни, можно сказать: куда бы не забросила его судьба, все равно он оставался Сапожниковым.

В юбилейном поздравлении Аллы Славиной, московской поэтессы, журналиста и историка, присланном к тридцатилетию газеты «Наше життя», отмечено

время, насыщенное для нее (как нашей гостьи) памятными событиями, и не просто отмечено, а с ориентацией на определенную личность: «...В восемьдесят каком-то, еще при Сапожникове...».

Вот как — даже время измеряют по Сапожникову!

Таков образ человека, о котором Татьяна Георгиевна Филянина говорила, в горестном почтении покачивая головой:

— Да, это был титан! Одно слово — титан!

Был.

Вся жизнь этого титана укладывается в несколько строк биографической справки, приведенной в одном из поэтических сборников «Відлуння» — «Живий дощ» (Київ, «Радянський письменник», 1991):

«Родился 10 августа 1913 года в г. Киеве. В 1934 г. был откомандирован в Москву в Литературный институт, который вскоре пришлось оставить из-за резкого снижения слуха, завершившегося полной глухотой.

С этого времени работал в Обществе глухих в Москве, а затем — в Киеве. Одновременно в течение тридцати лет был режиссером драматического коллектива УТОГ, ставшего впоследствии народным театром.

В период войны возглавлял Таджикское республиканское общество глухих. В последнее время был директором Республиканского научно-методического кабинета клубной работы Украинского общества глухих.

Печататься начал с 1934 года. Опубликовал свои произведения в журналах «Крокодил», «Перец», в коллективных сборниках «Натхнені працею», «В едином строю», «Шляхами неспокою», «Серцем почуте»,

«Живий дощ», «Відлуння» (посмертно), в различных журналах и газетах».

Это — один Исаак Сапожников, время которого, яркое и насыщенное до предела, все же было жестко отмерено двумя — через черточку — датами: 1913—1985... Это был человек, который создавал целую эпоху в жизни Общества глухих. Эта эпоха кончилась.

Но я знаю также и другого Исаака Сапожникова. Если приоткрыть завесу... И что же там, за той завесой? Стихи. Просто — стихи. Размеренный и в то же время взволнованный, чуть глуховатый голос души:

*Еще темней. Все гуще, гуще Тень,
Никто глубокий мрак на небе не разбудит...
Так гибнет свет. Так умирает день,
Так умирают мысли, чувства, люди.*

Какой холод, какая грусть. Эти строки как будто пришли прямо из Небытия...

Вспоминается такой случай. Праздновался 70-летний юбилей И.А. Сапожникова. Торжество отмечалось во Дворце культуры УТОГ имени А.В.Луначарского. Исаак Аронович важно и почти неподвижно восседал на сцене, обставленный со всех сторон цветами, и только, поблескивая стеклами очков, поворачивал голову в направлении очередных чествований. Там много говорилось о больших заслугах юбиляра перед Обществом глухих — и он, слушая, мерно кивал большой, рельефной головой то ли в знак согласия, то ли в знак благодарности.

Среди всего прочего было прочитано и мое стихотворение, посвященное Исааку Сапожникову. Оно

было написано именно к этой дате. Стихи «по случаю» мне обычно не удаются — и то мое стихотворение не обладало большими поэтическими достоинствами. Но произошло что-то непонятное: Исаак Аронович, которому после чтения моего стихотворения со сцены передали листок, где оно было написано, пробежал этот листок взглядом... и неожиданно оживился. После окончания официальной части вечера он показывал этот листок своим друзьям и — улыбался... Меня, конечно, интересовало, что в этом стихотворении привлекло его внимание, поэтому я не удержалась и спросила его об этом. А когда он сказал мне, что именно, — я, откровенно говоря, удивилась.

Ему было семьдесят лет. Он был стар, сед и тучен. А взволновала его в моем стихотворении — одна строфа, имеющая отношение к его стихотворению «Первая любовь».

«Первая любовь» Сапожникова — удивительное, чудесное стихотворение. Оно озарено какой-то особенной светлой аурой взволнованного и возвышенного юношеского чувства, в нем слышится неизбывная, страстная тоска сокрушенного Данте о своей навсегда утраченной Беатриче.

*Любимая! Как я о ней мечтал
В четырнадцать, в шестнадцать,
в девятнадцать!..
Ходил за ней, выслеживал, страдал,
Но все не мог, не в силах был
признаться.
А годы проходили чередой,
Неумолимой сложностью пугая,*

*Ее увез из города другой,
И в жизнь мою вошла потом другая...*

Начинается стихотворение строфой:

*Люблю бродить по городу один
С Крещатика до площади Толстого,
Люблю огни сверкающих витрин,
Биенье пульса города родного.*

Я отозвалась на это стихотворение (самое мое любимое у Сапожникова) — ответной строфой:

*И может быть, с волнением читая
«Люблю бродить по городу один»,
Вас вспоминает женщина седая —
Та, с улицы сверкающих витрин.*

И вот, прочтя эту строфу, он, весь вечер поблескивавший непроницаемыми очками, — оживился, взволновался, помолодел...

То, давнее мое стихотворение, как и другие неудачные стихи, забыто даже мной. А эта строфа — запомнилась. Благодаря ей за монолитным, годами создаваемым образом «титана», ворочающего глыбами больших и важных дел, проглянула живая человеческая душа — прекрасная в беспомощном своем страдании, говорящая о глубинном, о сокровенном...

В его стихах — то тут, то там, проблесками — встречаются строки, словно нечаянно, мимолетно открывающие образ вечного путника, замороженного сиянием далекой звезды:

*Снова звезды кружатся в тумане,
В серебристом зареве пути,
Снова дали голубые манят
Без конца идти, идти, идти...*

Вот этот Сапожников, к сожалению, мало кому известный, мне особенно дорог.

Когда он был жив, все ценили в нем прежде всего талантливого руководителя, общественного деятеля или, выражаясь словами Т.Г. Филяниной, Сапожникова-титана. Этого Сапожникова больше нет. Дело его подхватили и продолжили другие. Живут на сцене Культурного центра УТОГ народный театр и театр «Радуга»; созданная с его участием газета «Наше життя» рассказывает о жизни глухих; перебивается нечастыми, но поэтически насыщенными публикациями и литобъединение «Відлуння». Где-то живет дочь Сапожникова. Живут своей жизнью женщины, которые были его женами и которых он любил... Не знаю, посадил ли он дерево. Ведь говорят, что жизнь человека можно считать вполне оправданной, если он произвел на свет хоть одного ребенка и посадил хоть одно дерево.

Но другой, духовный Сапожников не исчез, и биография его не закончена. Потому что настоящая биография поэта — это его стихи, а не формальные сведения о его жизни. Он незримо присутствует в своих стихах, и волнение его большого поэтического сердца волнует другие сердца.

Раскройшь книгу — и зазвучит оттуда размеренный, глуховатый, усталый голос Сапожникова-поэта:

Тишина... Тишина...
 Это все, что мне в жизни осталось,
 Я хотел бы взорвать надоевшую
 мне тишину,
 Я мечтаю творить, но меня поглощает
 усталость,
 И больной головой я бессильно склоняюсь
 к окну.
 Огоньки... Огоньки... Задрожали в тумане
 и тают,
 Тишина порождает в ушах надоедливый
 звон.
 Но душой я бодрюсь, я живу, я дышу,
 я мечтаю,
 Потому что всегда голубою звездой озарен.

Юлия СОЛОВЬЕВА

СОЛНЦЕ НА ЛАДОНИ

*Солнцем сердце зажжено.
Солнце — к вечному стремительность.
Солнце — вечное окно
в золотую ослепительность.*

Андрей БЕЛЫЙ

А.И. НАБОЧЕНКО
(1913—1992)

Август — месяц царственной щедрости. Мягкое, ласковое солнце, цветы, источающие волны благоуханий, спасские яблоки, залитые густым, прозрачным медом... И девочка, рожденная под неслышную музыку августовского звездопада, словно изначально обречена была на счастье — солнечное, благоуханное, медовое...

Но год, в который она родилась, выдался суровым. 1913-й... Уже духота стояла в воздухе — напряжением братоубийственной ненависти, и веяло близкой грозой. Гроза разразится вскоре — первой мировой войной. Война не только выломит, вывернет с корнем множество человеческих жизней, но и долго будут потом кружиться листья осиротевших судеб. А вслед за тем — всполохи революций. Гражданская война, военный коммунизм, НЭП... Дети военных, послевоенных, революционных лет — маленькие старички с запавши-

ми, страдальческими глазами. Они видели смерть, испытали голод, познали все тяготы раннего сиротства. И мягкое, ласковое солнце, из лучей которого было соткано и сердце «обреченной на счастье» Анечки, скрывается за темными тучами, за пеленой дождя, поливавшего маленькую худенькую фигурку, склоненную над двумя неструганными гробами — отца и матери.

Детство Ани Максимовой закончилось вместе со смертью родителей. Ей было одиннадцать лет, но ее светлые глаза смотрели в мир, разрушенный войной и революциями, без радости, без улыбки. Сев в набитый переселенцами поезд, она уезжает из родного Харькова в Донбасс, к дальним родственникам — ведь у нее больше никого не осталось. А ей еще надо было расти, учиться, просто — жить. А жить без дома, без семьи — в истинном смысле этого слова — было трудно. И что-то глубинное, напоминавшее ей время от времени: ты родом из детства! — не оставляло ее все проведенные в Донбассе годы. Что это было? Солнце в отчем доме, белые астры в саду, спасские яблоки? Неизвестно, какие воспоминания волновали детскую душу, но, окончив семилетку, Аня возвращается в Харьков.

В доме, с которым у нее связаны воспоминания детства, давно уже живут другие люди. И Аня, немного постояв перед ним с небольшим чемоданчиком в руках, сворачивает на другую улицу. Это не просто другая улица, это — другая дорога жизни.

Она останавливается у своей двоюродной сестры. Ее сестра — глухонемая, и это сыграло решающую роль в жизни Ани. Сестра стала ее первым учителем, преподавшим ей азы дактильно-жестовой речи. «Вот

— «а»,— говорила она Ане и показывала крепко сжатый, литой рабочий кулачок. «Вот — «бэ», вот «вэ», вот «я»... Вот — «мама», «солнце», «жизнь», «радость». Аня следила за ее быстрыми, уверенными, грубоватыми жестами, и тут же повторяла их — но уже с удивительной, мягкой пластичностью. В движениях ее рук все как бы оживало: и шум дождя, и полет птицы, и смех ребенка. Поэзия исходила из кончиков ее пальцев.

— Ты — прирожденный переводчик, переводчик от Бога, — вскоре сказала ей сестра. — Тебе надо работать с глухими, Анечка. Я тебе точно говорю, послушай меня. Это — твоя судьба.

Аня, уже обжившаяся в доме сестры, повеселевшая и похорошевшая (как-никак, семнадцать лет!) только улыбнулась в ответ. Ей нравилось «разговаривать на руках», и давалось ей это легко, как птице — петь. Но — судьба? Судьба — это что-то другое, что-то очень большое и значительное. Ей и впрямь не приходило тогда в голову, что в жесте, в общении с глухими — может быть заключена вся жизнь и что это ее призвание — быть переводчиком и другом глухих.

Жила Аня в те годы просто, как и множество других ее сверстников: училась в ФЗО, работала на заводе, потом — кассиром в кинотеатре. Зашла как-то раз в кинотеатр группа глухих. Юная Аня, желая похвастаться своим умением, заговорила с ними с помощью жестов. Они удивились и обрадовались. Попросили девушку перевести им содержание фильма. И Аня справилась с этим блестяще: зрители смотрели как замороженные, причем больше не на экран, а на нее. И не только глухие — красота и легкость ее жестов увлекла и слышащих посетителей кинотеатра.

В среде глухих вести разносятся с молниеносной

быстротой, и скоро уже все глухие харьковчане знали, что в таком-то кинотеатре неожиданно объявилась очаровательная, добросердечная и очень хорошая переводчица. Они стали посещать этот кинотеатр постоянно и осаждать Аню просьбами «перевести фильм». И она всегда с готовностью переводила. А потом глухие, ставшие уже ее добрыми друзьями, уговорили Аню перейти переводчицей в Харьковский дом культуры глухонемых. Это произошло в 1934 году.

— Ага! Я тебе что говорила! — торжествовала сестра. — Теперь ты — наша, теперь никуда от нас не денешься!

Она делала «страшное» лицо и набрасывалась на Аню, тормозила ее, целовала и смеялась. И Аня смеялась вместе с ней. Она действительно уже чувствовала себя своей среди глухих. Так отходила ее душа, рано осиротевшая, обретала новый дом и семью. Здесь могла она быть открытой и радостной, доброй и щедрой, и вновь, как когда-то в детстве, еще не тронутым, не разрушенным бедствиями, проступал в ней тихий, мягкий свет, веяло от ее души ароматом медовых яблок, и вся она была — как сердце на ладони. А сердце это, сотканное из солнечных нитей, — так и светилось... И не знала она сама, что была сокровищем, о каком в Священном писании говорится — «сокровенный сердца человек».

Да и глухие — особенно об этом не задумывались. Они просто любили ее, тянулись к ней, она была для них «светом в окошке». В те далекие годы переводчиков было мало, а грамотных переводчиков — считанные единицы. Им приходилось разрываться, работая одновременно и на предприятии, и в облотделе, и в

Доме культуры. Анна Ивановна, «добрая душа», «золотое сердце», не считаясь со временем, вкладывала все силы в работу с глухими — трудоустраивала их, защищала их интересы, помогала им во всем. При ее участии возникла первая компактная группа глухих работниц на швейной фабрике в Виннице. И те, кто помнил ее, рассказывали, как ей, в бытность ее переводчицей, приходилось ездить в села, районы, по областям Украины, создавать первичные организации на местах — в Немирове, Тульчине, Казатине, организовывать семинары для учителей школ ликбезов в Каменец-Подольском и Проскурове (ныне Хмельницкий).

Нужно было думать о подготовке новых кадров для Украинского общества глухих. Анну Ивановну направляют переводчицей группы глухих в Харьковский индустриальный рабфак.

Именно ее избирают делегатом I съезда УТОГ, и не просто делегатом — первым переводчиком I съезда УТОГ.

И снова в ее жизнь ворвалась война. Вновь подхватило ее злым ветром и забросило в трудовой лагерь под Берлином. А там все мысли, все желания, все силы были сосредоточены на одном: как в нечеловеческих условиях жизни — остаться человеком.

После того, как наши войска вошли в Берлин, Анна Ивановна какое-то время работала секретарем в воинской части. Но опять неодолимая сила потянула ее на родину, в Харьков, где ее со слезами радости встретила сестра. Все тот же сестрин дом, теплый и уютный, все та же работа в Харьковском облотделе УТОГ. Майский ветер, обрывающий и уносящий лепестки с цветущих яблонь... Все свое, привычное, родное.

За напряженными рабочими буднями (они же были и праздниками) — как-то отступало на задний план то, что для многих женщин является наипервейшим: любовь, семья, дети. И прошло бы это, наипервейшее, для нее, с головой погруженной в свою работу, стороной, если бы не встреча с Петром Карповичем Набоченко. Он увидел в ней не только замечательную переводчицу, но и женщину, светлые глаза которой излучали мягкое, ласковое сияние последнего месяца лета... Увидел — и полюбил. Сам он был уже не первой молодости, дети его выросли, в сердце его теплились грустные воспоминания о жене, давно ушедшей из жизни... Но общение с этой светящейся солнечным светом женщиной преобразило его жизнь, наполнило ее теплом и радостью. В 1952 году Анна Ивановна Набоченко переехала к мужу в Киев. Там ее ожидала другая жизнь, наполненная тихим, ясным счастьем. Киевские каштаны, прекрасные в любое время года, дорогое лицо рядом — светлые внимательные глаза за чеховскими очками, переводческая работа в Киевском доме культуры, где ее все любили и уважали. И даже больше — обожали.

Вместе с Исааком Ароновичем Сапожниковым Анна Ивановна готовит кадры переводчиков для Украинского общества глухих.

А в 1962 году Анну Ивановну избирают председателем Киевского облотдела УТОГ.

И снова она, уже в роли председателя облотдела, неумоимо колесит по области, посещая территориальные и первичные организации УТОГ, наведывается на киевские предприятия, где работают глухие: «Арсенал», «Продмаш», «Красный экскаватор»,

«Красный резинщик», завод художественного стекла. И везде ее встречают с радостью, с большим доверием рассказывают ей о своих заботах — так, как рассказывали бы родному, близкому человеку.

В 1956 году Петр Карпович ушел из жизни. Он был уже давно и тяжело болен, и исход его болезни ни для кого не был неожиданностью, но все же его смерть обрушилась на Анну Ивановну тяжелым горем, неутихающей болью.

После выхода на пенсию в 1969 году Анна Ивановна долго не выдержала той тишины и одиночества, которые ее окружили. Снова была работа — во Дворце культуры УТОГ, на КОПО «Контакт», в Республиканском театре мимики и жеста «Радуга». И везде она была желанным человеком. Дверь ее дома всегда была открыта для неслышащих — и они ее не забывали до того дня, когда ее солнце погасло. «Когда умирают солнца — они гаснут»...

Но продолжало, как и всегда, сиять солнце в небе, и память о добрых делах человеческих — может быть светлой и ясной, как солнце.

*В сердце бедном много зла
сожжено и перемолото.
Наши души — зеркала,
отражающие золото.*

ЧТО КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА

*Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.*

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

М.Д. РАДОМСКАЯ
(1907—1985)

Однажды одна из руководителей Центрального правления УТОГ и она же — обаятельная, энергичная женщина с характером, вспоминая о людях, закладывавших основы Украинского общества глухих, сказала о Марии Дмитриевне Радомской поразительные слова:

— Ох, и красивая же она была! Когда я ее видела в последний раз, ей было, кажется, лет семьдесят пять, — а какая была красавица! И среди молодых таких не встретишь. Все смотришь на нее, смотришь — глаз не оторвешь!

Мария Дмитриевна Радомская — бывший председатель Донецкого облотдела УТОГ — лицо, хорошо известное в Обществе глухих, и предполагалось, что в разговоре о ней первым делом будут названы ее большие заслуги перед Обществом, о которых уже не раз упоминалось в газете «Наше життя». И — такое услышать! Красавица! Она, должно быть, дейст-

вительно была хороша собой в молодости. А с фотографии последних лет смотрело обычное лицо пожилой женщины: припухшие веки, тонкие, с опущенными уголками, губы. Правда, глаза — глубокие, умные, немного усталые — излучают тихий и теплый свет доброты. Но — красавица?!

Видимо, разгадку этого феномена следовало искать в ее жизни. Маша родилась в 1907 году в Донецке, в семье кустаря-сапожника. В семье было семеро детей и младшую, Машеньку, все любили за доброе сердце. От ее милой младенческой улыбки и заливистого смеха у всех теплело на душе, и в доме всегда царили мир и покой, во всем были лад и согласие. Как девочка из сказки, она вся светилась радостью и счастьем. Она и в самом деле была тогда счастливой — ведь отец с матерью души в ней не чаяли, а старшие братья всегда были готовы защитить домашнюю любимицу от любой беды.

И все-таки беда не обошла ее стороной. Едва закончив четыре класса церковно-приходской школы, Маша заболела тифом и полностью утратила слух. И еще одно страшное горе обрушивается на семью — от рук махновцев погибает старший брат Маши. Мать, не перенесшая этих ударов судьбы, умирает, оставив Машу на попечении братьев. Они надеются, что девочке можно будет вернуть слух, и везут ее к профессору Соколянскому. Однако единственное, что знаменитый профессор мог для нее сделать, — это обучить чтению с губ, причем Маша так хорошо овладела этим умением, что многие даже не догадывались о ее глухоте. И все-таки девочка долгое время думала, что она одна такая в мире, — замурованная в тишине, — и ей было от этого очень грустно и одиноко.

Шла однажды она по родному городу — и вдруг увидела идущих впереди двух жестикулирующих мужчин. Маша удивилась и заинтересовалась таким странным и неизвестным ей прежде способом общения. Влекомая жгучим любопытством, она последовала за незнакомцами, не думая о последствиях своего поступка. А они оказались для нее весьма значительными — эта встреча перевернула всю ее жизнь.

Неизвестные, зашедшие в горсобес (и смелая Маша, конечно же, вошла вслед за ними), оказались председателем Общества глухих города Сталино (Донецка) Арсением Ивановичем Москаленко и Яковом Соломоновичем Ширманом — директором Киевской школы для глухонемых детей. Маша, войдя, села на стул, не отрывая глаз от заинтересовавших ее людей. Один из них ласково спросил ее:

— Девочка, ты к кому?

— А ни к кому, так просто. (Конечно, она постеснялась сказать, что шла за ними). Я — глухая. А почему вы разговариваете на руках?

Так Маша, по воле слепого, но счастливого случая, вышла на ту дорогу, по которой ей предстояло идти всю свою жизнь. И какой бы трудной она ни была — это была именно ее дорога!

Сталинский клуб глухонемых тогда находился в подвале и помещался в трех комнатах. В одной комнате жил Москаленко, в двух других проводились различные культурные мероприятия, а также занятия школы ликбеза. Маша, по совету своих новых знакомых, раз побывав там, прочно и уверенно вошла в Общество глухих. Вскоре ее устроили в артель инвалидов — ученицей швеи, а через три месяца она уже могла работать самостоятельно. Не такое уж это

большое событие, но радости девочки-подростка не было конца. Как мало надо человеку для счастья!

Спустя немного времени Маша уже работала учительницей в школе ликбеза, а по вечерам играла в клубном драмкружке. Она заметно похорошела и расцвела, к ней вернулся утраченный смех — и теперь от нее в самом деле нельзя было оторвать глаз! Что же удивительного в том, что учитель школы ликбеза, Яков Григорьевич Радомский, тоже оглохший, не долго думая, предложил ей руку и сердце? И не прогадал — лучшей жены для него не нашлось бы в целом мире. Все, что могли, они делали вместе — вместе работали, вместе читали, вместе растили детей, всегда они были не только рядом, но и вместе. И в этом было их большое счастье.

Началась война. Когда немцы были на подходе к Донбассу, семья Радомских эвакуировалась в Казахстан, а позднее — перебралась в Уральск. Довелось поработать и на хлопковых полях под палящим солнцем Казахстана, и в уральской артели, не зная ни сна, ни отдыха, вязать для фронтовиков носки и варежки из грубой шерсти. А вернувшись домой после освобождения Донбасса, пришлось чуть ли не через весь разрушенный город ходить за водой к роднику, где выстраивались громадные очереди.

От Донецкого клуба глухих остались одни лишь стены, доверху засыпанные землей и обломками камней. Вот тогда в обособе изможденной, измученной невзгодами военного времени женщине предложили стать председателем облотдела УТОГ, и она — согласилась. Без оглядки на семью, без включения в штаты, без зарплаты. Немалое требовалось мужество — женское и человеческое — чтобы решиться на такой шаг.

Первым делом Мария Дмитриевна провела учет всех глухих города Донецка. В небольшом уголке облсобеса, где помещался лишь стол и два стула, она принимала посетителей, приходивших к ней со своими нуждами. Помогала всем, как могла, с чисто женским участием: одним — подыскать кров, другим — получить хлебные карточки, третьим — в трудоустройстве. С последним было особенно трудно: многие предприятия города были разрушены, работы не было. Но все-таки некоторым удалось помочь найти какое-то дело.

Уже к 27-й годовщине Октября глухие Донецка своими силами восстановили клуб. Облисполком выделил некоторые материалы, а все строительные работы делались на голом энтузиазме. Зато сколько радости принесло глухим людям, пережившим тяжелую оккупацию, голод, холод и другие лишения, торжественное открытие нового клуба! Весело вспыхнули и засверкали электрические лампочки, отражаясь в зеркалах, вечерних окнах и сердцах людей... И самым счастливым человеком в тот вечер среди них была Мария Дмитриевна Радомская, вернувшая людям без слуха такую простую, но необходимую возможность собираться по вечерам под одной крышей, подарившая им радость общения.

Спустя некоторое время в Донецке, при помощи облисполкома, открылась сапожная мастерская, где работали глухие мужчины. Женщинам же Мария Дмитриевна предлагала устроиться на работу в швейный цех артели инвалидов. Она также сумела добиться от исполкома принятия решения о возвращении Обществу глухих занятых другими организациями производственных помещений и общежитий в

районных городах, открытия новых мастерских и других предприятий, где глухие могли применить свои силы. Одним из самых больших предприятий была швейная фабрика в Артемовске.

По инициативе Радомской при содействии облоно в Донецке открылась школа-интернат для глухих детей. Директором школы стал Яков Григорьевич Радомский.

Однако в 1946 году он был назначен председателем Ворошиловградского облотдела УТОГ, и семья Радомских переехала в Ворошиловград. Мария Дмитриевна теперь работала завклубом глухих, целыми вечерами пропадала на работе. Дом был пустым без нее, а в клубе — становилось теплей и светлей от ее присутствия.

А вскоре новое назначение — в Винницкий облотдел УТОГ. Яков Григорьевич был председателем облотдела до 1952 года, затем вернулся к своей основной специальности, возглавив Винницкую школу-интернат для глухих детей. Впоследствии за большие достижения в сурдопедагогике он был награжден знаком «Отличник народного образования». Вместо него председателем Винницкого облотдела УТОГ была избрана Мария Дмитриевна.

За время ее работы в Виннице были построены и расширены УПК, общежитие и жилой дом для глухих. Проводилась активная культмассовая работа в клубе, а винницкие спортсмены неоднократно занимали призовые места на республиканских соревнованиях.

В 1964 году, после выхода на пенсию по возрасту, Мария Дмитриевна вернулась в Донецк, где много лет избиралась председателем Совета ветеранов труда.

М. Д. Радомская одной из первых была удостоена звания «Почетный член УТОГ», за доблестный труд во время Великой Отечественной войны и в мирное время награждена медалями. А за свою большую и светлую материнскую любовь — тремя прекрасными дочерьми. Все трое — Людмила, Елена и Галина — тоже хорошо известны в Обществе глухих, на благо которого они работали вместе с Марией Дмитриевной. Опять же — не рядом, а вместе. И в этом — великое счастье матери!

Да, Мария Дмитриевна действительно была очень красива даже в глубокой старости — потому что светилась добротой, мудростью и счастьем человека, прожившего жизнь в полной гармонии со своей совестью.

*А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*

Тетяна ДЕМ'ЯНЕНКО

НАРОДЖЕНА ДЛЯ РАДОСТІ

*Людина родиться для радості
В безмежнім світі доброти.*

Валентина МАЛИШКО

В.О. БОНДАРЕВСЬКА
(народ. у 1916 р.)

Хто щасливий? Той, хто дає багато, а бере найменше. На чийх слідах виростають найкращі квіти, хто по своїй дорозі розкидає для вжитку всіх самоцвіти своєї душі. Так думала я, а зі стіни Київського музею історії УТОГ дивилася на мене поглядом спокійних голубих очей молода Валентина Опанасівна Бондаревська, якій судилося таке довге, яскраве і помітне життя на рідній Україні.

Ще не бачивши героїні свого майбутнього нарису, я уважно розглядала портрет Бондаревської роботи відомого глухого художника Пінчука і відчувала елегантність вдачі цієї жінки, її вишуканий і багатий внутрішній світ, що його успадкувала ця людина, мабуть, від своїх батьків.

Народилася Валя перед революцією в родині сумських вчителів. Ще немовлям після підступної хвороби дівчинка втратила слух. Своє дошкільне ди-

тинство пригадує невиразно, а от свою першу вчительку, дружину відомого дефектолога Соколянського, Галину Василівну Соколянську, яка навчала її у Київській школі глухонімих до 1931 року, пригадує ясно, відгукується на згадку про неї пожвавленим поглядом синіх очей.

А я зустрілася з ветераном УТОГ Валентиною Опанасівною Бондаревською в її затишній київській квартирі. Знайомилася обережно, бо Валентина Опанасівна нещодавно перенесла інсульт, а вести бесіду допомагала нам її сусідка, відома діячка системи УТОГ Марія Іонівна Неплюй.

Проте з перших хвилин зустрічі переді мною постала хоч і невелика ростом, худенька, сивочола, однак надзвичайно привітна, лагідна і розумна літня жінка, яка не жалілася на хворобу і втому, а готова була поділитися своїми душевними скарбами. Я, звісно, хвилювалася, як хвилюються завжди, коли торкаються безцінної реліквії, проте швидко заспокоїлася від приязної, спокійної розмови. Того вечора я торкалася самої історії УТОГ, далекої минувшини, яка так дивовижно поєднала долі двох незвичайних людей: Івана Терентійовича Криволапова та Валентини Опанасівни Бондаревської, що стояли біля колиски УТОГ, і кожен з яких залишив у житті багатьох нечучючих України свій власний помітний слід. Нам, нащадкам, ступати у ці сліди й осягати знов і знов те подвижництво і ті зусилля, які віддало це подружжя становленню такої важливої для всіх нас структури, як Українське товариство глухих.

І.Т. Криволапов був заступником голови оргбюро УТОГ, а В.О. Бондаревська 16-річним дівчам взяла на себе тягар відповідальності за інших і стала першою

піонервожатою серед глухонімих у школі, яку закінчила сама.

Вони обоє були делегатами I з'їзду УТОГ, проте кожний ішов власною дорогою: Іван Терентійович, як ініціативний інженерно-технічний працівник, віддав багато сил економічному зміцненню об'єднання глухих України, а Валентина Опанасівна сприяла духовному зростанню нечуючої молоді та глухих в цілому.

За вікном того вечора тихо падав сніг, у кімнаті затишно сяло світло, а переді мною привітно голубили очі Валентини Опанасівни. За нею приємно було спостерігати. Спокійний погляд, плавні рухи рук, благородні риси обличчя. Її очі випромінювали енергію думки і то теплішали від спогадів, то глибшали від гіркоти пережитого. Вся манера говорити свідчила про емоційне і водночас спокійне, щасливе і мудре жіноче єство моєї співрозмовниці, яка багато пережила, але нічого не втратила зі своїх набутків. А вперта доля влаштувала їй багато випробувань.

Залишитися глухонімою і стати попереду багатьох своїх здорових ровесників — то характер непростої доби 30-х років! Допитлива, енергійна, жвава і вольова учениця своєї талановитої вчительки Г.В. Соколянської, Валентина прагла більшого, кращого, світлішого, ніж того хотіли і могли досягти люди її віку. У 1931 році Валя Бондаревська успішно закінчує сім класів школи глухонімих, а наступного року вступає до РТШ (робітничо-технічної школи), де навчається протягом трьох років. Своє навчання вона успішно поєднує з роботою піонервожатою у рідній школі (нині це Київська школа-інтернат № 6 для глухих дітей). Цій школі вона згодом віддала багато років свого життя.

У шкільному музеї, куди мене люб'язно провела його натхненниця і організатор Євгенія Семенівна Грищенко, я побачила фотографію зовсім юної Валентини Опанасівни та пожовклі від часу вирізки з газети «Наше життя», зокрема, замітку незабутнього Ісаака Ароновича Сапожнікова, надруковану у вересні 1970 року. В цій замітці він, розповідаючи про В.О. Бондаревську, особливо підкреслив притаманні їй наполегливість і цілеспрямованість, уміння подолати перешкоди і досягти мети, не втрачаючи при цьому м'якого, приємного і лагідного ества жінки.

Після закінчення робітничо-технічної школи ініціативну і здібну дівчину направили до Харкова на курси підготовки культпрацівників, а через два роки, по закінченні курсів, Валя Бондаревська продовжила роботу в школі на посаді піонервожатої вже як кваліфікований спеціаліст. Тут повною мірою розкрились її творчі і педагогічні обдарування. Її здобутками у проведенні позаурочної виховної роботи зацікавлюються, у неї переймають досвід, просять поради, її посилають на різні конкурси, зльоти, з'їзди, нагороджують цінними подарунками, грамотами, медалями. Восени 1936 року Валентина Опанасівна їздила в складі делегації кращих піонервожатих України до Москви, де була нагороджена як найкраща молода трудівниця. Про неї написали у журналі «Вожатий», помістивши фото дівчини. А сама Валентина Опанасівна із вдячністю і задоволенням згадала, що за свою роботу була також премійована путівкою до Ялти.

Цікава доля Валентини Опанасівни! З ким тільки вона не зустрічалася і з ким тільки не мала теплих дружніх стосунків! У 1936 році, дуже пам'ятному для героїні моєї оповіді, вона літала з делегацією глухих

піонерів у Москву до видатного радянського діяча Григорія Івановича Петровського, який дуже приязно зустрів таку незвичайну групу. Загалом же згадуваний рік був роком незабутніх вражень від мандрівок рідною країною, бо Валентина Опанасівна, дбаючи про розвиток і збагачення чуттєвого досвіду своїх підопічних, возила їх на екскурсії до Дніпропетровська, Запоріжжя, Херсона, Одеси.

Наступний, 1937 рік був переломним у долі молоді піонервожатої. Вона почала вчитися на Київському індустріальному робітфаці, де зустрілася з Іваном Терентійовичем Криволаповим. І.Т. Криволапов був куратором осередку глухих студентів на робітфаці, оскільки вже мав технічну освіту і був комуністом. Він часто відвідував різноманітні збори нечуючої молоді.

Якось він помітив, що вродлива і не обтяжена сімейними турботами Валя Бондаревська надто мало буває в колі своїх ровесників, а все кудись поспішає. На його запитання Валя пояснила, що працює піонервожатою в школі для глухонімих дітей. Криволапов зацікавився, відвідав разом з Валею школу, захопився стилем роботи чарівної дівчини і... закохався! Почалися побачення, глибше знайомство майбутнього подружжя. В листопаді вони побралися і, поєднавши свої долі ранньої молодості, пройшли разом довгий шлях сімейного життя.

1940 року в молодій родині з'явився первісток Володимир, і Валентина Опанасівна тимчасово полишила улюблену роботу, займаючись вихованням сина.

Червень 1941 року став межею між довоєнним часом, у якому залишились молоді роки, мрії і перші успіхи, і добою зрілості, початок якої співпав з годиною лихоліття.

Вже біля Києва вибухали бомби, коли родина Криволапових лишала дороге серцю місто. Спочатку вирушили до Донецька, але обставини примусили переїхати до Сталінграда, а далі, нарешті, до хутора Ново-Донецького Ростовської області, де й знайшли собі прихисток на час війни. Іван Терентійович одержав роботу в колгоспі, а Валентина Опанасівна виховувала Володимира, у якого згодом з'явився братик Борис. Саме в Ростові доля подарувала подружжю Криволапових щасливу зустріч з Петром Карповичем Набоченком, з яким І. Т. Криволапов працював разом в УТОГ. Він і допоміг молодій родині знайти пристановище під час евакуації.

Восени 1943 року Криволапови повернулись до звільненого від фашистів Києва. Іван Терентійович багато працював, а Валентина Опанасівна давала лад у сім'ї. Та душею вона рвалася до людей і не полишала мрії працювати. З молодих років у її душі жило багато ідей і задумів, які вона прагнула втілити в реальність. Тому 1960 року Валентина Опанасівна пішла працювати до Київського палацу культури глухих. Спочатку вона була культорганізатором, а 1962 року її висунули на посаду заступника директора цього культзакладу. Тут, у Палаці культури, проминуло більше десяти років творчої, натхненої праці. До того ж, Валентина Опанасівна на громадських засадах виконувала обов'язки голови Київського міського відділу УТОГ. Тож запам'ятали люди, як завжди прагнула допомогти їм В.О. Бондаревська — привітна і доброзичлива, уважна до кожного.

А життєвий шлях простягався далі і далі. Виросли гарні сини, вже й онуків та правнуків дочекались. Але найголовніше те, що вони, Валентина Опанасівна

Бондаревська і Іван Терентійович Криволапов, внесли неоціненний вклад у розбудову і зміцнення Українського товариства глухих.

*Тож милуймось, як сонячні діти,
І усмішку даруймо в привіті,
Щоб на скронях засніжених днів
Міг сказати: «Я птах! Я — летів!»*

Анатолий ЯРИНОВСКИЙ

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

*Перед тобой лежит широкий новый путь.
Прими же мой привет, не громкий,
но сердечный,
Да будет, как была, твоя согрета грудь
Любовью к ближнему, любовью к правде
вечной.*

Алексей ПЛЕЩЕЕВ

Н.В. ВАСИЛЬЕВСКИЙ
(1898—1971)

Я никогда не видел этого человека, разве что на фотографии. Но фотография не дает того впечатления, которое складывается у нас в результате непосредственного общения с живой личностью. Не видел и не был знаком с ним... И, к сожалению, уже не познакомлюсь, ибо его давно нет среди нас.

Герой моего повествования — Николай Васильевич Васильевский, работал одно время заместителем председателя, а затем — главным бухгалтером Центрального оргбюро, как тогда называлось Центральное правление Украинского общества глухих. Кроме работы на руководящих должностях, он впоследствии был также старшим экономистом, инженером-экономистом. Впрочем, еще до работы в

УТОГ ему пришлось сменить не одну профессию...

Чтобы иметь максимально полное представление о Николае Васильевиче, я вынужден был неоднократно обращаться за помощью как к его детям — сыну и дочери, так и к людям, в той или иной мере знавшим его, работавшим с ним.

И еще один источник — документы. И хотя их мне было предоставлено не так уж много, они, эти бесстрастные молчаливые свидетели, подчас хранят в себе целые истории и повествования. Их язык — прост и уникален: это — цифры, даты, факты.

Итак, Васильевский родился на стыке двух столетий, в конце ноября 1898 года, как он сам пишет в своей биографии, «в семье крестьянина Санкт-Петербургской губернии Новоладожского уезда Городищенской волости в селе Городище». После окончания двухклассного училища отрок в возрасте 15 лет начал трудиться помощником писаря в волостном правлении.

В 18-летнем возрасте высокого, красивого, пышущего здоровьем молодца призвали на военную службу. Однако молодому солдату не повезло — прослужив всего несколько месяцев, он заболел и по этой причине временно (на 6 месяцев) был уволен из армии для восстановления здоровья.

А после октября 1917 года в России все изменилось. К власти пришли большевики. Николаю в то время было всего-навсего немногим более 19 лет — впереди вся жизнь. В сентябре 1918 года его принимают в Крестьянский университет в Петрограде, курс обучения в котором он прошел по ускоренной программе. Получив документ об образовании, молодой специалист приезжает в свое родное село.

Все тогда коренным образом менялось — идеология, мировоззрение, политические взгляды, сельский быт, уклад жизни крестьян... Только Николай разобрался что к чему, взял в работе разгон — опять повестка: явиться в военкомат, и в январе 1919 года он вновь становится солдатом. И опять его настигает беда — в армии он заболевает сыпным тифом и глохнет на оба уха. Находясь на излечении, он не сидит без дела — занимается созданием волостного отдела народного образования, а вскоре становится его заведующим.

С течением времени слух постепенно улучшился, и Николай снова вернулся в строй. Но молодого солдата продолжали преследовать неудачи. В июне 1919 года, в бою с воинскими формированиями Юденича, Николай был контужен в голову, в результате чего совсем потерял слух. Из армии его комиссовали. На этот раз — навсегда...

Глухота глухотой — а жить надо! Николай устраивается на работу — заместителем заведующего материальным складом Мурманской железной дороги на станции Званка, а позже возвращается в родные места. Через два месяца после его приезда в село умирает отец, а еще через две недели последовала вторая страшная утрата — уходит из жизни 18-летняя сестра. На попечении у еще неопытного в жизненном отношении, к тому же полностью оглохшего человека остались два малолетних брата.

Едва оправившись от глубоких потрясений, Николай идет на лесозаготовки, а затем устраивается бухгалтером в уездный исполком в Новой Ладогe, а к исходу 1924 года вновь возвращается в родное село, где работает в разных должностях до 1928 года.

В 1927 году Николай оглох окончательно. Помимо глухоты, ухудшилось и общее состояние здоровья — возник упадок сил, было сильное головокружение, в результате чего он не мог ни читать, ни писать. Фактически, как признается он, «длительное время находился в беспомощном состоянии».

Однако молодой организм выдержал мощную атаку хворей, и постепенно, шаг за шагом, Николай почувствовал — к нему возвращаются силы, а это значит — он в состоянии трудиться, приносить пользу обществу, людям. Ему доверяют должность председателя ревизионных комиссий потребительского общества, кредитного, мелиоративного, сельскохозяйственного товариществ.

Труд окрылял его. Не хотелось думать о болезнях, глухоте. Наоборот — он тешил себя мыслью о том, что снова — в строю! А разве этого мало, чтобы по-новому взглянуть на себя, дать самому себе оценку, пусть даже если эта оценка — субъективная? Молодому человеку хотелось жить, трудиться, действовать! Волновало будущее — таинственное и непредсказуемое.

Став абсолютно глухим, Николай понимал, что для общения с людьми ему необходимо изучить дактильно-жестовую речь. И он вновь едет в Ленинград, где поступает на курсы по изучению жестовой речи.

Здесь, среди неслышащих, Николай познакомился с обаятельной девушкой Ниной, также потерявшей слух после болезни. Так Николай нашел свою судьбу...

В то время он работал заведующим Домом просвещения глухонемых. И, как всегда, относился к работе с ответственностью, был деятельным и инициа-

тивным. Поэтому, когда в Центральном правлении Всероссийского общества глухонемых встал вопрос — кого послать на Урал для организации областного отдела ВОГ, решили поручить эту нелегкую работу Васильевскому.

Прибыв на новое место назначения, Николай, с присущей ему хваткой, принялся за дело. Многим приходилось жертвовать, чтобы практически с нуля создать в далеком краю организацию глухих. Зато потом, когда приступили к подведению итогов, результаты радовали: были созданы областной и 21 районный отделы ВОГ, 4 учебно-производственных мастерских, подобраны кадры.

С чувством выполненного долга вернулся Васильевский в Ленинград, где его ждали любимая жена и маленький сынишка.

Ленинград... Прекрасный город! Всем он хорош, вот только его климатические условия не всем подходят. Не подходили они и Николаю Васильевичу. Врачи настоятельно рекомендовали ему, с учетом его болезни, поменять место жительства — переехать куда-нибудь на юг... Поэтому в 1937 году Николай Васильевич вместе с семьей перебрался в столицу Украины — Киев.

Учитывая его опыт, приобретенный в Ленинграде и на Урале, в Киеве ему предложили пост заместителя председателя Центрального оргбюро Украинского общества глухонемых.

Николай Васильевич с головой окунулся в работу. На его счету много дельных предложений по улучшению работы Общества. Тщательно изучив ситуацию в области трудоустройства неслышащих, Васильевский предложил принимать глухих людей на пред-

приятия не по одиночке, а компактными группами. Это способствовало укреплению рабочих коллективов, осознанию глухими общности поставленных перед ними задач и целей, благотворно сказалось на производительности труда и взаимопонимании в коллективах.

Став городским жителем, Васильевский постоянно помнил о тех, кто жил в сельской местности. Он выступил с требованием активизировать работу среди глухонемых, проживающих на селе, взять каждого инвалида по слуху на учет и постоянно интересоваться, чем он живет, в каких условиях работает, каковы запросы каждого. Работа с глухими села была постоянным объектом внимания Васильевского, как заместителя председателя.

Проявляя заботу о других, помогая им, Николай Васильевич сам нуждался в помощи — ведь в бытовом плане семья не была устроена. Посоветовавшись с женой, он решил перебраться в Одессу, меняя ленинградскую квартиру на жилье в этом городе. Здесь Николай Васильевич работал некоторое время директором неполной средней школы для взрослых глухонемых, а потом перешел на завод.

Шел 1938 год. Народный комиссариат социального обеспечения УССР в это время подыскивал достойную кандидатуру на должность председателя Центрального оргбюро УТОГ. Кандидатур было несколько, но Васильевский по всем данным подходил больше всех. Ему и предложили занять эту должность. Однако Николай Васильевич отказался. По его собственному признанию, в то время «в руководстве Общества наблюдались распри, шла борьба за портфели и должности». Против Васильевского сформир-

ровалась оппозиция из числа областных работников. Работать в таких сложных условиях он не смог бы — и посоветовал назначить на эту должность другого человека. Сам же Васильевский остался в Одессе.

А потом был 1941. Началась война...

В 1944 году Народный комиссариат социального обеспечения Украины отозвал Николая Васильевича из Ульяновской области, где он находился в эвакуации, и перевел в Киев — нужно было восстанавливать работу Общества. Николай Васильевич занял должность главного бухгалтера Центрального оргбюро УТОГ.

Объем работы был колоссальный. Нужно было полностью возродить учет в облотделах и на предприятиях Общества. Кроме того, крайне важно было улучшить и укрепить их финансовое положение, пошатнувшееся после разорительной войны. И еще много подобных задач — необходимо, нужно, надо... Поэтому работал Николай Васильевич не покладая рук. Рабочего дня не хватало и часто приходилось брать работу на дом. Но постепенно все налаживалось. Под руководством Николая Васильевича бухгалтерия работала безукоризненно. Поэтому не удивительно, что в 1946 году ему был предложен не менее ответственный пост заместителя председателя Центрального оргбюро УТОГ. Предложение было принято.

Все было бы хорошо, если бы не трения с председателем Центрального оргбюро. Бывший военный, генерал по званию, навязанный коллективу свыше, этот руководитель высокого ранга оставался глухим к нуждам и запросам инвалидов по слуху, судьба которых была ему доверена. И Николаю Васильевичу было больно видеть, как страдает общее дело, как

формально подходит председатель к решению многих важнейших проблем. Противостоять в одиночку творящемуся безобразию не хватало сил — и Васильевский попросился на другую работу. А работать он и хотел, и умел. Имея за плечами богатейший опыт финансиста, он трудился старшим экономистом в Киевском облотделе глухих, инженером-экономистом ЦП УТОГ, а в конце 1952 года стал главным бухгалтером Киевского облотдела Общества.

Затем он вновь вернулся в ЦП УТОГ на должность заместителя главного бухгалтера.

И на всех должностях работал он с огоньком, вкладывая в порученное ему дело весь свой опыт и знания. Поэтому стоит ли удивляться, что Николай Васильевич пользовался в коллективе заслуженным авторитетом, а его работа всегда получала высокую оценку.

Помимо своей трудовой деятельности, Николай Васильевич вел большую общественную работу: избирался председателем Центральной ревизионной комиссии УТОГ, членом президиума правления Киевского областного отдела Общества, председателем ревкомиссии городского отдела УТОГ, членом ревкомиссии месткома и др.

В 1958 году Николай Васильевич ушел на заслуженный отдых.

Рано или поздно уходят от нас мудрые и уважаемые всеми люди, прожив трудную, наполненную скорбями и радостями жизнь. Уходят, оставив о себе добрую, светлую память — своей честностью, порядочностью, принципиальностью, неsgiбaемостью и трудолюбием. Своим человеколюбием, доброжелательностью по отношению к другим, требователь-

ностью и беспощадностью к себе. Именно такую память оставил о себе Николай Васильевич Васильевский — человек, которого можно смело считать одним из представителей славной когорты талантливых неслышающих руководителей, стоявших у истоков развития и упрочения основ Украинского общества глухих. И рассказ о нем я хотел бы завершить следующими поэтическими строчками:

*Наша жизнь довольно скоротечна,
Соткана из радостей и бед,
Гаснет вдруг душа, уходит в вечность,
На земле оставив яркий след.*

КНИГА ВТОРАЯ

***ИДУЩИЕ
СЛЕДОМ***

Пути сильных духом
Трудны и тревожны —
Сквозь мрачные тучи,
Седые пески.
Их звезды не блещут
Во мраке дорожном,
Не падают в лодочку
Узкой руки.
Их звезды молчат —
И не будет ответа,
Как можно спастись
От неожиданной беды.
И нужно им выйти
Еще до рассвета,
Чтоб жизнь
перейти
до вечерней звезды...

Юлия СОЛОВЬЕВА

НЕМЕРКНУЧИЙ СЛІД ДОБРИХ СПРАВ

Ніколи, ні на одну мить, не усоромилась своїх батьків з приводу того, що вони були глухими. Навпаки, я їх безмежно люблю, поважаю, шаную і пишаюся ними. Це було, є і буде, доки не перестане битися моє серце.

АВТОР

М.О. ПОЛЯКОВ
(1899—1967)

Мій батько, Матвій Олексійович Поляков, народився 10 жовтня 1899 року в шахтарському селищі Рубіжне на Луганщині, в бідній селянській багатодітній сім'ї.

Малий Матвійко відрізнявся від своїх братів і сестер дитячою мудрістю, допитливістю і кмітливістю. Батьки його любили і покладали на нього великі надії, та не судилося...

Зима 1903 року видалася дуже лютою, з сильними морозами і великими хуртовинами. Саме в цей час, у маленькій хатині під солом'яною стріхою, йшла боротьба за життя чотирирічного Матвійка, якого душила скарлатина. З кожним днем і кожною хвилиною втрачалася надія на спасіння його життя. Відсутність коштів не давала можливості за-

просити лікаря. Протягом двох місяців батьки самотужки лікували Матвія всілякими народними методами, травами, напоями. І ось, нарешті, криза минула. Життя дитині було врятовано, але скарлатина дала ускладнення. Хлопець повністю оглух, і для нього настав вічна тиша.

Проте, незважаючи на глухоту, Матвійко зростав працюючим і беручим до роботи, залюбки допомагав батькам пасти корову і гусей.

Батько Матвія, Олексій Поляков, дуже сумував з того горя, що спіткало родину і почав частіше заглядати в чарку. Та як кажуть в народі — «нема лиха без добра». Одного квітневого дня 1908 року Олексій Поляков у шинку в черговий раз напився, розплакався та став розповідати якомусь незнайомому чоловікові, що сидів з ним за одним столиком, про своє горе, про те, що у нього син глухий і він не знає, як з ним бути надалі. Незнайомий поспівчував батькові і порадив йому звернутися до земства, яке знаходилося в м. Бахмачі, з проханням влаштувати сина до училища для глухонімих. За 20 копійок писар допоміг батькові написати до земства клопотання, в якому свідомо була написана неправда — нібито Матвій є сиротою і у нього немає коштів для оплати навчання в училищі.

Відповіді довелося чекати 3 місяці. Нарешті, вона прийшла — питання було вирішено позитивно, і 20 серпня 1908 року Матвія було прийнято на безкоштовне навчання до «Мариинского Училища Екатеринославского Губернского отделения Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых», яке відоме як Олександрівське училище для глухонімих.

Для Матвія почалося нове життя. Хлопцеві в учили-

щі все подобалося, а його жага до навчання була безмежна. Він був дуже здібним учнем. Учився тільки на «відмінно» і семирічний термін навчання закінчив за п'ять років. В училищі, крім науки, він опанував ще палітурно-брошурувальне та столярне ремесла, навчився не тільки розмовляти жестами і дактилем, але й чудово зчитувати з губ. Після закінчення навчання його залишили працювати у палітурно-брошурувальному цеху при училищі, де він пробув 2 роки.

Училище видало Матвію Полякову надійну путівку у велике життя, тож не дивно, що любов до нього він проніс через усе своє життя.

У червні 1915 року Матвій Поляков залишає типографію при училищі і повертається додому, на Луганщину. 10 жовтня 1915 року його приймають на роботу модельником столярно-модельного цеху великого заводу «Донсода», де за короткий час Поляков зарекомендував себе як сумлінний, знаючий свою справу працівник. Він користувався великою повагою і у керівництва заводу, і у робітників. Через два роки Полякова призначили бригадиром-інструктором столярно-модельного цеху. Працюючи на цій посаді, він навчав столярно-модельній справі учнів фабрично-заводських училищ (ФЗУ) і студентів-практикантів. Ситуація склалась унікальна: у бригаді налічувалося понад 50 працівників, усі вони були людьми з нормальним слухом, а бригадир — дуже молодий хлопець, та ще й глухий. Однак робота від цього не страждала. Бригадир вільно, без перекладача спілкувався зі членами бригади, вміло вирішував усі виробничі питання, тому авторитет його швидко зростав.

Настав бурхливий революційний жовтень 1917 року. Влада перейшла до робітників та селян.

У тривожні серпневі дні 1918 року Матвій приїхав до Павлограда Єкатеринославської губернії, де проживала Марія Дементьєва — його вірна подруга, і попросив у її батьків згоди і благословення на шлюб з Марією. Йому в цей час було 19, а їй — 18 років. Вінчання відбулося в Павлоградській церкві. Разом з молодого дружиною Матвій Поляков повернувся до м. Верхнє, де завод «Донсода» надав молодій сім'ї квартиру. Так почалося їх подружнє життя. Дружина Матвія Олексійовича, Марія Федорівна, була для нього не тільки доброю дружиною, але й справжнім другом, соратником і помічником у його справах і почи-
наннях.

Завод, на якому працював Матвій Олексійович, згодом став заводом-гігантом і називався Державним Союзним Донецьким содовим заводом ім. В.І. Леніна. На цьому заводі М.О. Поляков пропрацював 22 роки (1915—1937 рр.). Він постійно підвищував рівень своїх загальних і технічних знань, переймав досвід на інших заводах (наприклад, у м. Харкові — на електричному заводі, заводі будівельних матеріалів, паровозобудівному, сільськогосподарському та інших підприємствах), навчався у Вищій школі профспілкового руху. За складання технічного іспиту на «відмінно», виконання виробничої програми, добру підготовку кадрів, активну участь у вирішенні технічних питань 5 серпня 1934 року йому було вручено значок ЗОТ («За оволодіння технікою»).

Завдяки своїй сумлінній праці Матвій Олексійович став дуже відомою і шанованою людиною не тільки на заводі, але й за його межами.

Під час роботи на заводі розгорнулася велика громадська діяльність Матвія Олексійовича і його дружи-

ни Марії Федорівни з об'єднання глухих. Їм стало відомо, що у прилеглих до заводу містах, селах і селищах проживає чимало глухонімих, що вони між собою не об'єднані і не спілкуються. Багато з них були не працевлаштовані і не знали ніякої грамоти. Подружжя Полякових, використовуючи досвід, який набуло під час навчання в училищі, та керуючись своїми моральними принципами, взялося до роботи з об'єднання глухих, надання їм допомоги у працевлаштуванні, захисті їх соціальних прав та інтересів, одержанні хоча б мінімуму грамотності.

Спочатку Полякови зайнялися збором первинної інформації про глухих, зокрема, про їх кількість та анкетні дані. Це була нелегка робота. Коли вона була здійснена, постало питання про приміщення, де б глухі могли збиратися.

Матвій Поляков звернувся до директора і голови профспілки заводу «Донсода» з проханням виділити у заводському Будинку культури кімнату для клубу глухонімих, яку б також можна було б використати для вечірньої школи глухих.

Оскільки на заводі, при активній участі М. Полякова, вже працювала група глухих, питання про виділення кімнати було вирішено позитивно.

Адміністрація заводу розпорядилася не тільки про виділення кімнати під клуб глухонімих, але й про те, щоб у заводському парку культури, розташованому в чудовому зеленому масиві на березі річки Донець, було виділено великий критий павільйон, де б глухі могли збиратись у теплу пору року.

Вирішено було ще цілий ряд питань. Проведено кілька організаційних заходів. Відкрито клуб глухонімих і вечірню школу. Першим викладачем цієї школи

була Марія Федорівна, дружина Матвія Олексійовича. Вона також була першою головою жіночої ради глухих, створеної при клубі. Запрацювали гуртки: фізкультурний, крою і шиття, по догляду за новонародженою дитиною (керівником останніх двох гуртків була також Марія Федорівна).

У клубі концентрувалася вся роз'яснювальна, культурно-масова, виховна робота. Визначилися активісти, завдяки ентузіазму яких було досягнуто чимало успіхів, зокрема, ціла група глухих була працевлаштована як на заводі, так і поза його межами: у різних шевських і швейних майстернях, у бондарному виробництві. Було вирішено питання про позачергове надання медичної допомоги глухим і їх дітям, про влаштування дітей з сімей нечуючих у дитячі яслі, садочки, літні табори.

Набагато складніше вирішувалося питання про працевлаштування глухих, які проживали в селах, що знаходилися неподалік від заводу. Авторитет самоствореного осередку глухих зростав, у його силу повірили глухі і їх батьки, родичі. Вони стали приходити до клубу глухих за допомогою.

Душею всієї цієї діяльності був Матвій Поляков. Він усюди закладав перші цеглини. Чуйне ставлення до глухих, бажання їх об'єднати, згуртувати і надавати всіляку допомогу, велика повага до нього з боку адміністрації заводу, сприяли росту його авторитету і популярності не тільки на заводі, а й поза його межами.

На нього звернули увагу у Вседонецькій організації товариства глухих (ВДТГ). У м. Верхнє приїжджали такі представники ВДТГ, як П.К. Набоченко, А.І. Москаленко, Я. С. Ширман, М.І. Плинер, Я.Г. Радомський та інші.

25 березня 1927 року у Харкові (колишній столиці України) відбулися перші Всеукраїнські збори представників громадських організацій глухонімих. Делегатом цих зборів був і М.О. Поляков. Хоча ці збори не відіграли того значення, яке на них покладали, але вони послужили значним поштовхом для Полякова до розгорнення більш активної діяльності серед глухих на Донбасі та Луганщині.

У березні 1937 року М.О. Полякова обрали головою Донецького облвідділу УТОГ. До речі, Донецька організація була створена в 1929 році, а згодом влилась у створене в 1933 році Українське товариство глухонімих. Організаційна робота з об'єднання нечуючих Донбасу продовжувалася. Треба було дбати про подальший розвиток виробництва, поліпшення його показників, працевлаштування глухонімих, захист їх інтересів та підвищення їх культурно-освітнього рівня.

У проведенні цієї роботи Поляков показав себе як умілий організатор і чуйний керівник. Він весь час був у роботі, у пошуках нових шляхів до досягнення кращих показників. Йому не вистачало часу. Не вистачало також і своєї сім'ї, яка продовжувала жити у Верхньому, бо в Донецьку йому майже 1,5 року не могли надати житло.

Проте, незважаючи на побутову невлаштованість, Поляков продовжував успішно працювати в Донецьку. Так, за даними тих документів, які збереглися у сімейному архіві, 21 січня і 21 квітня 1938 року відбулися засідання Центрального оргбюро УТОГ, на яких обговорювалися питання виконання плану 1937 року і I кварталу 1938 року по підприємствах Донецької області. Центральне оргбюро відзначило високі виробничі показники по Донецькій області (протокол № 4

від 21.01. 1938 р.) і особливо підкреслило, що такий стан справ, передусім, пов'язаний з енергійною, сумлінною та творчою роботою М.О. Полякова по зміцненню Донецької організації глухонімих, поліпшенню її виробничої діяльності, а також роботи з працевлаштування та виробничого навчання глухих поза системою УТОГ.

На початку березня 1938 року у м. Києві відбувся Перший з'їзд глухонімих республіки, делегатом якого був і Матвій Олексійович. На цьому з'їзді він став членом ЦП УТОГ, а 6 жовтня 1938 року його обирають головою Ворошиловградського (Луганського) облвідділу УТОГ. При переїзді до Ворошиловграда Полякову надали житло, тож тепер була можливість бути разом з сім'єю.

Матвій Олексійович знову поринає в бурхливу діяльність по підвищенню рівня роботи серед глухих. На посаді голови Ворошиловградського облвідділу він пропрацював близько двох років.

Від попереднього керівництва залишилася погана спадщина. Підприємства були в прориві і знаходилися в занедбаному стані. Чіткого і всеохоплюючого обліку глухонімих не було. Також не були вирішені важливі питання діяльності осередку глухонімих.

Тож, у першу чергу, Поляков приділив увагу обліку осіб з вадами слуху, і на 1 січня 1939 року було вже відомо, що в області проживає 2215 глухих. Одночасно з проведенням обліку, в окремих районах і містах глухим надавалася допомога у їх працевлаштуванні, юридичному обслуговуванні, влаштуванні глухих дітей у школи-інтернати. Було вжито заходів для поживлення роботи в районних і міських відділах УТОГ, прийому глухих у члени Товариства, активізації куль-

турно-масової, фізкультурної роботи, трудового навчання і всеобучу. Особлива увага приділялася зміцненню промислової, матеріально-технічної бази Луганського облвідділу УТОГ. Тут відкривались нові підприємства, фабрики, цехи для працевлаштування глухих.

Центральне правління УТОГ позитивно оцінило роботу Луганського облвідділу УТОГ і, зокрема, діяльність М.О. Полякова. (протокол засідання президії ЦП УТОГ № 5 від 1 лютого 1940 року).

Згідно з рішенням Ворошиловградського обкому П(б)У від 11 травня 1940 року, М.О.Полякова, як людину з великим досвідом культурно-освітньої і виховної роботи, переводять на посаду директора Нижнянської школи глухонімих дітей. Головна складність була в тому, що в цій школі, крім дітей, які мали батьків, навчалось більш 40 дітей-сирот.

Нижнянська школа знаходилася на території Попаснянського району Ворошиловградської області. Матвій Олексійович і вся його сім'я до такого призначення віднеслися схильно. По-перше, тому, що сім'ї необхідно було виїхати з Луганська, де їх спіткало велике горе. У квітні 1940 року під час повені на річці Луганці старший 19-річний син потрапив у холодну воду, тяжко захворів і помер. Матвій Олексійович і його дружина Марія Федорівна тяжко переживали цю втрату. До того ж, де б не працював Матвій Олексійович, він завжди з великою любов'ю, теплотою і повагою згадував своє рідне Олександрівське училище, його викладачів, високо цинив їх форми і методи навчання. І коли трапилася нагода випробувати себе у педагогічній діяльності, він вирішив нею скористатися.

З першого червня 1940 року Матвій Олексійович

почав працювати директором Нижнянської школи глухонімих. Взявся до роботи з великою пристрасстю. Треба було до початку навчального року виконати великий обсяг найрізноманітніших будівельних, ремонтних, столярних робіт, привести до порядку класи, гуртожиток, їдальню, заготовити продукти, постільну білизну і багато чого іншого.

1 вересня 1940 року в Нижнянській школі, яка сяяла чистотою і красою, святково розпочався навчальний рік. До методики навчання глухих дітей було внесено багато нового. У проведенні цієї роботи Полякову став при нагоді досвід Олександрівського училища.

Обласний і районний відділи освіти високо оцінили і схвалили роботу М. О. Полякова. Вони відзначали позитивні зрушення в школі та підтримували директора в його нових починаннях. А плани у Полякова були великі... Та їх не судилося втілити в життя, бо почалася Велика Вітчизняна війна. Німці блискавично захопили більшість території України і вже добиралися до Луганщини. Треба було терміново вирішити, як бути з учнями школи. Тих, у кого були батьки, відправили додому. А дітей-сиріт (41 особа) необхідно було терміново евакуювати в тил.

Ворошиловградський обласний відділ народної освіти розпорядився про виділення школі одного пульманівського вагону для евакуації дітей до Алма-Ати. Часу для зборів було обмаль. Всюди панувала паніка. Головним завданням директора було забезпечити, в першу чергу, безпеку дітей і довести їх до місця призначення. Полякову вдалося разом з дітьми вирватися з вогненного кола і вивезти дітей до Алма-Ати, та він не зміг забрати з собою сім'ю, яка

повинна була виїхати в іншому вагоні. Дружина і дві доньки не встигли отямитись, як опинилися на окупованій території.

Дорога для глухонімих дітей була небезпечною і довгою. Вони прибули до Алма-Ати 20 листопада 1941 року. Після цього були переправлені до школи глухонімих, що знаходилася в селищі Яйсан Мартукського району Актюбінської області Казахстану. Сюди прибули також діти з Луганської школи глухонімих, з якими був А.І. Москаленко. Тут також був і Ягельницький, який також працював у системі УТОГ.

В Яйсанській школі М.О. Поляков працював вчителем і вихователем з 25 січня 1942 року по 2 червня 1943 року.

У той час всі думки були про те, як допомогти фронту у боротьбі з фашистами. Діти навчалися у школі і одночасно виготовляли рукавички, шкарпетки, шарфики, шили хусточки, інші дрібні речі і ці скромні подарунки віддавали для відправки у військові частини. Поляков, як виховатець і вчитель, надихав дітей на цю благородну справу. Звичайно, йому хотілося зробити для фронту щось більше, адже він мав великий досвід роботи на виробництві, але в тих умовах не було можливості його застосувати.

У травні 1943 року несподівано для Полякова у його житті настали зміни: він отримав листа від Центрального правління Узбецького товариства глухих (УзОГ) про призначення на посаду директора Бухарських учбово-виробничих майстерень глухих (№5/156 від 50.05.1943 р.). У цей час головою правління УзОГ був Г.І. Кирика, який приїхав з Одеси.

Бухарські УВМ були у великому занепаді. Приміщення знаходилися в антисанітарному стані. Майно і

устаткування не обліковувалося і розкрадалося. Існували і проблеми з кадрами. Виробництво не було забезпечене сировиною, а гуртожиток був непридатним для проживання. Їдальня не працювала. Було ще дуже багато інших недоліків.

Матвій Олексійович енергійно і суворо взявся за наведення порядку в майстернях, щоб вони запрацювали на повну силу і допомагали фронту в тяжкі роки війни. Він, в першу чергу, організував і згуртував колектив, намітив першочергові заходи до відродження майстерень, встановив сувору дисципліну для робітників і службовців і організував доставку будівельних і ремонтних матеріалів. За два місяці напруженої роботи колективу на чолі з директором вдалося провести капітальний ремонт майстерень, відремонтувати гуртожиток на 28 місць, ввести в дію їдальню на 100 місць, відкрити швейну майстерню і мотузковий цех, розширити шевський, шапочний цехи і відкрити фотомайстерню. Згодом майстерні почали виконувати замовлення з пошиття і ремонту одягу та взуття для військових частин (польова пошта № 77623). Мотузковий цех виконував замовлення Державного бавовняного заводу.

Завдяки організаторським і діловим здібностям нового директора Бухарські УВМ вийшли з прориву, стали виконувати і перевиконувати виробничі завдання, а також план з укомплектування майстерень учнями.

ЦП УзОГ дало високу оцінку діяльності М.О. Полякова, відзначивши його великі успіхи у налагоджуванні роботи майстерень (протокол засідання ЦП УзОГ від 4 травня 1944 р.).

Влітку 1944 року територія України була майже повністю звільнена від німецької окупації і багато ева-

куйованих організацій і підприємств стали повертатися додому.

Центральне правління УТОГ відкликала М.О. Полякова з Узбекистану і призначило його головою Миколаївського облвідділу УТОГ (наказ № 54 від 08.07.44 р.).

Миколаївський обласний відділ УТОГ поновив свою діяльність з 20 вересня 1944 року. Необхідно було розгорнути роботу на підприємствах УТОГ області по відновленню їх діяльності, охопити виробничим навчанням не тільки глухонімих з дитинства, але й інвалідів Великої Вітчизняної війни, які втратили слух внаслідок поранень і контузій. Треба було повернути облвідділу приміщення, які були зайняті іншими організаціями і окремими особами, повернути майно, яке раніше належало УТОГ, зробити ремонт приміщень, придбати потрібне устаткування, меблі, поновити роботу клубів і червоних кутків, забезпечити школи підручниками, харчуванням і вирішити безліч інших питань.

Такий же обсяг роботи треба було зробити і в Херсонському облвідділі УТОГ, який також був підпорядкований Полякову. Всюди він проводив роботу вміло і сумлінно. Під його керівництвом і в Миколаївській, і в Херсонській областях відбувалися великі позитивні зрушення.

У всіх характеристиках (а їх дуже багато, і вони збереглися у сімейному архіві), які видавалися Матвію Олексійовичу, відзначалися його ділові і організаторські здібності, висока відповідальність за доручену справу, вимогливість до себе і до підлеглих.

Саме тому, коли постало питання про те, хто очолить роботу підприємства глухих у Львові, знову згадали про М. О. Полякова.

Після звільнення західних областей України від німецьких окупантів розпочав свою діяльність Львівський обласний відділ УТОГ. Одним із його завдань було поновлення і активізація діяльності Львівського навчально-виробничого комбінату глухих. Цей комбінат організований у 1940 році. Це було невеличке підприємство зі столярно-швейним і меблевим цехами. Під час війни він майже припинив свою діяльність, а в 1944 році знову поновив роботу. Його очолював директор К.І. Сейдлер, який поспішав виїхати до Польщі. Постало питання про призначення нового директора, кваліфікованого спеціаліста з досвідом роботи і організаторськими здібностями, який би зміг організувати і спрямувати діяльність підприємства на виконання численних завдань.

Таким керівником став М.О. Поляков, який очолив учбово-виробничий комбінат у Львові з 15 травня 1946 року. У першу чергу, була проведена реорганізаційна робота, у результаті якої зі складу комбінату було виведено швейний цех, що став окремим підприємством.

Після проведеної реорганізації Поляков надалі керував деревообробним комбінатом з меблевим ухилом. Це підприємство складалося не тільки з основного виробництва, а й мало у своєму складі допоміжні цехи і майстерні. Працювати було нелегко, бо комбінат не отримував сировини і працював здебільшого на матеріалі, який йому давали замовники. Однак, незважаючи на труднощі, діяльність комбінату не припинялась і виробничий процес удосконалювався. Було вжито заходів до поліпшення виробничого навчання, забезпечення нормальної роботи їдальні, забезпечення гуртожитку всім необхідним. Вирішува-

лися питання, пов'язані з кадрами. Активізувалась культурно-освітня робота. Внаслідок здійснення всіх цих заходів річний план 1946 року було виконано на 120,4%.

У подальшому, у зв'язку із значними реорганізаційними процесами на підприємствах Львівського облвідділу УТОГ (розділенням комбінатів на № 1 та № 2, переведенням Львівського деревообробного комбінату зі Львова до Дрогобича, утворенням різних майстерень та ін.) Матвію Олексійовичу доводилося працювати на різних підприємствах і на різних посадах (директором, заступником директора). Всюди він працював з почуттям відповідальності, з запалом і великим ентузіазмом.

Він був також чудовим лектором-пропагандистом. Коли він читав лекції у Будинку культури глухих чи в клубах і червоних кутках підприємств, у залі не було жодного вільного місця. Він добре володів словом і розповідав дуже цікаво.

Вже перебуваючи на заслуженому відпочинку, Матвій Олексійович до останніх днів (помер він 10 грудня 1967 року від інфаркту) не поривав зв'язку з Товариством глухих, брав активну участь у роботі Львівського будинку культури глухих, був членом його ради, пропагандистом, керівником гуртка різьблення по дереву, наставником молоді.

У домашньому архіві зберігається велика кількість грамот і подяк, які він отримав за час своєї діяльності. Серед них і Почесна грамота Міністерства соціального забезпечення України.

Матвій Олексійович весь час був першим там, де потрібно було творити, будувати, поновлювати, піднімати із руїн. Він, як та немеркнуча комета, залишив

яскравий слід своїми численними справами, був справжнім першопроходцем, який стояв біля витоків створення Українського товариства глухих.

Тож світла йому пам'ять! Побажаємо йому не вічного мороку, а, мовлячи словами Миколи Бажана, «білої тишини».

*Запаморочений,
дрімотний, заблукаю,
І ввійду в сон,
і вже не вийду з сну,
І мовчазливо
добреду до краю
Крізь білу,
добру, вічну тишину.*

МОЛОДОСТЬ ДУШИ

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб воду в ступе не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

М.И. НЕПЛЮЙ
(1919—2001)

Подлинная доброта как качество вдвойне дорога, если она присуща руководителю, человеку, облеченному властью. Судьба щедро наделила этой чертой характера Марию Ионовну Неплюй, прошедшую нелегкий, но такой славный путь от председателя городского отдела УТОГ до заместителя председателя Центрального правления Украинского общества глухих.

— Обратитесь к Марии Ионовне — она обязательно поможет. Для нее судьба глухого человека — дело близкое, кровное, — не раз советовали нам те, кто знал Марию Ионовну.

И когда жизнь немилосердно сжала нас в своих тисках, мы последовали этому доброму совету — и не пожалели: Мария Ионовна откликнулась сразу и взялась за наше дело. Оно было решено быстро и с предельной человечностью: ничьи интересы не были ущемлены.

Спустя много лет довелось нам отдыхать в Доме

отдыха «Сосновый бор». Туда приехала из Азербайджана молодая женщина с ребенком лет шести. Их не принимали: прием родителей с детьми до 16 лет был запрещен.

Женщина была подавлена — дорога ведь неблизкая, дорогая, да и время отпуска пропадало зря. Она рассказала нам о своей беде: директор Дома отдыха неумолим — отказал наотрез...

И тут мы, искренне сочувствуя ей и ее ребенку, предложили:

— Давайте съездим в Киев, в ЦП УТОГ, к Марии Ионовне...

И мы поехали. Мария Ионовна встретила нас радушно, внимательно выслушала. Лицо ее посуровело.

— Директор прав: он не может принять женщину с ребенком. У нас нет корпуса для семейных. Когда построим, тогда — пожалуйста.

— Мы не знали, что с детьми нельзя... — стала оправдываться мать.

Мария Ионовна резко остановила ее:

— Неправда! В путевке указано, что приезд с детьми до 16 лет запрещен.

Это было произнесено спокойно, но с такой твердой неприемлемостью лжи и фальши, что и мы ощутили свою вину перед Марией Ионовной. Видимо, она это заметила и незаметно нажала на кнопку в столе — вошла переводчица. Слушая Марию Ионовну, она тут же позвонила по телефону в Дом отдыха, попросила оказать помощь семье, принять их...

— Ну, договорились. Вам помогут. — Лицо Марии Ионовны снова светилось искренним теплом...

Мы смущенно поблагодарили ее за помощь и ушли.

Не счесть людей, особенно неслышащих, в судьбах

которых Мария Ионовна принимала самое горячее участие. Подбирала, выдвигала и заботливо растила кадры из числа неслышащих: инструкторов, заместителей директоров предприятий, председателей облотделов, работников Центрального правления УТОГ.

Всю свою жизнь Мария Ионовна посвятила служению делу, людям, защите интересов неслышащих, и она имела право сказать: мои года — мое богатство. Впрочем, годы ее не брали.

...Родилась Мария Ионовна 7 апреля 1919 года в степном селе Екатериновка Днепропетровской области в бедной крестьянской семье. Мария была шестым ребенком. Росла как все крестьянские дети. В 4 года девочка пасла гусей, а в 5-6 лет охраняла бахчу и одновременно нянчила младшего братишку.

Шустрая, бойкая и смекалистая, она и в учебе, и в труде, и в играх была заводилой и запевалой. Презирала девчонок за слабость и хныканье и отдавала предпочтение мальчикам. Посадить деревья на пришкольном участке, разбить цветочные клумбы, привести в порядок школьный двор, оборудовать спортплощадку или помочь колхозу в уничтожении сусликов — везде Мария была первой.

Учеба давалась ей легко, училась старательно, охотно. Любое порученное ей дело доводила до конца с редким прилежанием. Эту ответственность и старание высоко ценили в школе, а со временем — на работе. Не было случая, чтобы она подвела.

А вечерами на бригадном стане звенели песни. И тут Марии воистину не было равных. В семье у нее пели все: отец и мать, братья и сестры. В долгие, темные осенние и зимние вечера в их хате пели в не-

сколько голосов. Выступала Мария и в школьном хоре, который часто выезжал в другие села, районы. Знали о нем и в области.

Осенью тридцать четвертого года послушать сельских певцов приехали представители Днепропетровского драмтеатра, при котором создавалась оперная студия. И первым кандидатом в «актрисы» они записали Машу Неплюй.

Оставалось чуть больше месяца до окончания семилетки и поездки в Днепропетровск для поступления в оперную студию. Не ведала Маша, что это были ее последние песни...

В первые дни апреля она сильно простудилась на весенней, еще не прогретой солнцем, земле. Приглашенный в дом сельский фельдшер-самоучка, не разобравшись в болезни, дал Маше хинин — и она навсегда потеряла слух. Случилось это шестого апреля — в самый канун ее 16-летия. Вот такой страшный «подарок» преподнесла ей судьба!

Внесли свою лепту в ее лечение и знахарки — в городскую больницу ее доставили уже в бессознательном состоянии. Там определили: менингит.

Молодой организм победил тяжкий недуг, оставивший по себе не только полную глухоту, но и левосторонний паралич. Маше пришлось заново учиться сначала сидеть, потом ходить — левые рука и нога не слушались. Трудно давалось юной девушке возвращение к прежнему владению собственным телом!

Но бывает так, что одна беда заслоняет другую, и человек до определенной поры словно не осознает ее.

Так было и с Марией: некоторое время она как бы не обращала внимания на свою глухоту. Тем сильнее была боль, когда до нее дошел весь трагизм ее потери.

Это случилось теплым сентябрьским вечером. Мария с сестрой Надей вышла во двор. Светила луна. Надя запела:

*Зійшов же місяць із-за хмари
Та й всю долину освітив...*

Поняв по движению губ сестры, что она поет, Мария подхватила песню:

*...Як освітив же він долину,
Та й знов за хмари закотивсь...*

Но сестра прервала ее пение, сказав недовольно:
— Ты не поешь, а кричишь...

Вот тут и дошел до Марии весь ужас ее потери. Ночью она долго и горько плакала — в первый и последний раз. В тот вечер навсегда умерла ее мечта о театре. Внутри словно все окаменело.

Но жизнь продолжалась, и надо было решать, что делать дальше, искать свой путь, не полагаясь на судьбу.

В 1937 году Мария приехала в Днепропетровск. Там узнала, что взята на учет Днепропетровским облотделом УТОГ и что на Киевском индустриальном рабфаке создается группа неслышащих студентов.

Но для поступления на рабфак в том году время уже было упущено, и Мария стала работать в облотделе УТОГ практиканткой. Ей помогали овладевать дактилологией и жестами, знакомили с работой по обслуживанию глухих. Она бралась за все охотно, работала быстро, четко и толково, а главное — с искренним желанием помочь людям.

Была работа, была учеба, и был рабфак...

А экзамены у них, рабфаковцев, приняла война. Группу расформировали, и каждый, как мог, добирался домой.

Только в середине 1945 года вернулась Мария в Днепропетровск. Дома культуры, общежития и УПП не было, все лежало в развалинах...

Грамотная, энергичная, знающая дело, она стала председателем городского отдела УТОГ и заведующей клубом глухих. С тех пор ее стали звать по имени и отчеству. Работа была нелегкой. Город кишел подонками, жившими воровством и грабежом. Воровство процветало и среди глухих, не в диковину были насилие, поножовщина.

Особенно трудно было в первые дни. Своей «хатой» считали клуб глухих открыточники, коих развелось великое множество, воры делили здесь краденое, устраивали пьяные оргии. Новый председатель всему этому сказала решительное «нет!» Ну и хватила она тогда лиха! Спасибо, люди поддержали, помогли дать отпор шпане.

Вскоре Центральное правление УТОГ рекомендовало ее на должность председателя областного правления. И некоторые недавние товарищи сочли себя обойденными. В ход пошли клевета, сплетни, дезинформация людей, отзыв рекомендаций в члены партии...

Избрание председателем областного отдела, вступление в партию стали для Марии Ионовны поворотной вехой. Не утратив веру в людей, она научилась распознавать друзей истинных и мнимых. И с еще большей энергией стала служить глухим.

В декабре 1956 года пленум Центрального правления УТОГ избрал Марию Ионовну заместителем председателя ЦП УТОГ.

В работу пришлось включаться с ходу. И Мария Ионовна навсегда осталась благодарна тогдашнему председателю ЦП УТОГ Н.В. Портнову: перенесший блокаду в Ленинграде, тяжело больной, он умел и сам работать, и растить кадры. В первое время новый заместитель не понимала, почему Николай Васильевич, вернувшись с какого-либо совещания в Центральном Комитете партии, Министерстве социального обеспечения, подробно рассказывал ей все, тем более, что это забирало много времени. Однажды она прямо высказала ему свое недоумение.

И впервые тот взорвался: «Пойми, ты — руководитель, ты все должна знать!»

В это время Общество глухих Украины окрепло материально, с повестки дня почти сняли вопрос о трудоустройстве неслышащих. В полную силу разворачивалась культурно-массовая и спортивная работа, за которую отвечала М.И. Неплюй.

Расширялись международные связи Общества, а укрепление материальной базы УТОГ способствовало притоку на УПП новых кадров.

И все же работать было трудно. В аппарате ЦП УТОГ того времени были и свои подводные течения, и столкновения мнений, обостренные навязанными сверху волевыми, неверными, как показало время, решениями.

Тем не менее, движение было поступательным. Забота о кадрах стала толчком к созданию Республиканских курсов, организации групп неслышащих в техникумах. Был построен Дом отдыха в Пуще-Водице, на средства УТОГ создана лаборатория в НИИ отоларингологии.

Ряд коллективов художественной самодеятельнос-

ти добился звания «Народный», в Киеве был создан театр мимики и жеста «Радуга».

Большим успехом стало издание своей газеты, и впервые в истории Общества глухих Украины был подготовлен к изданию и выпущен сборник стихов неслышащих поэтов. И во всем этом было личное участие, горячая поддержка Марии Ионовны.

На съезде Общества в Донецке М.И. Неплюй, уходя на пенсию и первой получая нагрудный знак Почетного члена УТОГ, увидела с трибуны своих бывших учеников — делегатов съезда...

Народная мудрость гласит: «Посадивший и вырастивший дерево — не зря прожил свою жизнь». А ведь вырастить человека несравненно труднее, чем дерево! И каким душевным богатством должен обладать человек, вырастивший целую плеяду замечательных людей, которыми по праву гордится наше Общество!

Много лет минуло с тех пор, как Мария Ионовна ушла на пенсию. Но была ли она в покое? Нет! Она вела большую общественную работу, была председателем Совета ветеранов войны и труда Украинского общества глухих и председателем комиссии партийной организации ЦП УТОГ по осуществлению контроля над деятельностью администрации и аппарата ЦП УТОГ. В ведении комиссии, которую она возглавляла, был контроль над рассмотрением писем, жалоб и заявлений неслышащих граждан Украины — самая болевая точка работы с людьми.

Мария Ионовна была прекрасным политинформатором и часто выступала с докладами, сообщениями о событиях в стране в Республиканском дворце культуры, вела заинтересованный живой разговор с неслышащими, помогая им правильно понять суть этих событий.

Она принимала самое активное участие в работе по разработке изменений и дополнений к Уставу УТОГ, и многие ее предложения были приняты и утверждены съездами Общества.

Самым светлым и дорогим в своей жизни Мария Ионовна считала свою работу в Обществе глухих. Ее завет молодым — беречь и всеми силами укреплять УТОГ, помогать ему выстоять в любых условиях. Мудрость этого завета — неоспорима.

Все течет, все изменяется. Но есть люди, ни над жизнью, ни над памятью о которых не властно время. К ним принадлежит и Мария Ионовна Неплюй. Вот она смотрит с портрета — по-человечески простая, по-женски величественная. И секрет ее молодости — вечной, пережившей ее молодости, — тоже прост, но полон величия. Это — труд души. Мария Ионовна была неутомимой труженицей.*

Завершая этот рассказ, благоговейно склоняем свои головы перед человеком, имеющим, как никто другой, право на преклонение перед его истинной добротой. И перед неустанной душой человеческой, о которой поэт сказал:

*Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

---

* Деятельности Марии Ионовны Неплюй посвящена отдельная книга «Неутомимая труженица», выпущенная в 2002 году Центральным правлением УТОГ.

Анна МЕРЕЖКО, Юлия СОЛОВЬЕВА

СЕРДЦЕ ОТДАЮ ЛЮДЯМ

*Костер всю ночь пылал и грел
Людей измученных, усталых,
И отпылал, и догорел,
И на заре его не стало.*

Николай НЫРОВ

Я.Г. РАДОМСКИЙ
(1903—1991)

На Древе Жизни остался последний лист, который вот-вот сорвется, и уже ничего изменить нельзя, и остается только одно — подводить итоги. Якову Радомскому уже давно перевалило за восемьдесят, и, склоняясь над тонкой ученической тетрадью, он пишет свой последний оправдательный документ — воспоминания «строителя светлого будущего». И то тяжкое бремя, которого не в силах вынести его старое, больное сердце, принимают на себя обычные листочки в клеточку — бумага все выдержит...

И вот, спустя годы, эту тетрадь в редакцию газеты «Наше життя» прислала одна из дочерей Радомского.

Яков Григорьевич Радомский родился в 1903 году

в многодетной семье служащего лесничества. Его родиной был город Радомышль на Житомирщине, где он провел детство, окончил реальное училище и откуда ушел добровольцем в Красную Армию. Шла гражданская война, и, защищая Советскую власть, молодой боец смело мчался навстречу смерти под развевающимися красными знаменами... Затем наступила тишина — после контузии, полученной в бою, Яков потерял слух. Для него, в одночасье ставшего инвалидом, настали далеко не лучшие времена. В стране, переживавшей одно за другим огромные потрясения, была разруха, безработица, и людей бросало с места на место: кого — на новое назначение, кого — в поисках лучшей доли. Вот и пришлось бывшему красноармейцу несколько лет батрачить у зажиточных фермеров — немецких колонистов, обосновавшихся на юге. Но, даже занимаясь с утра до ночи тяжелым физическим трудом, Яков умудрился найти потайную дверцу в «страну знаний», читая по ночам книги при тусклом, колеблющемся свете свечи...

Однажды в Одессе на «толчке» он увидел группу глухонемых, которые общались между собой жестовой речью. Это было для него открытием. Он с интересом наблюдал за ними, а потом подошел и спросил, где можно научиться разговаривать жестами. Ему, то ли в шутку, то ли всерьез, сказали: «В Киеве». И он немедленно, побросав вещи в котомку, отправился в Киев. Руководители Киевского объединения глухих, посоветовавшись между собой, посоветовали ему ехать в Юзовку (так тогда назывался г. Сталино), где требовались грамотные глухие.

Так в 1927 году Яков Григорьевич попал на Донбасс, где вскоре познакомился с первопроходцами нашего Общества Арсением Москаленко и Яковом Ширманом. Здесь ему сразу было предложено место учителя в школе ликбеза для глухих, которая находилась при клубе глухонемых.

Яков Григорьевич — новоиспеченный учитель не сразу привык к тому, что теперь его так называли, — стал целые дни проводить в школе. Хотя это было всего лишь убогое помещение, расположенное в холодном, сыром подвале и состоявшее из нескольких комнат, совсем не предназначенных для большого скопления людей, глухие собирались здесь каждый вечер. Они, давно уже взрослые люди, радовались, как дети, когда им удавалось делать какие-то — хотя бы самые маленькие! — успехи в учебе или просто провести время с товарищами по несчастью.

После занятий они собирались то тут, то там маленькими островками, и вскоре Радомский стал замечать, что, где бы он ни оказался, там же присутствовала и Маша... то есть, Мария Дмитриевна Труханова, его уважаемая коллега. Несколько таких совпадений, и он стал, наконец, понимать, что это — не простая случайность... Его с неодолимой силой влекло к этой светловолосой девушке, доброй и красивой.

Правда, сначала Радомского заинтересовала не сама Мария, а попавшаяся ему на глаза статья профессора Соколянского. Он писал: «Оглохшие едут за облегчением в Москву, даже за границу, но все это напрасно. Медицина пока бессильна перед глухотой. Вашей беде можно помочь только одним способом:

учитесь читать с губ! Берите пример с Марии Трухановой».

Но если вначале Радомского и Труханову сблизила общая беда, то потом уже — до самого конца жизни — им сопутствовало счастье. Яков и Мария, став мужем и женой, всегда и во всем были вместе — вместе работали, вместе боролись, вместе растили детей. Единство этих замечательных людей, так много сделавших впоследствии для нашего Общества, прежде всего, было духовным. Ведь жизнь распорядилась так, что они много времени должны были проводить в разлуке друг с другом, а позже — и со своими детьми...

В 1928 году на активе Вседонбасского общества глухонемых было решено организовать сельскохозяйственную коммуну — для трудоустройства глухих, которые проживали в сельской местности и практически «сидели на шее» своих родителей. Яков Радомский вместе с Арсением Москаленко объездили и исходили многие села и деревни, где выявляли глухих и проводили среди них агитацию.

И вот собрали глухих в большом селе Андреевка и стали им объяснять, что такое коммуна и как в ней будут жить и работать глухонемые. Но, когда начали разговор на эту тему, выяснилось, что все глухонемые ни писать, ни читать не умеют, жестовую речь тоже не понимают. Поэтому было решено вначале организовать для них школу-ликбез. Эту задачу возложили на Якова Григорьевича Радомского. Так Яков Радомский организовал в Андреевке школу для взрослых глухонемых, став ее первым директором, а учительницей была Мария Дмитриевна. Уже в мае 1929 года Радомский отчитывался перед правлени-

ем Общества глухонемых о заметных успехах, сделанных менее чем за год работы в школе.

А в августе 1930 года при его участии была организована коммуна глухонемых на хуторе Карачурино Старобешевского района. Вот как сам Радомский описывает этот период: «Началась организация коммуны. Костяком кадров были 28 учащихся средней школы села Андреевка. Председателем коммуны был избран т. Москаленко. Заместителем избрали меня. Закипело дело. Открыли школу. Родители стали привозить своих взрослых глухонемых детей. Развернули хозяйственную работу. Скота, оставленного кулаками, было много. Кулаков выслали. Осталось несколько чет преклонных лет с внучатами-малолетками. Нам они особенно не вредили, но занимали лучшие здания и службы при них, столь нам нужные. Жгли нас враждебными взглядами. Доброжелателями они не были, это ясно. Опишу два эпизода — деяния кулаков и отношение к ним бывших батраков и бедняков. Первое. Я, проверяя службы на чердаке, наткнулся на грудку прокламаций очень жесткого характера, с призывом в конце: «Бей коммунистов, спасай Россию!» Второй случай. У старой четы из оставшихся кулаков была правнучка 4—5 лет. Она безнадзорно бродила по хутору. Я вообще люблю детей, был одинок и забрал девочку к себе. И вот ко мне явились бывшие батраки, чуть не избили меня: «Коммунар! Кулачье пожалел! А как их папаша над нами измывался, не видел, а?» Успокоив их, я запросил райком КП(б)У. Нам ответили: «С детьми мы не воюем и не видим ничего плохого в поступке Радомского».

Но это эпизоды. На деятельности коммуны подоб-

ные случаи не отражались. Коммуна поднималась, завоевывала авторитет в такой степени, что в райкоме партии на активе секретарь высказался, что вот глухонемые (подчеркнуто) хорошо работают, создали коммуны на научной основе».

Яков Радомский работал в коммуне до 1932 года. После ее ликвидации он вернулся в Сталино, а в 1933 году был избран председателем Мариупольского районного отдела УТОГ. Тридцатилетний руководитель с большим энтузиазмом взялся за трудоустройство глухонемых, проживающих в сельской местности. По договоренности с администрацией завода «Азовсталь» он устраивал глухих на работу с двухмесячным испытательным сроком, после чего их переводили в цеха, где они получали соответствующую квалификацию. Завод, к тому же, по ходатайству Радомского предоставил глухим хорошее общежитие.

В начале 1935 года Радомский вернулся в Сталино и стал работать директором школы-ликбеза для глухонемых, а в конце 1935 года облоно направило его директором в школу для глухонемых детей в село Нижнее Сталинской области. В этой школе был полный развал педагогической и воспитательной работы. Численность всех работающих в школе почти вдвое превышала число ее учеников, причем ни один учитель не имел педагогического образования.

Яков Радомский взялся за это трудное дело и к новому, 1936 году навел полный порядок в школе. Позднее Нижнянская школа-интернат для глухих детей считалась одной из лучших школ в области. Здесь Яков Григорьевич проработал четыре года, а в 1940

году облоно назначило его директором в Краснолучскую школу-интернат для глухонемых, которая находилась в самом плачевном состоянии.

Но Яков Григорьевич уже накопил немалый опыт работы в кризисных ситуациях, да и кадры в этой школе были неплохие. Совместными усилиями педагогов, воспрянувших духом под разумным руководством Радомского, за короткий срок был сделан ремонт школы, открыты новая столовая, общежитие и оснащенные всем необходимым мастерские для производственного обучения учащихся.

Все эти годы Радомский жил один, так как из-за отсутствия нормальных жилищных условий в селах, где он выводил школы из кризиса, его семья по-прежнему проживала в Сталино. Поэтому, наладив работу в школе, он попросил облоно опять перевести его в Сталино, поближе к жене и маленькой дочери. Весной 1941 года облоно пошло ему навстречу и направило его в Макеевскую школу-интернат для глухонемых детей. Но работать ему в ней не довелось — началась война. Осенью ни учащиеся, ни учителя в школу не явились, а Яков Григорьевич, эвакуировав детей-сирот вместе с воспитателями, эвакуировался со своей семьей и сам.

Вернувшись из эвакуации в 1944 году, он по распоряжению облоно выехал в Мариуполь Сталинской области — восстанавливать разрушенную немцами школу-интернат для глухонемых детей.

После войны Украинское общество глухих также нуждалось в восстановлении всей своей деятельности и, соответственно, в грамотных, знающих людях. Поэтому в 1945 году председатель УТОГ Петр Карпович Набоченко уговорил Радомского перейти

работать в систему УТОГ и возглавить Ворошиловградский областной отдел УТОГ, а его жене, Марии Дмитриевне, было предложено работать там же заведующей клубом глухих. А в 1948 году Радомский опять получил новое назначение — на этот раз в Винницу. Яков Григорьевич был назначен председателем областного отдела, где он и проработал вплоть до 1951 года. Однако любовь к детям, в конце концов, пересилила все остальное — и Яков Григорьевич перешел на должность директора Бершадской школы-интерната для глухих детей (Винницкая область). Но в 1952 году вернулся в Винницу, где оставалась его семья, и стал работать завучем, а потом — директором Винницкой школы рабочей молодежи для взрослых глухих. Здесь он трудился на педагогической ниве до 1957 года. Однако его энергичная, увлеченная натура требовала более широкого поля деятельности, он пытался охватить своим влиянием как можно больше глухих. С 1957 по 1964 год он был заместителем директора по учебно-воспитательной работе Винницкого УПП УТОГ, продолжая работать по совместительству учителем в школе рабочей молодежи.

В 1964 году Яков Григорьевич вышел на пенсию и уехал вместе с семьей в Донецк (бывший Сталино) на постоянное место жительства.

Деятельность Якова Григорьевича Радомского по развитию системы образования неслышащих была высоко оценена — в 1954 году ему было присвоено звание «Отличник народного образования». Радомский был также награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной

войне 1941—1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Яков Радомский обладал даром сеять вокруг себя зерна духовного благополучия, и они всегда прорастали добрыми ростками. Прекрасная семья — оплот всей жизни, поднимающиеся в рост и «колос» специальные школы для глухих детей, запущенные души уже взрослых людей, медленно раскрывающиеся навстречу человеческому теплу... И этот светлый след, оставленный в мире, тоже можно считать веским «оправданием» всей жизни Якова Григорьевича. Доброта — не документальное доказательство, ее, как говорится, не пришьешь к делу, но такие вечные ценности являются истинным мерилом полезности (или бесполезности) нашего существования.

Подвижническая жизнь, самоотверженный труд учителя, воспитание целого поколения глухих в соответствии с высокими нравственными критериями дает нам право назвать Якова Григорьевича Радомского замечательным сурдопедагогом, хотя Ленинградский пединститут ему из-за войны так и не удалось закончить. Но разве только в этом дело? Сухомилинский писал: «Я посвятил свою жизнь детям и после длительных раздумий назвал свой труд «Сердце отдаю детям», полагая, что имею на это право», — под этими словами мог бы подписаться и Яков Григорьевич Радомский. И даже, поскольку его жизнь и деятельность были связаны не только с детьми, но и со взрослыми людьми, лишенными слуха, он был вправе сказать: «Сердце отдаю людям». Служение людям — в этом было его призвание.

Яков Радомский (его имя так и переводится —

«идущий следом») шел вслед за основателями нашего Общества, а его дети — дочери и ученики — идут вслед за ним, бережно неся в сердце другие, новые идеалы... И это прекрасно, так и должно быть, потому что идущие следом — всегда на шаг ближе к цели.

*Так что же, горек наш удел —
Зола и пепел, кучка жара?..
Но как костер не зря горел,
Мы жизнь свою прошли не даром.*

Людмила МИХАЛЬЧЕНКО

ДАРУНОК ДОЛІ

*З журбою радість обнялась,
В сльозах, як в жемчугах, мій сміх,
І з дивним ранком ніч злилась,
І як мені розняти їх?*

Олександр ОЛЕСЬ

М.П. ГАНЧИЦЬКА
(1913—1994)

У червні 1991 року на звітно-виборній конференції мене обрали головою Черкаського облвідділу УТОГ. Того літнього дня я вперше побачила Марію Петрівну Ганчицьку — першу голову Черкаського облвідділу. І ось їй надали слово.

Говорила вона про те, що хвилювало її душу: про неякісне навчання нечуючих дітей у школі (після закінчення школи не мають змоги навіть написати заяву про вступ на роботу), про те, що облвідділу треба посилити контроль за процесом навчання, проводити спільні заходи разом зі школою.

Висунула пропозицію планувати та проводити більше заходів серед нечуючої молоді, звернути увагу на культурне та естетичне виховання — як себе поводити у громадських місцях тощо.

Говорила про нагальну потребу розповідати молоді про історію УТОГ, про тих, хто багато духовних та фізичних зусиль доклав до роботи серед глухих, щоб

молодь знала ветеранів Товариства і не «тикала»: «А ти хто такий?»

По закінченні звітно-виборної конференції Марія Петрівна підійшла до мене, поздоровила і сказала:

— Ви — молоді. Якщо вам буде важко — приходьте до мене.

Вона тоді розуміла, який тягар проблем лягав на плечі мені — молодій та малодосвідченій.

Я тоді ще не усвідомлювала, який дарунок посилає мені доля...

* * *

Марія Петрівна Ганчицька народилася 6 квітня 1913 року в місті Ярославль, що в Росії.

Навчалася у Ярославській школі для глухонімих дітей. Провчилася лише 5 класів і у 15 років була прийнята ученицею до артїлі інвалідів «Прогрес», де працювала 2 роки.

У 1931 році за направленням облсоцзабезу їде до м. Ленінград, де вступає на навчання до Ленінградського індустріального технікуму ім. М.В. Фрунзе.

Швидко проминули-пролетіли насичені студентські роки, і в 1936 році, після закінчення технікуму, за направленням ЦП ВОГ Марія Петрівна їде працювати в Кострому.

Потім в її трудовій біографії було Запорізьке УВК, де вона працювала на посаді завідуючої навчальною частиною.

Та ось мирне життя зламав чорний 1941 рік. І Запорізький завод № 29, де працював її чоловік, евакуюється до Омська. Разом з чоловіком і дітьми до Омська вирушає і Марія Петрівна. Два роки евакуації вона працювала верстатницею на заводі.

У 1947 році сім'я повертається до Запоріжжя. Воєнне лихоліття не обминуло їх — залишилася Марія Петрівна вдовою, а діти — сиротами.

До лютого 1949 року Марія Петрівна працювала на Запорізькому УВК і в Будинку культури УТОГ, а потім була направлена у розпорядження ЦП УТОГ. У Києві працювала у Будинку культури УТОГ бібліотекарем, культмасовиком, директором. У вересні 1952 року була переведена до оргвідділу ЦП УТОГ на посаду оргінструктора.

У січні 1954 року за рішенням Ради Міністрів України була утворена Черкаська область, і Марія Петрівна Ганчицька була направлена до Черкас для організації облвідділу УТОГ.

Після організаційного періоду і проведення пленуму Черкаського облвідділу УТОГ вона була обрана головою облвідділу. На цій посаді пропрацювала до 16 березня 1969 року і була звільнена у зв'язку з виходом на пенсію за віком.

* * *

І ось вже кілька місяців я головую. Нові обов'язки, незвичні турботи, а то й недобррозичливі погляди чи слова — і мені стає все важче та важче. А поряд немає такої людини, котра б хай і не в усьому, але хоча б частково допомогла, щось роз'яснила. І тут згадала — Марія Петрівна запрошувала...

8 березня я вперше завітала до неї, поздоровила зі святом. Зустріла вона мене привітно та лагідно. Спокійно сказала:

— Я знала, що ти прийдеш.

Посиділи разом з нею, погомоніли. Мені на душі легше стало, неначе вона тягар моїх проблем на себе

взяла. Відразу знайшли з нею спільну мову, спільні захоплення. Потім я ще не раз до неї заходила — і тоді, коли була щаслива, що чогось досягла, щось зробила так як треба, і тоді, коли було важко і виникало бажання все покинути. Марія Петрівна завжди щиро раділа моїм успіхам і підтримувала у важку хвилину. Вона ділилася зі мною своїм досвідом. А досвіду у неї...

* * *

Це зараз ми «молимося» на гроші, на матеріальний добробут — де б більше заробити, де б більше «урвати». Сучасній молоді важко зрозуміти, як це можна працювати не на себе, а на добробут інших, щоб усім було добре, заради якоїсь примарної ідеї «світлого майбутнього».

А тоді, у 1954 році, Марія Петрівна починала «з нічого».

Треба було облагоджувати приміщення, вибивати матеріали для будівництва — вона прикладає до цього чимало зусиль, виклопочує для облвідділу мотоцикл і їздить по районах — провадить переоблік глухих по області, виявляє нечуючих і залучає їх до Товариства.

Це під час її головування були побудовані будинки культури УТОГ у Черкасах та Умані. Відчинили свої двері клуби УТОГ у Золотоноші та Звенигородці. На громадських засадах були створені червоні кутки у Тальному і Каневі, але вони не довго проіснували через брак освічених глухих, котрі б проводили роботу серед нечуючих.

За домовленістю з Черкаським обласним відділом народної освіти були створені денна школа для нечу-

ючих сільської місцевості та вечірня школа для нечу-
ючих жителів м. Черкаси.

При культзакладах області були організовані різно-
манітні гуртки, відбувалися районні та обласні огля-
ди, змагання, переможці яких брали участь у зональ-
них та республіканських оглядах і змаганнях, які про-
водило ЦП УТОГ.

М.П. Ганчицька неодноразово обиралася членом
правління і президії ЦП УТОГ.

* * *

Багато корисних порад, нагально потрібних для
роботи голови облорганізації, я отримала від Марії
Петрівни. Ось лише деякі з них:

— щоб краще знати роботу — тримай зв'язок з від-
ділами соцзабезпечення;

— головне — зв'язок з УВП УТОГ, з директором
підприємства, допомагайте один одному;

— бери на роботу нечуючих фахівців — тобі легше
буде працювати.

І справді, прислухаючись до цих порад, я відчува-
ла, що мені вже вдається уникнути багатьох трудно-
щів.

Марія Петрівна дуже була стурбована, коли поча-
лось скорочення штатів у культзакладах УТОГ. Розу-
мом вона усвідомлювала, що так треба — економічні
труднощі, реформи тощо. Але душа її повставала
проти цього, адже стільки душевних зусиль було до-
кладено, щоб усе це створити. І ось треба руйнувати
те, що з такими труднощами було збудовано!

Хвилювало її і майбутнє нашого Товариства, турбу-
вало, хто прийде на зміну ветеранам.

Залишився у пам'яті моєї такий епізод: стоїть біля

БК УТОГ гурт молоді — дівчата та хлопці, палять. Підійшла до них Ганчицька, лагідно подивилася:

— Нащо ж ото отруювати себе тютюном? Ви ж майбутні батьки, вам дітей ще рости треба...

Молодь у нас така — за словом до кишені не лізе. Скажи їй це хто інший — може б і нагрубмили, або й зовсім уваги не звернули. А тут — зніяковіли. Така вже душевна людина була Марія Петрівна.

Коли б я до неї не завітала — завжди у неї були люди: хто приходив, щоб вона допомогла написати клопотання, хто — за допомогою у вирішенні життєвих проблем, а хто і просто поспілкуватись або мовчки посидіти поряд.

Марія Петрівна була дуже мужньою людиною — в останні роки життя фізично страждала від захворювань, але ніколи нікому не скаржилась, не жалілася, ніколи ніхто не бачив, щоб вона занепала духом.

Пам'ятаю, як запросила вона мене до себе на день народження. Прийшли й друзі, з якими вона раніше працювала, з ким разом утворювали облвідділ УТОГ. Сиділи, згадували про минулі роки — такі важкі, але щасливі.

Марія Петрівна все шкодувала, що не вдалося створити у Черкасах осередок з освічених нечуючих, які б активно допомагали у роботі облвідділу та БК УТОГ. Вона докладала зусиль по виявленню слабчущих або освічених глухих, брала до себе на роботу, навчала. А потім відряджала на курси до Києва, де вони або зоставалися, або їхали до інших міст.

Під час свого головування Марія Петрівна жорстко питала з тих своїх підлеглих, які безвідповідально ставилися до власності та майна Товариства. За порушення звільняла з роботи. Кому ж, як не їй, знати,

якою важкою працею була створена матеріальна база УТОГ!

До останньої хвилини свого життя Марія Петрівна жила долею Товариства. Читала і перечитувала газету «Наше життя». Хвилювала її і доля нечучючих пенсіонерів-ветеранів — казала, що в першу чергу увагу треба приділяти їм. Поки було снаги — приходила на УВП проводити політінформації, відвідувала заходи у БК УТОГ. Усе жалкувала, що через хворобу не була на з'їзді УТОГ. Тримала зв'язок зі своїми товаришами по справі, листувалася з ними.

Останній раз я її бачила за тиждень до того, як її не стало. Зустріла вона мене, як завжди, привітно:

— Дитинко, я відчувала, що ти прийдеш.

Розповіла мені свій сон, у якому сиділа вона на зеленій, квітучій галявині разом з тими, з ким її зводило життя, з ким разом працювала і товаришувала. Сказала, що відчуває, що живе останні дні.

Не стало Марії Петрівни у вересні 1994 року, на 81 році життя.

Я дякую тобі, доле, за те, що ти подарувала мені зустріч з такою людиною, яка багато чому мене навчила, яка була для мене прикладом у роботі і просто другом, який завжди допоможе, — уважним, чуйним, душевним.

Спасибі тобі, доле, за цей подарунок.

В обіймах з радістю журба.

Одна летить, друга спиня...

І йде між ними боротьба,

І дужчий хто — не знаю я...

ШЛЯХ ЧЕРЕЗ ТЕРНИ

*Все в природі доцільно:
погане насправді вмира.
А хороша людина
лише переходить у пам'ять.*

Павло УСЕНКО

М.П. ГЛОДІН
(1910—1974)

Колиска дитинства, пісня материнська, золотаві пшениці і жита, червоні мальви біля вікна і кетяги калини-лікувальниці, холод вранішньої роси і перший сніг на зеленому листі. Ці дитячі спогади все життя були поруч з Михайлом Глодіним.

На щедрій чернігівській землі, у мальовничому селі Миколаїв Бобровицького району, в 1910 році народився хлопчик, до якого доля обернулася злою мачухою, відібравши слух. Дитинство Михайлика пройшло в бідності і нестатках. Мабуть, босі ноги пекли щемким боєм малого Михася, що він пішов у науку до чоботаря, а через два роки вже працював самостійно. Перші чоботи, пошиті 17-річним юнаком для сільського коваля, — чи не найліпше визнання його праці.

Вітер революційних змін докотився до Чернігівщини. 1929 року сім'я Михайла вступає до колгоспу, віддає туди свій реманент і коня. Всі плекали надію на

краще, але не так сталося, як гадалося. Почалися перегини в колективізації, і сім'я на знак протесту виходить з колгоспу. Їх виселяють на Урал.

Пізньої холодної осені Михайлова родина оселилась у м. Сарапул. Тут він вступає до Товариства глухих, відданість і вірність якому зберігав усе своє життя. Нижній Тагіл в Росії став для юнака школою становлення його як людини, керівника і педагога.

Так склалося в житті Михайла, що осінь для нього — пора негараздів і пора злетів. Золотавого вересня 1933 року в місті Надеждіно він став головою міжрайонного відділення Всеросійського товариства глухих. Під його керівництвом і при безпосередній участі створено гуртожиток для глухих, відкрито школу лікнепу, червоний куточок на металургійному заводі. Глодіна обирають також депутатом від глухих до міськради.

Проте його життя заповнене не тільки роботою. Молодий юнак мав щире серце, вразливу душу. І доля усміхнулася йому. Зустрів гарну і вродливу дівчину Євдокію Качкаєву, яка стала йому дружиною, матір'ю його 4-х дітей. Працювала вона вчителем, бібліотекарем, виховувала дітей, а головне — дім Глодіних став для багатьох нечуючих тихою пристанню, де вони знаходили співчуття і підтримку.

У травні 1935 року М.П. Глодіна направляють до Свердловська, на посаду голови завкому заводу «Уралмаш», де в той час працювало багато нечуючих. Молодий керівник знаходить час і для подальшого здобуття освіти. Він вчиться у вечірній школі, а згодом — на Кудинівському робітфаці під Москвою, який закінчив у 1940 році.

І пролягла подальша стежина його життя до Біло-

русії. З осені 1940 року до початку війни він працює головою Могилевського обласного відділу глухих, а за сумісництвом — начальником будівництва УВП у Бобруйську. Невдовзі Михайло Глодін обирається першим заступником голови Центрального правління Білоруського товариства глухих.

Війна внесла корективи в його життєву стежу. Знову сім'я їде в далеку дорогу. Спочатку була евакуація до Підмосков'я, а потім — до Уфи. З вересня 1941 по липень 1944 року М.П. Глодін працює заступником голови Башкирського республіканського відділу Всеросійського товариства глухих.

А душа тужила за Україною, де народився, звідки йдуть коріння його родини. Тому не дивно, що життєві шляхи знову приводять Глодіна на рідну землю, в Кіровоград, де він до березня 1949 року працює на посаді голови обласного відділу УТОГ.

У червні 1949 року М.П. Глодіна направляють на роботу в Західний регіон України. У Дрогобичі він працює директором УПК УТОГ і веде організаційну роботу серед глухих.

Глодін працював також директором Стрийського будинку культури УТОГ і вчителем вечірньої школи для нечуючих.

У червні 1953 року він переїжджає жити і працювати на Волинь, де організовує школу робітничої молоді, а в липні 1957 року відкриває клуб глухих у Луцьку. Поїздки в села області, подвірне відвідування глухих, вивчення їх потреб і запитів — це повсякденна робота Михайла Прохоровича. Він обійшов усі села і міста Волинської області, взявши на облік 2840 нечуючих дорослих і дітей.

Дуже часто комунальна квартира Глодіних у Луцьку

нагадувала готель, де місяцями жили нечуючі, які не мали змоги платити за житло і харчування, допоки їх влаштовували на роботу. Розуміючи значення підприємства УТОГ для Волині, Михайло Прохорович виносить питання про його будівництво, але не знаходить підтримки у голови Рівненського міжобласного відділу УТОГ А.Ф. Васіної. За свої переконання і чітку життєву позицію він був звільнений з посади директора Будинку культури глухих і разом з дружиною вчителював у вечірній школі. Він і надалі допомагав нечуючим влаштовуватись на роботу, отримувати житло, не поривав зв'язків з глухими, які жили не тільки в Луцьку, а й в області.

Проте службові негаразди боляче вразили Глодіна. Адже він розумів, що Волинська область втрачає свою перспективу в майбутньому, бо залишається без УВП, гуртожитку для інвалідів, без Будинку культури. А це приведе до відтоку молоді в інші області України, де була можливість працевлаштуватись, отримати житло.

Доля поверталась до Глодіна різними сторонами: не тільки темною — втрата улюбленої роботи, невизнання його заслуг, а й світлою: мав чудову дружину, з якою виростив прекрасних дітей.

Син Володимир з 15 років почав працювати на шахті. Він матеріально допомагав сім'ї і саме завдяки підтримці старшого сина змогли поліпшити свій матеріальний стан батьки. Володимир зараз на пенсії, живе в Києві.

Дочка Галя — економіст, має вищу освіту. Живе і працює в Москві.

Ще одна дочка — Ольга, закінчила Київський інститут фізичної культури. Вона — триразова рекорд-

сменка світу в штовханні ядра та метанні диска, олімпійська чемпіонка. Зараз Ольга Глодіна живе в Новій Зеландії.

Ще один син Віктор — бригадир Луцького приладобудівного заводу, почесний член УТОГ, член президії обласної організації УТОГ, учасник художньої самодіяльності Будинку культури глухих, неодноразовий переможець шахово-шашкових турнірів обласного і республіканського значення, лауреат II та III всеукраїнських фестивалів пісні в жестовому виконанні, чудовий сім'янин.

Такими дітьми може пишатися кожен батько. «Повтори себе в дітях» — цей вислів відповідає життєвому кредо Михайла Прохоровича.

Не тільки в сім'ї знаходив він розраду. Перебороти життєві негаразди допомагало й те, що з 1929 року М.П. Глодін займався літературною працею. Перші його замітки і кореспонденції були надруковані в журналі «Жизнь глухонемых» ще в далекому 1932 році. Потім він багато писав для газет та журналів. З 1959 року захоплюється поезією і бере участь у літературних конкурсах УТОГ.

Чимало добрих справ здійснив М.П. Глодін, і він заслугує на особливу шану за нелегкий, але плідний шлях, що золотими літерами вписаний в історію УТОГ.

*Я люблю свій шлях перейдений,
Не легкий — усе в труді,
Та мости в майбутнє зведено,
І по них наступні — йдіть!*

СПОГАДИ ПРО БАТЬКА

Мій батько з дитинства був непосидючий та допитливий. Навчаючись у сільській школі, він за півтора роки перейшов з першого класу в третій. Залюбки допомагав старшокласникам розв'язувати складні математичні задачі.

Одного разу взимку з ним сталося нещастя. У завірюху він біг до школи в сусіднє село, заблукав і провалився в ополонку. Від переохолодження хлопець сильно застудився і оглух.

Сім'я була велика — 13 дітей. Мій дід повернувся з війни 1914 року Георгіївським кавалером, за що йому було даровано коня, корову, землю. Жили дружно, працювали всі разом у полі та вдома. Багатими не були, але й нестатків не знали.

У 30-х роках, вступивши до колгоспу, незабаром збагнули, що таке господарювання — не для них. Мій батько був молодий, гарячий, написав на голову колгоспу гумореску. Все село сміялося, а батька за 24 години етапували до Сибіру.

Група репресованих українців йшла всю дорогу до Уралу пішки, а конвоїри — верхи на конях. По дорозі батькові вдалося втекти. Добрі люди допомогли по підроблених документах отримати паспорт на вигадане прізвище. З тих пір і зник Гуща Віктор Андрійович, а з'явився Глодін Михайло Прохорович.

На Україну йому дороги не було, тому й залишився на Уралі, вступив до артілі чоботарем. Люди порадили: «Ти глухий, тож вступай до товариства глухих. Там

головою Матросова, бойова жінка, у міськвідділі ВОГ працює. Вона тебе навчить по-німому балакати і в житті допоможе». Так мій батько потрапив до Товариства глухих, якому віддав все життя.

Михайло Прохорович виявився талановитим організатором. Якось само собою виходило, що він знаходив потрібних людей, які радо співпрацювали з ним. Без вагань висував на керівні посади грамотних глухих. Добру пам'ять про себе залишив у багатьох глухих на Кіровоградщині, в Стрії, на Волині.

У Кіровограді його примушували вступати до компартії. Він довго відмовлявся, але згодом подав заяву, написав автобіографію, яку органи КДБ почали прискіпливо перевіряти. Звичайно, щось з'ясували, бо ж під чужим прізвищем жив. Довелося батькові писати заяву на звільнення за власним бажанням. Він дуже переживав за свою сім'ю, тому від гріха подалі всі ми виїхали до Західної України.

Всі батькові негаразди були від того, що він був дуже чесний, не терпів обману. Він наївно сподівався, що за самовіддану роботу не будуть його переслідувати і зважати на минуле.

Все життя батько прагнув до творчості, дуже любив театр, літературу, мистецтво.

Я пам'ятаю, як у 1952 році, у Стрийському клубі глухих ставили виставу А. Чехова «Ведмідь», де в головній ролі був мій батько, на той час — директор клубу. Про це на згадку в сімейному альбомі залишилася фотографія.

Батько дуже багато знав напам'ять віршів Т. Шевченка, О. Пушкіна, Л. Глібова, С. Руданського. Моя старша сестра Галина Михайлівна згадує: «Він якийсь чудний був. У Кіровограді у всіх начальників у кабінеті

тах висіли портрети Сталіна, Леніна, а у батька на чільному місці — портрет Шевченка у вишитих рушниках».

Батько дуже любив людей, з повагою ставився до них, писав про тих, з ким працював поряд. Друкувався у місцевій пресі. Його замітки, нариси та вірші часто з'являлися на сторінках журналу «Жизнь глухих», у газеті «Наше життя», у збірках глухих авторів «В єдинім строю», «Шляхами неспокою».

Цю любов до творчості, повагу до людей, прагнення допомогти їм батько передав нам — своїм дітям.

зачем? Я же студент!» — «Ну-ну. Стипендию получаешь?» — «Получаю. Сорок рубликов — повышенная как отличнику». — «Не густо, а ведь для тренировок много сил надо. Пиши заявление о приеме в члены УТОГ, а второе — о материальной помощи, и приходи в следующий понедельник в три часа дня в облотдел».

Через неделю захожу в облотдел. Владимир Никанорович знакомит меня с председателем — Брониславой Владимировной Керцман, невысокой молодявой женщиной с умными, пронизательными глазами. Она приглашает в кабинет, усаживает, расспрашивает об учебе, спортивных успехах, жизни в общежитии. От нее так и веет душевностью и доброжелательностью...

Тогда же приняли меня в члены УТОГ. Получил я и материальную помощь.

Позже, когда я учился в Харьковском педагогическом институте им. Г.С.Сковороды на факультете физического воспитания, то ежегодно получал материальную помощь от облотдела. Работал я тренером по легкой атлетике в клубе глухих, и Бронислава Владимировна живо интересовалась моей учебой, семейной жизнью, спортивными успехами. Она же была в числе встречавших меня после памятной победы на VIII Всемирных спортивных играх глухих в Милане. Бронислава Владимировна по-матерински радовалась за меня, и сделала все, чтобы я после окончания института получил квартиру в построенном Обществе глухих доме, хотя тогда я работал не в УТОГ, а в облсовете «Спартак».

Был я избран в президиум облотдела УТОГ, и стали мы общаться с Брониславой Владимировной на

работе ежедневно. Многому она меня научила (а был я горяч и прям не в меру!), многое рассказала о себе и о довоенном времени. Меня удивляло ее доверие. Только позже, когда она была уже на пенсии, я понял: она исподволь готовила меня к работе в Обществе, передавала свой богатый опыт. Многим обязан я Брониславе Владимировне.

Родилась Б. В. Керцман 1 января 1910 года в Харькове. В семье было семеро детей. И единственным кормильцем этой большой семьи был глухой отец.

Когда Броне было десять лет, отец умер. В семье сложилась тяжелейшая обстановка. Только что окончилась гражданская война. Царила разруха, свирепствовал голод. Найти работу было очень трудно, и мать, спасая детей от голодной смерти, отдала их в Харьковский детский дом. Затем Броня до 1926 года воспитывалась и обучалась в Ахтырском детском городке.

После окончания Харьковской конторско-торговой школы Бронислава работала продавцом в магазине. С энтузиазмом она принимала участие в общественной и комсомольской работе: участвовала во всеобуче, боролась с беспризорностью. Была прекрасным организатором, участвовала в художественной самодеятельности: пела и танцевала. В Чернигове, куда ее направили на работу, она была заведомо заведующей райисполкома, затем — старшим бухгалтером гособеспечения. Вышла замуж. Родила дочь Светлану, которая ныне живет в Харькове.

Но, как сказал Александр Блок, «нас всех подстерегает случай». После рождения второго ребенка, в 1939 году, Бронислава Владимировна утратила слух.

Недаром в народе говорится: пришла беда — отворяй ворота: через год ребенок умер, а в 1943 году скончался от ран муж.

Годы войны и эвакуации Бронислава Владимировна не любила вспоминать: много тяжелого пришлось пережить...

В мае 1946 года она возвращается из Чернигова в Харьков, где начинает работать бухгалтером на УПП № 3. Изучает жестовую речь глухих, постигает производственный учет. Мир не без добрых людей: многому научил ее главный бухгалтер облотдела УТОГ А.П. Артюх.

Не успела Бронислава Владимировна освоиться с работой, как ее избрали председателем профкома. Приходилось над бухгалтерскими документами работать дома, по вечерам и ночам. Хотя какой там «дом»: жила на частной квартире, сама воспитывала дочь, очень нуждалась... Работать на предприятии было трудно: производство размещалось в разбросанных, плохо приспособленных помещениях, а контора ютилась в подвале с земляным полом и отапливалась железной печуркой. Выпускали тогда головные уборы, веревки. На предприятии работали также фотография, мастерская по ремонту обуви, строительные бригады.

Только в конце 1946 года были закуплены швейные машины, изыскано сырье, началась переквалификация части работниц. В начале 1947 года предприятию возвратили довоенное полуразрушенное помещение, которое отремонтировали, в основном, своими силами, и производство стало разрастаться. Начали выпускать продукцию по государственным заказам — спецодежду и другие швейные изделия.

Общежития предприятие не имело, работницы размещались в частном секторе. Когда утвердили должность воспитателя, Брониславе Владимировне предложили взяться за эту работу. Она теряла в зарплате, но чувство общественного долга не позволило ей отказаться, и с марта 1952 года она стала работать воспитателем, оставаясь и председателем профкома. Сколько добра она сделала глухим работницам! До сих пор о ее добрых делах помнят ветераны производства.

Еще до войны, потеряв слух, Б.В. Керцман обратилась в Центральное правление УТОГ с просьбой о трудоустройстве. Тогда же состоялась её встреча с Петром Карповичем Набоченко. И когда встал вопрос о замене руководителя Харьковского облотдела УТОГ, Набоченко настоял, чтобы Б.В. Керцман с 1 января 1956 года стала исполняющей обязанности председателя облотдела: он был уверен, что на отчетно-выборной конференции областной организации ее изберут председателем. Так оно и случилось.

Десять лет проработала на этом посту Бронислава Владимировна. Десять лет горения, беспокойства за дело и людей. И мне хочется рассказать об этом обстоятельно, чтобы членам Общества стало понятно, за что же матушке Брониславе, как ее называли многие активисты областной организации, одной из первых присвоили высшее в Украинском обществе глухих звание — «Почетный член УТОГ».

В областной организации в то время полного учета глухих не было, первичные организации были созданы не везде, где трудились неслышащие. Остро стоял вопрос об их трудоустройстве, о создании клубов для глухих в районах области. При небольшом

штате сотрудников облотдела — четыре человека — все эти и другие вопросы решить было непросто, и Бронислава Владимировна, вспомнив свою работу во всеобуче и комиссии по борьбе с беспризорностью, стала опираться в работе на актив. На первых порах всякое было. Но, начиная с 1959 года, когда пришли в облотдел новый главный бухгалтер В.П. Рубинский и инструктор по оргработе А.Н. Афанасьева, — работа закипела. С помощью облисполкома во всех районных и сельских Советах был налажен учет глухих. Приступили к созданию новых первичных организаций УТОГ. Если до этого было шесть районных организаций УТОГ и одна сельская, то за короткий период было создано еще шестнадцать районных и одна сельская организации Общества. Если вначале в районах насчитывалось четыре клуба глухих, то после покупки домов у частных владельцев и строительства четырех щитовых домов и их переоборудования — клубов глухих в районах стало семь, и они существуют и поныне.

Вопрос подбора и воспитания кадров решался с помощью местных властей. Тепло вспоминала Бронислава Владимировна, выйдя на пенсию, Зинаиду Васильевну Стужко, Валентину Дмитриевну Мусиенко, Галину Михайловну Сухареву — заведующих клубами в Изюме, Волчанске, Барвенкове, переводчиков Александру Андреевну Беседу, Анну Артемовну Мирошниченко, Надежду Ивановну Вдовенко, которых я тоже глубоко уважал за их деловые и человеческие качества. В районных клубах глухих и первичных организациях УТОГ развернулась активная деятельность: внедрялись новые формы клубной работы, действовали различные кружки, проводились

праздничные мероприятия и встречи со знатными людьми. Много внимания уделялось глухим села: проводились подворные обходы, оказывалась помощь в решении вопросов трудоустройства и быта.

В начале пятидесятых годов в Харькове начали строить новые здания для УПП № 1, а для УПП № 3 добились выделения отдельного помещения и реконструировали его. Было завершено строительство общежитий для УПП № 1 и УПП № 3 (ныне УПП № 2), жилого дома на девяносто квартир и Дома культуры УТОГ на двести мест. Спустя годы был построен новый Дом культуры глухих со спортзалом. Благодаря инициативе и творческому подходу ко всем мероприятиям, проводимым под руководством многолетнего директора нашего ДК Абрама Израилевича Росинского, в 60-е годы Харьковский дом культуры был одним из лучших в Украине. Особой популярностью пользовался наш драматический коллектив под руководством режиссера Ариадны Наумовны Росинской и худрука Зинаиды Даниловны Плис.

При Брониславе Владимировне активно проводилась массовая физкультурно-спортивная работа. Учитывая, что в Харькове и в районных клубах насчитывалось более полутысячи физкультурников и более десяти спортсекций, она сумела добиться выделения ставки инструктора физкультуры при областном Доме культуры УТОГ. В те годы проводились областные соревнования и городская спартакиада глухих по пятнадцати видам спорта. А еще наши команды участвовали в республиканских соревнованиях глухих, городских соревнованиях слышащих, соревнованиях облсовета «Спартак» и обкома профсоюза местной промышленности, завоевывая призовые

места.

Большое место в работе облотдела занимали вопросы обучения глухих в спецшколах, вечерней школе рабочей молодежи, техникумах (в спецгруппах с переводчиком), а также индивидуальное обучение неграмотных глухих в районах.

В 1963 году, благодаря стараниям Брониславы Владимировны, местные власти выделили вечерней школе для неслышащей рабочей молодежи двухэтажное здание массовой школы. Здание требовало капитального ремонта, реконструкции, оснащения учебными пособиями и аппаратурой. Большую помощь оказали в этом деле УПП УТОГ, государственные предприятия, областной совет профсоюза и Центральное правление Общества. В настоящее время наша вечерняя школа — лучшая в Украине!

Но создание условий для занятий в вечерней школе — это еще не гарантия успеха ее работы: облотдел постоянно уделял внимание посещаемости и успеваемости учащихся, держал под контролем работу комиссии содействия школе, заслушивал эти вопросы на расширенных заседаниях президиума.

Школам для глухих и слабослышащих детей также уделялось пристальное внимание: на выездных заседаниях президиума в школах обсуждались вопросы политехнизации, физического воспитания, культуры поведения и другие.

По заданию Центрального правления УТОГ в 1959 году была создана группа глухих в Харьковском механическом техникуме по специальности «Холодная обработка металла резанием». Более 20 неслышащих успешно окончили этот техникум.

На крупнейших заводах Харькова в шестидесятые

годы появилось шесть компактных групп глухих. Одна группа была создана в райцентре Изюм.

Хочу отметить, что Бронислава Владимировна по праву гордилась успехами областной организации глухих. Достаточно сказать, что десятки глухих города и села за свой добросовестный труд были награждены правительственными наградами. Приведу слова из написанных Керцман воспоминаний о своей жизни:

«Что дала я Обществу за время своей работы — судить не мне. Но мне Общество глухих дало очень много. В нем я выросла как руководитель. В нем я вновь почувствовала себя полноценным человеком. Я всегда внушала тем, кто потерял слух, что в Обществе глухих они найдут себя. И таким образом многих привлекла в нашу организацию, смогла включить их в общественно полезную работу».

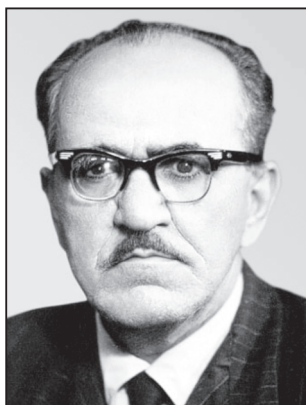
Вот такая она была, матушка Бронислава — с виду строгая и сдержанная, а в душе ее теплилось что-то тихое, живое, материнское... И лучше, чем простыми стихами минувшей эпохи, об этом не скажешь:

*И вот недавно
Заехал к маме
Из нового ячеекиного дому:
Милыми старческими глазами
Глянул в глаза мне тихонький омут...*

РОЖДЕННЫЙ ЛЕТАТЬ

*Все умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.*

Самуил МАРШАК

Г.Х. АГАЖАНОВ
(1910—2001)

Девяносто лет Григорий Агажанов прожил на этой земле. Как он жил? Рос, учился, мужал. Боролся и искал, любил и ненавидел, сделал, по мере сил своих, немало доброго и разумного — и на том бы ему успокоиться, удовлетвориться всем прожитым-сделанным. А все устремляется его беспокойная душа в полет — к горным вершинам, теряющимся в облаках. И все возвращается

память на круги своя, как птица — к своему гнезду. Все чаще и чаще улетает птица-память в далекое прошлое...

Вот кружит она в небе, а под ним, как на темной, холмистой ладони великана, — маленькое армянское селение Тешалух. Там, в забытом Богом и людьми селении, в семье бедняка 28 апреля 1910 года родился тринадцатый ребенок, Григорий. Когда ему исполнилось восемь лет, отца не стало — и мальчик по-

шел в люди. Пас овец, ночевал и питался у разных хозяев, прятался от непогоды в горных ущельях.

Нередко ему приходилось защищаться и от жестокосердных сверстников. А он, хоть был худощавым и низкорослым, но зато отчаянным. Даже сынки богачей знали: палец ему в рот не клади — откусит! Но слишком уж велико было искушение проявить свою власть над батраком, и шла коса на камень, сила — на смелость.

Ко всем прочим бедам, в тяжелый, голодный 1920 год Григорий еще и оглох. Приходилось все так же гнуть спину в рабском труде, только теперь, глухому, ему было еще тяжелее. Сколько раз бросалась горячая кровь в голову, сколько раз хотелось все бросить и уйти, куда глаза глядят! Однажды он так и сделал — уехал в Ростов-на-Дону, на строительство «Ростсельмаша». Это и было началом новой жизни, началом полета...

Только он сам, Агажанов, знал, каким было трудным это начало.

Не имея основательного образования — вернее, не имея никакого вообще, кроме тех «азов», которые он получал урывками в голоштанном детстве и «на заре туманной юности», — Григорий, тем не менее, обладал врожденной проницательностью и развитой интуицией, позволявшими ему принимать быстрые, четкие и безошибочные решения в самых трудных случаях жизни. А вот умением достигать поставленной цели, медленно, но верно идя к ней, он овладевал с огромным упорством и с напряжением всех своих сил.

Григорий Агажанов был взрывчато-горячим, и в то же время — несгибаемо-прочным, как настоящий боец. Разумеется, во Всероссийском обществе глу-

хонемых, где тогда шел подбор новых кадров из числа неслышащих, по достоинству оценили его ярко выраженные бойцовские качества; не осталась незамеченной и такая благоприобретенная им черта характера как целеустремленность. Особенно важными для работы в Обществе оказались несомненные организаторские способности Агажанова, и с 1930 года его неоднократно избирали председателем профсоюза глухих на заводе «Ростсельмаш». В 1937 году он был выдвинут на должность инструктора ВЦСПС, а потом его перевели в Харьков — инструктором профсоюза по работе среди глухих.

Осенью 1939-го, когда западная Украина вошла в состав СССР, Агажанов возглавил оргбюро Львовского областного отдела УТОГ. Вскоре под руководством Григория Христофоровича во Львове был открыт учебно-производственный комбинат УТОГ, наладилось производственное обучение, зажглись огни в окнах клуба и вечерней школы для глухих. Во всем, к чему первый председатель Львовского облотдела Общества глухих прикладывал свои силы, чувствовалась твердая, уверенная рука — рука защитника и хозяина. Глухие шли к нему не в жилетку плакаться, а для того, чтобы коротко и ясно, в нескольких словах (вернее, жестах), изложить суть проблемы. Они знали, что он решит все вопросы — обязательно и безотлагательно, по принципу: «Сказано — сделано!» Второй раз с одной и той же просьбой — а уж тем более с постоянными жалобами! — к нему никому не приходилось обращаться. Его уважали и немного побаивались, но не потому, что видели в нем «большого начальника», а потому что чувствовали в нем настоящую силу.

Но когда началась война, Григорию Агажанову не удалось стать защитником Родины. Помешала глухота, из-за которой его сочувственно, но решительно отказались отправить на фронт. Это было для него ощутимым ударом. Опять, как когда-то в детстве, жизнь била его по самому слабому месту, ведь Агажанова ничем нельзя было свалить с ног, как только сказав ему: «Ты — глухой, а потому воином быть не можешь». Пришлось Григорию смириться с иным назначением — эвакуацией на Урал и принять на себя руководство учебно-производственным предприятием, а спустя еще некоторое время он выполнял обязанности инструктора по работе среди глухих при завкоме Уральского завода тяжелого машиностроения в Свердловске. И не в бою, где ему ни разу не пришлось побывать, а в труде Агажанов проявил себя истинным бойцом. За большой вклад в налаживание производства продукции для фронта он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Там же, на Урале, Агажанов встретился с юной черниговчанкой Аней. Она была одна, без семьи, — и Григорий взял ее под свою опеку. Помог устроиться на работу, решить проблему с жильем, а потом уже не упускал ее из виду. Простая человечность обернулась большой любовью, и позднее Григорий и Анна создали хорошую, прочную семью, выдержавшую все удары судьбы и испытание временем.

После освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков Агажанов вернулся во Львов и вновь приступил к выполнению обязанностей председателя облотдела УТОГ. Это было привычное для него дело, с обычными трудовыми буднями, — но

справляться с ними в послевоенные годы было не легче, чем во время войны сражаться на передовой. «Меч трудовой доблести», привезенный Григорием Агажановым с далекого Урала, не красовался в ножнах на стене как священная реликвия минувшей войны, — им, тяжеленным, пришлось помахать и здесь, на украинской земле, восстанавливая всю работу Общества глухих. В самые кратчайшие сроки нужно было отстроить заново Львовское УПП УТОГ, возродить жизнь Дома культуры глухих, и опять, словно впервые, зажечь свет в вечерней школе для неслышащей молодежи.

А главным, конечно, были люди. Со всех концов страны возвращались глухие львовяне — бесконечно уставшие, измученные войной, потерявшие близких — и всем им надо было помочь найти свое место в жизни, дать работу, жилье, кусок хлеба, наконец. Для свершения этого нератного подвига требовалось столько человеческих и нечеловеческих сил, что иногда это оказывалось не по плечу даже самому Агажанову. Спокойный, острый взгляд темных глаз председателя вдруг становился жестким, даже жестоким; ночные бдения в только что восстановленном здании Львовского облотдела УТОГ, вопреки ожиданиям, тоже не всегда способствовали принятию правильных решений, а немногословные, четкие распоряжения стали переходить в раздражительную резкость...

К счастью, этот тяжелый период в его жизни вскоре миновал. Все понемногу возвращалось в обычное, мирное русло, работа шла своим ходом, отношения тоже стали налаживаться, приобретать более теплую, дружественную окраску. И вот уже снова начинает зеленеть и разрастаться во все стороны Дре-

во Жизни на послевоенном пустыре...

Жизнь продолжалась не только в трудах и делах, но и в дочерях Агажанова. Их у него росло-подрастало трое — Лена, Катюша и Анечка. Анна Демьяновна казалась их старшей сестрой; она как будто совсем не менялась со временем и... так и не смогла привыкнуть к тому, что во Львове на нее смотрели как на «председательскую» жену. Она смущалась и даже сердилась из-за этого, хотя была всей душой и сердцем предана мужу и детям. После войны Григорий Христофорович привез из Тешалуха и свою мать — маленькую, худенькую, но почти не постаревшую Ануш. Простая женщина из далекого кишлака сразу понравилась всем, кто был вхож в дом председателя. Она с такой искренней радостью встречала друзей-товарищей сына, и черные глаза на ее лице так сияли, словно в них отражалась вся солнечная Армения. Немного странно было видеть воинственного, непобедимого Агажанова в кругу семьи, где он становился совсем другим, — веселым и счастливым.

Григорий Агажанов не только взял бразды правления в свои руки, но и блеснул новыми гранями своей одаренной натуры. Неожиданно для всех проявил себя как режиссер, обладающий чувством юмора, и поставил на сцене Львовского Дома культуры глухих пьесу «Не все коту масленица». А вскоре стал известен среди глухих львовян и как талантливый, самобытный актер, надолго оставшийся в памяти зрителей создателем ярких, неповторимых образов, сыгранных им во многих спектаклях.

Шли годы, сматывая нить жизни в тугую, плотный клубок, — и никакая сила не могла размотать его обратно. Дела накладывались на дела, заслуги — на за-

слуги, и когда в 1949-м Григорий Христофорович переходил на должность директора Львовского УПП № 2, а потом, уже тяжело больной, уходил на пенсию, все неслышащие во Львове знали, что расстаются с одним из самых крупных руководителей Общества глухих со времени его основания. Потом на место Агажанова пришли другие, оставившие свой след в истории УТОГ, но все же не кто иной, как Григорий Агажанов, первым возглавивший Львовскую организацию УТОГ, вознес ее на должную высоту.

Отойдя от управленческой работы, Григорий Агажанов остался таким же бойцом — только теперь уже бесстрашно глядящим в лицо надвигающейся старости. Однако Григорию Христофоровичу, проработавшему многие годы в Обществе, среди людей, предстояло сразиться со своим всемогущим врагом один на один, и он долгие годы с честью выдерживал этот «последний бой», о котором и в песне поется, что он — самый трудный. Бывший председатель, уйдя на «заслуженный отдых», ни единого дня не жил тихой, неприметной жизнью пенсионера. Напротив, он довольно скоро прославился в Обществе глухих в новой роли — непревзойденного лектора. Таким его помнили и в семьдесят лет, и почти в девяносто. Когда он, согбенный под бременем прожитых лет и совсем ослепший, бережно поддерживаемый женой, поднимался на сцену, — в актовом зале Львовского дворца культуры УТОГ возникала особая, звенящая тишина, вызванная напряженным вниманием зрителей. Затаив дыхание, все ждали того момента, когда престарелый Агажанов, эта живая легенда, неувядаемый символ долголетия, начнет говорить — и тогда с ним опять произойдет чудесное превращение.

Ведь Григорий Агажанов был не просто лектором — он был воином, сражающимся со временем, актером, взлетающим на крыльях вдохновения. Он был не только очень умным, Агажанов, он был мудрым. А потому знал то, что знали все древние мудрецы: только в высоком, вдохновенном полете души к человеку возвращается его юность... И, говоря с народом, он каждый раз словно молодел на много лет, в его хрипловатом голосе и точных, рубленых жестах была такая же сила и порывистость, как у двадцатилетнего.

Но даже такие люди — рожденные летать — уходят из жизни. В 2001-м, на девяносто первом году жизни, Григория Христофоровича не стало. Просто не верится, что он умер, он просто перешел туда, откуда тихо льется на землю свет безмолвных звезд... И продолжает светить тем, кто идет к новым вершинам и свершеньям, продолжает жить в их делах и их памяти.

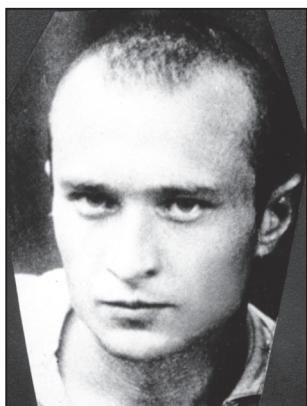
*Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.*

Лариса АЛФІМОВА (АЛТИННІКОВА)

ТАКЕ КОРОТКЕ, ТАКЕ ПРЕКРАСНЕ ЖИТТЯ

*Горить моє серце, його запалила
Гарячая іскра палкого жалю.
Чому ж я не плачу? Рясними сльозами
Чому я страшного вогню не заллю?*

Леся УКРАЇНКА

А.М. АЛТИННІКОВ
(1913—1945)

Андрій Михайлович Алтинніков прожив коротке, але надзвичайно бурхливе життя. Всього 32 роки, але повні творчого горіння, наснаги, пошуку, втілення в життя задумів і мрій.

Народився Андрій Алтинніков у 1913 році в селищі П'ятихатки на Дніпропетровщині (Катеринославщині), у сім'ї залізничника. Наймолодшому в багатодітній сім'ї, йому не пощастило із здоров'ям. У дитинстві він двічі втрачав слух — від скарлатини та від дифтерії. Але згодом слух нормалізувався завдяки лікарям та народному цілителю. В 14 років хлопець знову захворів на менінгіт (запалення головного мозку) і остаточно оглух...

Три сестри Андрія — Інна, Вікторія та Юлія — на той час вже були вчительками. Вони багато уваги

приділяли братові, займаючись його освітою, бо ж школу він не міг регулярно відвідувати через хворобу.

В 1932 році Андрій вступив до Всеукраїнських політехнічних курсів інвалідів (ВУПКІ), які в 1933 році були перейменовані на Київський індустріально-економічний технікум інвалідів. Навчання в Київському ІЕТІ він закінчив у 1936 році і одержав спеціальність «технік-технолог по металу». Ми з Андрієм познайомилися під час навчання в технікумі і після його закінчення одружились. У тому ж році він за направленням поїхав до Днепропетровська, де до 1937 року працював завідуючим клубом і головою Дніпропетровського міського відділу УТОГ. З 1937 по 1939 рік Андрій Алтинніков був інструктором, а з 1939 по 1941 роки — старшим інструктором з оргмасової роботи Дніпропетровського обласного відділу УТОГ.

У 1937 році в нашій сім'ї народилась дочка Ганна.

Коли в 1939 році західні області України ввійшли до складу Української Радянської Республіки, ЦП УТОГ поставило завдання — організувати там роботу серед глухонімих, створивши обласні відділи УТОГ.

До складу бажаючих поїхати на Західну Україну було включено й А.М. Алтиннікова. У 1940 році його було направлено до Дрогобича для створення обласного відділу УТОГ. Міська влада, відділ соцзабезпечення багато допомогли у справі обліку глухонімих у місті та в районі, у селах.

У центрі міста, поряд з ратушею, де містилася міськрада, було надано помешкання для швейної та шевської майстерень, які були забезпечені необхідним устаткуванням, керівними та технічними кадрами. Знайдено помешкання під гуртожиток для прибуваючих з районів людей. Тим часом я з двома ма-

ленькими дітьми (у нас саме тоді народився син) залишалася у Дніпропетровську. Тільки у травні 1941 року ми змогли приїхали до Андрія.

Я розгорнула культмасову роботу у так званому «червоному кутку» при майстернях. Слід сказати, що Андрій вже встиг познайомитись з людьми, в основному з поляками, навчив їх жестовій мові «східняків» і сам, у свою чергу, освоїв жести дрогобичан, які майже всі були неписьменні.

Мріяли організувати лікнеп, а виявлених по селах дітей влаштувати до Львівської школи-інтернату.

Але цим мріям не судилося здійснитися. Несподівано розпочалася війна. Наша сім'я потрапила до останнього з ешелонів, що відправлявся на схід.

За кілька днів до від'їзду наша 4-річна дочка потрапила на вулиці під одну з численних військових машин, що нестримним потоком ішли на захід. З пошкодженою ніжкою її забрали до шпиталю, де наклали гіпс. Через це ми виїхали з дітьми на руках, майже нічого з речей не захопивши. У дорозі поїзд часто зупинявся, коли налітали фашистські штурмовики.

Доїхали ми до Криворіжжя, на станцію Вечірній Кут поблизу рудників, де жили батьки Андрія. Його батько працював диспетчером тресту «Руда».

Андрій виїхав до Дніпропетровська, сподіваючись знайти роботу. В усіх нас жевріла надія, що німці туди не доберуться.

Але незабаром почалася евакуація заводів і установ Дніпропетровська. Маючи направлення до Краснодару на себе та сім'ю, Андрій виїхав до нас, але спізнився. За 100 км від станції Вечірній Кут рейки залізниці були розібрані після відходу останнього ешелону, і він добирався до нас пішки.

Так ми залишилися в окупації. Було скрутно. Андрій по селах заробляв продукти як столяр та тесляр, я з батьками обробляла город. З того й жили.

У 1943 році, коли Червона Армія вела наступ на рудниках Криворіжжя, а потім тимчасово відступала, ми з Андрієм та з іншими людьми рятували наших поранених солдатів. У нашому будинку переховувався молоденький грузинський хлопець з простреленою рукою. Кілька разів я пізньої ночі водила його до знайомої медсестри на перев'язку. Згодом Давиду Чиргадзе пощастило повернутися додому — у село Цітельвасплаву поблизу міста Цулуکیدзе, одружитися, виростити добрих дітей і онуків.

У покинутому в паніці відступу німецькому штабі Андрій підібрав дві друкарські машинки. Коли було звільнено Кривий Ріг і там почала працювати редакція газети «Червоний гірник», він відніс туди ці машинки, яким там дуже зраділи. Андрія взяли на роботу кореспондентом газети. Пізніше вдалося при сприянні міськради зайняти невеликий будинок під майстерні для глухонімих, яких в місті залишалося чимало, і відкрити комбінат, де виконували замовлення від населення міста на пошив та ремонт одягу, ручну в'язку светрів, кофт. Директором Криворізького УВК УТОГ був Андрій Алтинніков, а потім деякий час виробництвом керувала колишня робітниця швейної фабрики — Зінаїда Зозуля, яка потім стала відома в УТОГ як Зінаїда Загороднюк. Я працювала касиркою, приймала замовлення для майстерні.

У серпні 1944 року Андрій зібрався до Дрогобича, який вже було звільнено. Дістався до Києва, навідався до ЦП УТОГ. Голова ЦП УТОГ П.К. Набоченко запропонував Андрію їхати до Львова, щоб працювати

на посаді директора підприємства глухих.

Передавши Криворізький УВК своєму заступникові — Зінаїді Зозулі, Алтинніков виїхав до Львова, де прийняв під своє керівництво «Будинок глухонімих» по вул. Вонсовича, 4 (тепер вулиця Черемшини), яким керували брати — Йозеф та Кароль Сайдлери, котрі збиралися виїхати до Польщі.

Цей «Будинок глухонімих» під час окупації фашистами вдалося зберегти, приховавши частину устаткування швейного цеху та матеріалів. Це самовіддано зробили колишні організатори побудови «Будинку глухонімих», випускники Варшавської школи глухонімих, в тому числі Роман Петрикевич, який став добрим помічником Алтиннікова у налагодженні роботи та розширенні підприємства, а потім виїхав до Польщі і багато років був головою Польського товариства глухих. Навідавшись через багато років до Львова, Петрикевич дуже радів, побачивши, яких успіхів досягло Львівське підприємство та Львівський обласний відділ УТОГ.

Перед виїздом до Польщі глухі поляки сумлінно допомагали в організації роботи підприємства, на основі якого потім виросло славнозвісне підприємство «Силует».

У листопаді 1944 року Андрій Алтинніков вивіз свою сім'ю з Кривого Рогу. Залишилося нас в сім'ї троє — маленький син Михайлик, на наше превелике горе, помер у 1942 році від важкої хвороби, коли на рудниках фашисти спалили поліклініку та лікарню і не було лікарської допомоги. Не стримуючи сліз, Андрій власноручно змайстрував маленьку труну. Ми поховали синопку на древньому кладовищі — кургані у криворізькому степу. Донька Галя назбирала там бі-

лих камінців, виклала на могилі хрестика, поклала польові квіти. Скільки житиму, ніколи не забуду того тужливого дня.

У Львові я була прийнята на посаду інструктора Львівського облвідділу УТОГ, потім мені доручили керівництво Львівським клубом.

А. Алтинніков разом з Г. Агажановим розгорнули велику роботу з розширення виробництва, працевлаштування глухих з сіл, виробничого навчання, культурно-масової роботи. Були в них великі задуми, націлені на краще майбутнє глухих Львівщини, на виховання активу.

9 травня 1945 року... День Перемоги! Він був таким радісним, сонячним, квітучим, пам'ятним на все життя для тих, хто пізнав на собі весь тягар страшної навали фашистської орди. Було і велике горе, сльози при згадці про тих, хто не дожив, загинувши в боях за Вітчизну, у жахливих ворожих концтаборах, на каторжних роботах у німецьких бюргерів.

Проте цей світлий травень став останнім у житті Андрія Алтиннікова...

22 травня нічний патруль знайшов його на вулиці напроти брами будинку, де оселилася наша сім'я, і зовсім недалеко від підприємства, разом з колективом якого він мріяв про краще майбутнє. Мій чоловік був вбитий кількома пострілами, але злочинців так і не знайшли.

На його похованні був присутній голова ЦП УТОГ П.К. Набоченко.

У нашої дочки Леонії, що народилася після смерті батька (у вересні 1945 року), зберігаються пам'ятки про нього — колись, ще за студентських років, зроблена мені в подарунок гарна, фанерована різними

кольорами, оздоблена перламутровими прикрасами скринька і зошит з віршами, написаними ним під час війни, на рудниках Криворіжжя.

*Хотіла б я вийти у чистеє поле,
Припасти лицем до сирої землі
І так заридати, щоб зорі почули,
Щоб люди вжахнулись на сльози мої.*

ЗВЕЗДЫ СМОТРЯТ НА НАС

Послушайте!

*Ведь, если звезды зажигают, —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит, кто-то хочет,*

чтобы они были?

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Л.Ф. АЛФИМОВА
(род. в 1915 г.)

Ночь. Темная, глубокая ночь, не по-весеннему холодная, усеянная необычайно крупными и яркими звездами, — сверху донизу, по всему мартовскому небу. Свет в окнах — продолжение этой всеохватной ночи на земле, только здесь он теплее, мягче и словно озаряет каждую отдельную судьбу волшебным сиянием жизни.

Если встать, постоять у окна, всматриваясь в таинственную темноту ночи и вслушиваясь в беззвучные голоса, которыми она населена, можно почувствовать, как по невидимым проводам, расходящимся во все стороны, течет живой ток человеческой мысли.

Вот и сейчас... Откуда, из каких пространственных далей, из каких глубин души доносится этот чистый и

ясный голос, который мне уже знаком, который поразил меня однажды, прозвучав со страниц письма правдивой и мужественной женщины, ведущей неравный бой со старостью и болезнями, живущей в неизбывной горести сердца от утраты близких? Но, хоть жизнь порой такова, что жить просто не хочется, все-таки совершаешь свой последний подвиг, свой последний долг — продолжаешь жить. Продолжаешь думать, помнить, писать...

«...Продолжаю письмо, начатое позавчера. У меня вдруг начался сильный приступ стенокардии, так сдавило грудь! Хотели забрать в больницу, я отказалась. Сил сопротивляться болезням становится все меньше (у старости силы не те, сил непрожитых мал запас).

Я всегда была неисправимой оптимисткой, старалась поменьше думать о своих бедах. Богатства я не нажила, в число «элиты» нашего теперешнего общества не вхожу. Кому я нужна — бедная пенсионерка, не уничтожившая партбилет, не изменившая русскому языку?»

Эта женщина — Лариса Филипповна Алфимова, одна из старейших членов Общества глухих, его известный активист и руководитель, почетный член УТОГ. Многим жителям Львова, лишенным слуха, да и не только им — во всем Украинском обществе глухих — известно это имя, ставшее одним из символов большого человеческого мужества. За спиной Алфимовой — НЕЗАБЫВАЕМОЕ. Долгий жизненный путь, события, давно отошедшие в историю нашего Общества, пестрая вереница радостных встреч и — траурное шествие невосполнимых утрат. Люди, годы, жизнь...

Всматриваясь в фотографию почти двадцатилетней давности (на ней Ларисе Филипповне — семьдесят лет), поневоле удивляешься этому выразительному лицу, на котором странно контрастируют глубокий, пронизательный взгляд и лукавая, добрая улыбка. Но ведь не всегда это лицо было таким, соединившим в себе и радость жизни, и ее страдание, — эти особые черты ему придало все то, что прошло сквозь душу и сердце Ларисы Филипповны. Все то, что прошло сквозь ее жизнь, — и счастливую и трагическую одновременно. Резец времени запечатлел на этом лице линии яркой, неповторимой, запоминающейся судьбы.

Лариса Годун родилась 26 марта 1915 года, в селе Бандурово на Одессине, в семье учителя. Конец марта — это как раз то время, когда уже становятся различимы первые веяния весны, дыхание жизни; не потому ли вечное торжество весны и большая жизненная сила незримо присутствовали и в характере этой веселой, жизнерадостной девочки? Ее неуемной жажде жизни не помешала даже глухота, свалившаяся на нее после перенесенного в семилетнем возрасте менингита. Лариса, несмотря ни на что, продолжала заниматься интереснейшим занятием — открытием мира (хотя это уже был мир без звуков) и хорошо училась, хотя, в основном, занималась дома, под руководством отца. Благодаря ему оглохшая девочка смогла самостоятельно освоить программу начальной школы, а потом, проучившись в школе-интернате для глухонемых детей лишь один год, экстерном сдать экзамены за семилетку в общеобразовательной школе. Ей, конечно, очень не хватало общения со сверстниками, но зато она полюбила книги,

которые стали ее лучшими друзьями на всю жизнь.

Сквозь туманную завесу времени вижу ее совсем юной, счастливой, сияющей... Как прекрасна жизнь в день твоего восемнадцатилетия! А летом того же 1933 года Лариса Годун празднует еще одно, очень значимое для нее, событие — вступление в Украинское общество глухих. Немного позднее она становится секретарем первичной организации УТОГ в Киевском индустриально-экономическом техникуме для инвалидов, где проходила учебу спецгруппа глухих. Лариса училась уже на предпоследнем курсе. Учеба давалась способной, начитанной девушке без особого труда (если, конечно, не считать неизбежных экзаменационных волнений), к своим обязанностям секретаря ячейки она относилась со всей ответственностью, горячего ее энтузиазма хватало еще и на творчество. Это была не просто девушка — настоящий фейерверк! Недаром Александр Волосенко посвятил ей восторженное стихотворение, где, помимо «кипучей радости дней», были еще и «многоцветная заря жизни», и «мир в игре весенних радуг», и «песен победный ритм», и соединил все эти образы в одно целое — горячее, неостывающее сердце («Кто борется, как мы, тот сердцем не остынет!»). Это стихотворение, опубликованное в журнале ВОГ «Жизнь глухонемых» (сейчас он называется «В едином строю») в 1936 году, сделало имя «вдохновительницы поэта» известным читающим глухим всей страны.

После окончания техникума Лариса Годун, которая и сама неплохо владела пером, была назначена корреспондентом газеты «Глухонімія України». (П. К. Набоченко решил, что, пока УТОГ не имеет своих мебельных предприятий, молодых специалистов мож-

но использовать для культпросветной работы). Новая и очень интересная работа давала возможность ознакомиться с деятельностью УТОГ в разных городах Украины. Однако через год газета прекратила свое существование, и ЦП УТОГ направило Ларису в Москву, на курсы культработников при Высшей школе профсоюзного движения. После окончания курсов она вернулась в Украину — уже в качестве работника культуры — и некоторое время работала в Киевском клубе глухих. Но вскоре переехала в Днепропетровск, по месту работы мужа, Андрея Алтынникова (они познакомились еще во время учебы в техникуме и поженились сразу после его окончания), где стала работать директором местного Дома культуры УТОГ.

В 1937 году у Алтынниковых родилась дочь, которую называли Галей. Но и после этого их жизнь не стала менее беспокойной, насыщенной и богатой событиями.

Присоединение западных областей стало важным историческим событием не только для Украины, но и для Общества глухих, в том числе и для Андрея Алтынникова — молодого, инициативного инструктора Днепропетровского облотдела УТОГ, который выразил желание пополнить ряды добровольцев-организаторов УТОГ в новых областях республики. В 1940 году он провел учет неслышащих в городе Дрогобыче. Здесь же, его стараниями, была открыта мастерская, где вскоре начали работать глухие. А в апреле 1941 года Алтынников перевез в Дрогобыч и свою семью — жену и двоих детей, заметно подростшую Галю и годовалого Михайлика. Лариса, со свойственным ей энтузиазмом, сразу же организовала «красный уголок» при швейных мастерских и начала про-

водить различные культмассовые мероприятия для глухих рабочих. Работать с местными глухими оказалось трудно: все они поголовно были неграмотными, многие не знали даже языка жестов, и их приходилось всему учить с самого начала. К тому же это были преимущественно поляки, которые с недоверием относились к новой власти и руководству, так что заниматься нужно было не только их просвещением, но идеологической борьбой с «вековыми предрассудками». Эту работу, еще до приезда жены, начал Андрей Алтынников, что несколько облегчало дело, а спустя некоторое время глухие рабочие и сами прониклись доверием к своей доброй и мудрой наставнице (которая, к слову, была моложе многих из них).

Перед Андреем и Ларисой — не только жизнерадостными, но и жизнестойкими людьми — открывались новые перспективы. Главное, что работа спорилась, дело шло на лад, а трудностей они не боялись. Да и городок, где теперь жила молодая семья, был небольшой, зато красивый и уютный, и очень нравился Алтынниковым. Но через месяц кончилось их недолгое счастье. Грянула война.

А что же дальше? Дальше — непрерывная цепь невзгод и утрат. Ранение четырехлетней дочери, спешная эвакуация в Бердичев, вынужденная остановка на Криворожских рудниках, где они жили до освобождения Кривого Рога и где понесли свою первую тяжкую утрату, похоронив маленького сына. После этого Андрей Алтынников некоторое время работал корреспондентом редакции газеты «Червоний гірник» (подробнее об этом написано в очерке Ларисы Алфимовой «Таке коротке, таке прекрасне життя»).

Благодаря предприимчивости неслышащего корреспондента, в городе открылись жестяная мастерская и швейный комбинат глухих, где изготавливались разные мелочи из консервных банок и принимались заказы на ремонт и пошив одежды. Первым директором Криворожского УПП УТОГ был Андрей Алтынников, а Лариса Филипповна работала кассиршей, принимала заказы для мастерской. Трудно было возрождаться из послевоенного пепла, но все работали с огромным энтузиазмом, воодушевленные Победой, принесшей столько радости, несмотря на то, что многим во время войны пришлось пережить невосполнимые потери. И, конечно же, с верой в «светлое будущее» — той безграничной верой, которая сдвигает с места горы...

Тогда, во всеобщем ликовании, смерть — смерть после Победы! — казалась невероятной, вопиющей несправедливостью. Но не миновала эта горькая чаша семью Алтынниковых. Пережив в годы войны смерть сына и гибель брата, Ларисе Филипповне пришлось продолжить страшный перечень смертей своих близких уже в мирное время, когда Алтынниковы перебрались во Львов и обосновались в доме постройки начала века, — крепком, трехэтажном, с массивными стенами, высокими потолками и большими окнами. Но и этот дом-крепость, построенный во времена властвования Польши и сохранивший дух «гонористого шляхетства», не смог защитить своих жильцов от худшей из всех земных бед.

Гибель мужа от рук бандитов 22 мая 1945 года, смерть зятя (тоже трагически погибшего двадцать лет спустя), и, наконец, смерть младшей дочери — в самом расцвете ее зрелости... И каждый раз, встре-

чая смерть родных и любимых, душа сильной и мужественной женщины трепетала от боли, как тонкая прибрежная лоза. Все-таки это была душа женщины, дающей и любящей жизнь и ненавидящей смерть, которая уничтожает все живое.

Во Львове прошла вторая и большая часть жизни Ларисы Филипповны. Еще в конце войны ЦП УТОГ направило Алтынникова во Львов, где он должен был работать директором УПК УТОГ. В ноябре 1944 года он перевез во Львов и Ларису Филипповну с Галей. (Здесь же, во Львове, уже после гибели Алтынникова, родилась их вторая дочь, Леония, так никогда и не видевшая отца). Первое время Лариса Филипповна работала инструктором облотдела УТОГ, председателем которого с 1939 года был Г. Х. Агажанов. Потом занимала разные ответственные должности: директора Львовского дома культуры глухих (1945—1949), заместителя директора Львовского УПК УТОГ № 1 (1951—1959) и начальника производственного отдела Львовского УПК № 2 (1959—1967). Длительное время, до самого выхода на пенсию, работала мастером цеха на швейном предприятии «Силуэт» (1967—1990). После этого возглавила Совет ветеранов труда и одновременно стала председателем Совета наставников предприятия, на котором проработала много лет.

И везде, на любой занимаемой ею должности, Лариса Филипповна работала с необычайным воодушевлением и с полной отдачей сил. Так, например, в бытность ее директором Львовского клуба глухих было создано множество кружков и спортивных секций, постоянно выпускалась стенгазета, проводились различные конкурсы, викторины, устно-мимические

пересказы газет и журналов, выступления кружка художественной самодеятельности и спортивные соревнования. Когда она была заместителем директора предприятия по УВР, всячески опекала молодых швей на рабочих местах и отстаивала их права при поселении в общежитие и выделении квартир, а работая мастером цеха в «Силуэте» — огромное внимание уделяла работе с молодежью, добивалась улучшения качества обучения не только на самом предприятии, но и в школах-интернатах и в детском садике для глухих детей. Уж она-то, выросшая на любовном отцовском попечении и на прекрасных книгах, как никто другой, понимала, что все мы — «родом из детства»...

Там же, во Львове, она стала женой Ивана Матвеевича Алфимова — одного из крупных руководителей системы УТОГ. Однако Иван Матвеевич был настолько неординарной и противоречивой личностью, что в нем, рядом с самыми лучшими человеческими качествами, уживались и худшие из них. Поэтому довольно скоро они с Ларисой Филипповной расстались. Единственной памятью об этом недолговременном союзе осталась у Ларисы Филипповны, взявшей фамилию мужа и ставшей Алфимовой, дочь Таня, безвременную смерть которой (дочь Алфимовых умерла в возрасте 45 лет от болезни) она пережила очень тяжело и мучительно. Жизнь послала Ларисе Алфимовой чрезмерно тяжкое испытание — в виде целой череды семейных трагедий, и все же она каждый раз справлялась со своей болью и находила в себе новые силы, чтобы работать и жить дальше. Но смерть дочери, похоже, была последней каплей, переполнившей чашу горя, которую ей довелось испытать. Тогда и подкосили ее, такую сильную духом и

сдержанную в выражении своего горя, все затаившиеся болезни, пролились все невыплаканные слезы, выплеснулись на бумагу в письме-исповеди все невысказанные слова...

Но старый дом хоть и скрипел, а держался; все остальные домочадцы нуждались в неустанном внимании матери и бабушки (а потом и прабабушки) и сами бережно окружали ее любовью и заботой, и опять напоминала о своем приходе — которая уж на ее долгом веку! — торжествующая весна. И еще держали на плаву (и на высоте) «былое и думы», воспоминания, чувство личной причастности к истории Общества. Все это — наболевшее, пережитое, накопившееся в памяти, — требовало выхода...

Лариса Алфимова опять берется за перо, чтобы написать о том, что хранится в глубинах ее поистине бездонной памяти. Старейший корреспондент Общества глухих и сейчас, на пороге своего девяностолетия, успешно трудится — на страницах газеты «Наше життя» время от времени появляются ее воспоминания, статьи, очерки, которые отличаются четким, лаконичным стилем изложения и в то же время — живым и образным языком. Может быть, это не сразу (и не всем) бросается в глаза, но они производят удивительное впечатление. Потому что это не просто воспоминания Ларисы Алфимовой, это — голос времени...

С большой теплотой и любовью, немного грустной (ведь все это уже в далеком прошлом!) вспоминает Лариса Филипповна своих товарищей по учебе, соратников в работе, всех тех, кто нес на своих плечах это нелегкое бремя — бремя первых, закладывая основы нашего Общества.

Перебирая в памяти события своей жизни, взвешивая их на весах времени, Лариса Филипповна Алфимова считает, что все годы, на протяжении которых она является членом УТОГ, были для нее насыщенными, плодотворными. Она ценит награды, которые получила за время своей трудовой, организаторской и активистской деятельности в Обществе глухих. У нее накопилось такое множество грамот, дипломов, благодарностей... Целая книга почета! Ей также присуждено звание «Мастер золотые руки», она награждена Почетной грамотой Верховного Совета Украины, но звание «Почетный член УТОГ» — для нее дороже всего.

Однако возвратимся к ее письму-исповеди:

«После смерти дочери Тани я ни в облотделе, ни в Доме культуры не бывала, мне трудно ходить, ноги плохо слушаются, поэтому на улицу не выхожу. Спасибо добрым людям — товарищам по работе, навещают, и я, чем могу, что связано с грамотностью, им помогаю.

Когда директору ШП «Силуэт» В.С. Станкевичу сказали о моем несчастье и что у меня со здоровьем плохо, он сразу велел С.К. Тымуш, своему заместителю, написать докладную, и в тот же день София Кирилловна принесла мне пособие, хотя заявление я не подавала.

Как ни тяжело приходится, я никогда ничего не просила ни в организации УТОГ, ни на предприятии. Как говорится, просить нелегко, даже рядом идущий о самом заветном нечасто попросит».

Этими словами, сказанными удивительной, неповторимой в своем роде женщиной, сохранявшей высокое человеческое достоинство в самые трудные

времена, мне и хотелось бы закончить свое повествование о ней. Это прекрасно, что в наше время, на нашей земле живут такие достойные, чистые и прекрасные люди. Мне хочется сказать им от всей души: «Спасибо за то, что вы есть!»

...Ночь. Весна. И — звезды смотрят вниз. Может быть, они смотрят на нас?

*Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?*

Елена СВЕРДЛОВА, Юлия СОЛОВЬЕВА

НА ВЕСАХ ВРЕМЕНИ

*Не заглушить, не вытоптать года, —
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.*

Николай ТИХОНОВ

И.М. АЛФИМОВ
(1914—1988)

Наверное, нет на Херсонщине неслышащих, которые не знали бы Ивана Матвеевича Алфимова. Да и не только на Херсонщине, ведь за свою долгую жизнь он изъездил вдоль и поперек всю Украину, а в памятные военные годы — трудился и в далеком Челябинске... Это был простой человек со сложной судьбой, известной резкими контрастами, не о таких ли сказано — «и жизнь, качнувшись вправо, качнется влево»?

Родился Иван Матвеевич в 1914 году в селе Санково Гайворонского района Белгородской области в крестьянской семье. Там же, в Санкове, прошли его детские и юношеские годы. Окончив среднюю школу, стал Иван работать в родном колхозе.

Был он спокойным, покладистым и энергичным пареньком. Много читал, трудился и мечтал...

И вдруг — беда! После тяжелого менингита девят-

надцатилетний Иван полностью теряет слух... Казалось, жизнь остановилась, конец всем мечтам. Но он нашел в себе силы, чтобы не покориться судьбе. Надвинувшаяся стеной глухота не сломила его дух, а закалила его.

Вскоре родители Ивана переехали на Харьковщину. Здесь, в селе Любовцы, молодой парень берется за любую работу: в летнюю страду, не разгибая спины, трудится на колхозных полях; в осеннюю слякоть, с почтовой сумкой на плече, месит грязь сельских дорог... Ничего в своей жизни он не мог и не хотел делать спустя рукава, в каждое дело вкладывал все свое умение и силы.

Биография Алфимова — сложна и многогранна, в ней много взлетов и падений, поражений и побед, резких контрастов и крутых перемен. Одного только не было в ней — затхлого застоя и скуки. Жизнь всегда была ключом — и в нем самом, и вокруг него, и в сильную, бурную струю его жизни попадали попеременно то друзья, то враги, а временами — он сам становился себе врагом... Оттого так противоречивы воспоминания разных людей, знавших его. Одни видели в нем великолепного организатора (и он в самом деле был им), другие — человека, не лишённого моральных колебаний и метаний из стороны в сторону. И это тоже было правдой...

Как и в жизни многих людей с похожей судьбой — а объединяет их прежде всего безмолвие окружающего мира — в жизни Ивана Алфимова многое изменилось после его прихода в Общество глухих.

В 1938 году Харьковский областной отдел УТОГ направляет его на учебу на Сумское предприятие

глухих. И с тех пор вся жизнь этого непростого, но цельного человека связана с УТОГ.

Спустя год, в 1939-м, Иван Матвеевич Алфимов становится заведующим Сумским клубом глухих. Здесь он развернул самую кипучую деятельность по организации культмассовой работы, и его труд, принесший зримые и весомые плоды, не остался незамеченным.

В 1940 году Центральное правление УТОГ направляет его в Ровно на руководящую работу в областной отдел УТОГ. Здесь его энергичная и, вместе с тем, спокойная, вдумчивая натура проявилась в полной мере. Способность понять и помочь каждому снискали ему уважение и признание в Обществе.

Но, вместе с тем, семья не была для него настолько значимой, как работа. Не все из его поступков, по отношению к близким, вписывались в привычные рамки отношений между людьми.

Впрочем, и здесь многое отходит на второй план, когда вперед выступает другое, страшное и неотвратимое, — война... И еще раз подтверждается истина, что время нелегких испытаний выявляет самое главное в человеке и отбрасывает прочь все наносное. Так было и в жизни Ивана Матвеевича Алфимова.

Великая Отечественная застала его в Сумах. Он рвался на фронт, доказывая медкомиссии, что глухие тоже могут воевать, но его направляют на Урал, в Челябинск, в глубокий тыл — помогать фронту. Едва прибыв на место, стал Алфимов за станок. Позже он вспоминал: «Я аж за голову схватился — где применить свои руки? Друзья: один — слесарь, другой — токарь, а я ничего не умею.

— Ничего, Иван, научим! — добродушно ответил

наставник, похлопав по плечу. — Не святые горшки обжигают!»

Прошло десять дней, и Алфимов уже самостоятельно работал за станком. Выполняя срочный заказ фронта, приходилось работать по десять—двенадцать часов в сутки.

Впроголодь, недосыпая, в сорокаградусный мороз — лишь бы врага поскорее одолеть и помочь тем, кто воюет на полях Подмосковья. Никто не жаловался, работали, как заклятые, без перерывов, меньше всего думая о себе.

Как-то начальник цеха пригласил Ивана Матвеевича в свой кабинет.

— Выручай,— сказал,— Иван! Трудно сейчас нам. Мобилизовали на фронт многих кадровых рабочих, не хватает людей. Надо работать за двоих. Понимаю, это тяжело: два станка — суточная норма! Но выбирать не приходится — война есть война. И здесь тоже — фронт, где надо стоять до последнего патрона.

Не прошло и двух месяцев, как Иван уже работал на четырех станках. И еще как работал! Перевыполнил норму на 500 процентов. Постепенно стал обслуживать шесть станков.

После войны, встречаясь с молодежью, на вопрос, трудно ли было, Иван Матвеевич отвечал:

— Трудно — это не то слово. Бывало, сдав смену, тут же, у станка, валился с ног. Поспишь пару часов — и опять смена. И так — до самой Победы!

За рационализаторский труд в освоении многостаночного обслуживания и высокие трудовые показатели в марте 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Иван Матвеевич Алфимов был награжден орденом Красной Звезды, а в 1945-м —

медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Так Родина оценила трудовой подвиг неслышащего рабочего.

Но изнурительная, непосильная работа подорвала здоровье Ивана Матвеевича. Получив II группу инвалидности, он вынужден был уйти с завода, но и теперь не сиделось ему без дела — пригодился опыт работы в Украинском обществе глухих, и Алфимов возглавил Челябинский городской отдел ВОГ.

Лишь в 1946 году вернулся он в Украину. И опять Алфимов — весь в работе. Вначале он трудился на благо Общества в Конотопе, затем — во Львове.

Здесь, на Львовском УПК УТОГ, он прошел путь от коменданта общежития до заместителя директора по учебно-воспитательной работе. Хотя война была уже позади, для него, с его подорванным здоровьем, это было тяжелейшее время. Но работал он, как всегда, полностью отдавая себя делу. В работе он был требователен, строг, но в то же время — сердечно добр и отзывчив к нуждам людей.

И вновь — поворот судьбы. И снова Алфимов — в Ровно. Он работает в областном отделе УТОГ и одновременно проводит культмассовую работу среди глухих. И снова до самого позднего вечера не гаснет свет в его кабинете...

Спустя семь лет он переезжает в теплый и щедрый Херсон. Здесь, как и везде, — работа, работа, работа...

И все-таки, несмотря на высокий пост председателя областного отдела УТОГ, в душе Алфимов остается простым, душевным человеком, доступным людям. Благодаря его стараниям в 1967 году в Херсоне был построен клуб для глухих в небольшом городке

Голая Пристань, а еще спустя год — Дом культуры в Херсоне.

Алфимов любил бывать на концертах самодеятельного театра, на вечерах отдыха молодежи и встречах с ветеранами. Иван Матвеевич, как никто другой, понимал и чувствовал людей труда и всегда принимал самое деятельное участие в их работе и жизни.

И это не осталось незамеченным. К наградам периода Великой Отечественной войны прибавились врученные в мирное время медали «За доблестный труд» и «Ветеран труда». За большие заслуги перед Украинским обществом глухих постановлением президиума ЦП УТОГ И.М. Алфимову в 1984 году присвоено звание «Почетный член УТОГ».

Ни дня не наслаждался Иван Матвеевич «заслуженным отдыхом». Его активное, живое участие в деятельности Херсонской областной организации УТОГ многих заставляло забывать, что он уже не является ее председателем. К нему, как и раньше, обращались за помощью, за советом, к его мнению прислушивались, знали, что он не будет «толочь воду в ступе», а несколькими вескими словами и жестами отсечет лишнее — и любое запутанное, неразрешимое дело окажется удивительно простым и ясным.

Недаром благодарные херсонцы вспоминают его — своего председателя. Пусть сложна и подчас противоречива его биография — время все взвесило и расставило на свои места: просчеты и достижения, личное и общественное, грешное и праведное, добро и зло...

Ясно одно: в истории нашего Общества Иван Матвеевич Алфимов — величина бесспорная, личность

сильная, яркая, незабываемая... Ведь, в конце концов, «большое видится на расстоянии»...

*И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.*

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

*Свет доброты — душе голодной хлеб.
Не принимая безразличье века,
Хочу я, чтобы в том, кто хром и слеп,
Вы научились видеть Человека.*

Сергей МИХАЙЛОВСКИЙ

Г.А. БОНДАРЕНКО
(1914—1997)

Осень 1921 года выдалась на диво теплой и ласковой. Эхо дальней войны не доносилось до тихой, уединенной Еремеевки на Полтавщине; село утопало в лучах сентябрьского солнца и яблоневых садах. Галя, как всегда, сидела у окна и смотрела во двор — отсюда она могла видеть, как бегают суетливые куры, старую яблоню в углу сада и калитку, за которой время от времени проходил кто-то из селян, здороваясь с больной бондаренковой девочкой, выглядывающей в окошко, приветливым и сочувственным кивком головы. «Здоровенькі були!» — радостно кивала в ответ Галя, а потом со смиренным, недетским терпением ожидала, когда еще кто-то пройдет по дороге. Ожидание проходящих — в этом была главная радость ее жизни, ее от-

крытое и чистое маленькое сердечко было исполнено верой в людей, и каждый, промелькнувший за калиткой, был ее другом. А больше всего радовалась она детям — ведь многие из них не просто проходили мимо, но, останавливаясь возле калитки, перебрасывались с ней хоть несколькими веселыми, звонкими словами. Когда они вприпрыжку бежали дальше, Галино сердце беспомощно устремлялось вслед за ними, ей становилось так грустно-грустно, и слезинки наворачивались на глаза... ах, почему она не могла бегать и прыгать так легко и бездумно, как другие дети!

Все эти долгие годы, сколько она помнит себя, Галля пролежала в твердом гипсовом коконе, да и теперь, когда ей разрешили наконец от него освободиться, все ее хрупкое, немощее тельце невидимыми железными цепями сковывала властная боль, — и передвигаться она могла лишь с большим трудом, опираясь на невысокие палочки, специально для нее выструганные отцом. Горестные мамыны глаза неотступно стояли перед ней, и Гале иногда хотелось закричать: «Не дивитесь так на мене, мамо!» Мама у Гали была красивая и добрая, подолгу она сидела у постели ребенка, скованного жестокой болезнью — костным туберкулезом, пела песни, рассказывала сказки и учила всему тому, что знала сама и что было доступно пониманию отрезанной от всего остального мира маленькой девочки. «Мамо!» — то и дело звенел в хате слабый детский голосок, и мама, тут же бросив все дела, устремлялась навстречу светлым и любящим глазам Галочки.

Всегда, чем могла, старалась доставить радость дочери, облегчить ее страдания. Не боялась избало-

вать дочь своей безотказной добротой — знала, что дитя, измученное тяжким неизлечимым недугом, никогда не потребует невозможного.

Но этой осенью Галя вдруг неожиданно захотела как раз невозможного, непосильного ей, — и мама впервые растерялась, не зная, что ответить на как будто такую простую просьбу девочки. «Мамо! — чуть не плакала горемычная Галя. — Відправ мене до школи! Я хочу вчитися, як усі інші діти!» «Так як же ти підеш?» — потерянно спрашивала мама. Она уже свыклась с мыслью, что Гале придется учиться дома, не вставая с кровати. «А ось як! — отвечала Галя и упрямо, закусив губу, ковыляла на своих подпорках к дверям. — Ось так і піду! Пустіть мене, мамо!» И добилась-таки своего — отпустила ее мама в школу. И училась Галя наравне со сверстниками новым наукам — счету и письму. И еще — каждый день заново — училась такому трудному для нее искусству ходьбы.

Может быть, именно тогда, на рассвете жизни, когда падали в траву осенние яблоки, неотступно стояли в памяти налитые слезами глаза матери и тянулась длинная, трудная дорога в школу, — закладывались первые камни и другой дороги, той дороги, которую еще предстояло пройти, все так же тяжело, но упорно опираясь на палочку, Галине Александровне Бондаренко.

Беда, как известно, ходит не одна. И все-таки любая из них приходит неожиданно. Галя училась в пятом классе, когда опять тяжело заболела, — на этот раз энцефалитом. В своих дневниковых записях она потом вспоминала: «Я не могла понять, что случилось: в глазах темно, кровь сочится из носа, и так ти-

хо-тихо — как дома, так и в школе». Детская душа погрузилась в долгие сумерки глухоты, слепоты и безмолвия. Лишь после длительного лечения, благодаря большому упорству медиков, которые боролись за жизнь и здоровье девочки, болезнь начала отступать — частично восстановилось зрение, вернулись речь и ясное восприятие мира. Но мир звуков оказался утраченным навсегда. Это было огромной потерей для ребенка, с раннего детства ограниченного в движениях и причастного к жизни большого мира лишь путем обострения чувствительности: ее глаза всегда были широко распахнуты навстречу жизни, а внимательная и серьезная сосредоточенность позволяла ей слышать то, что проскальзывало мимо ушей ее вечно куда-то бегущих сверстников. Теперь она была лишена и этого. Что ей осталось? Но осталось, как выяснилось в дальнейшем, не так уж мало. Прежде всего, остался при ней ее сильный, негибаемый, закаленный тяжелыми недугами характер и рано пришедшая духовная зрелость. В переходном возрасте, когда обычные дети переживают внутреннюю ломку, не зная, куда им идти и за что взяться, Галя Бондаренко уже была вполне сложившейся, цельной личностью. И когда сердобольная мама, беспокоясь о будущем, говорила, что Гале трудно ходить и у нее часто болит голова, а потому лучше всего ей было бы учиться на швею, девочка оказывала молчаливое сопротивление. Но один раз не выдержала, сорвалась и даже топнула ногой: «Мама, ты хочешь, чтобы я была портной? Нет, мама, я буду учиться!» Галя уже давно и свободно, почти без ошибок, говорила на русском, потому что на этом языке учили в школе. В учебе она не давала себе никаких поблажек и

чувствовала себя очень обязанной учителям и товарищам, которые помогали ей учиться наравне со всеми. И сельскую школу она закончила успешно, с отменой только двух предметов — физкультуры и пения.

Был у Гали один небольшой секрет. Тогда, сорвавшись, она накричала на маму. Но, одумавшись, почувствовала угрызения совести. И, чтобы искупить свою вину, стала потихоньку, чтобы никто не видел, шить всякие вещички младшим сестренке и братишке. Со временем ей удалось достать учебник по швейному делу, и «подпольным» способом приобретенная профессия швеи очень ей пригодилась в будущей взрослой жизни. Чувство благодарности и любви к матери — самой большой любви в ее жизни — сохранилось в Галином сердце на все последующие годы: «Мама, живая или мертвая, — всегда стоит перед моими глазами...»

Закончился первый период жизни, включающий в себя трудное детство и горькую, но полную честной и не безуспешной борьбы юность. А что же дальше? Жизнь ставила перед Галиной Бондаренко новые вопросы, но ранняя зрелость души помогала ей справляться с любыми трудностями, решать все проблемы настойчиво и основательно. Она уже привыкла к тому, что ей за все приходится бороться, прилагая все свои силы. Но — «один в поле не воин», и, конечно же, человеку, оглохшему в детстве, легче жить, если он связывает свою судьбу с Обществом глухих. А потому шестнадцатилетняя Галя начинает свою трудовую деятельность учительницей по ликвидации неграмотности среди глухонемых в небольшом городке Артемовске Донецкой области, постепенно приви-

кая к новому, почтительному обращению: «Галина Александровна». Учительствовать Гале очень понравилось, да и глухие у нее учились с большим удовольствием — «словно хлеб с маслом ели». И позже, поступив швеей на государственную фабрику, Галина Бондаренко продолжала заочно учиться «по линии педагогики».

В Украинском обществе глухих Галина Александровна начала работать с 1940 года — на хлопотливой и беспокойной должности инструктора горотдела УТОГ (в том же самом Артемовске, и с этим городом связана вся ее дальнейшая жизнь). А спустя время она сама возглавила работу городского отдела Общества.

И вот — война. Эвакуация в Казахстан вместе с группой других неслышащих вынудила ее на продолжительное время прервать работу в Украинском обществе глухих, без которого она уже не мыслила своей жизни. Военные годы были для Галины Александровны жестоким безвременьем, невозможностью применить в полную силу свои знания, умения и навыки. Никто лучше ее не мог тогда осознать, какое это тяжелое испытание — глухая тоска по работе. Все болезни и все печали, от которых она спасалась только полным погружением в работу, вновь заявили о себе в полный голос, заговорили с ней в тишине бессонных ночей.

Лишь в 1944-м, после освобождения Артемовска, вернувшись из эвакуации по вызову председателя Донецкого (тогда он назывался Сталинским) облотдела Марии Дмитриевны Радомской, смогла Галина Александровна возобновить работу городского отдела УТОГ. Утомленная долгим вынужденным бездей-

ствием, она принимается за дело с невиданным энтузиазмом. Выполняя нелегкие (а для нее, человека с тяжелой инвалидностью, нелегкие вдвойне) обязанности председателя горотдела УТОГ на общественных началах и подрабатывая по ночам шитьем, она добивается от местных властей, чтобы были выделены помещения для горотдела УТОГ, клуба и школы глухих, принимает на себя руководство работой школы, проведение деятельности по объединению неслышащих жителей Артемовска и привлечению их к активной трудовой жизни. Как магнит, она притягивала к себе глухих, заражая их своей жадой деятельности, сплачивала в единое, монолитное целое. Весь город еще лежал в руинах, а в Обществе глухих уже вовсю бурлила жизнь, и эту новую жизнь дала ему неизлечимо больная женщина — не только лишенная слуха, но и полуослепшая, тяжело опирающаяся при ходьбе на палочку. Это был акт большого личного мужества, но еще большее мужество заключалось в том, что Галина Александровна не только сама не сосредоточивалась на своих недугах, но и не позволяла замечать их другим. «Я ухожу в работу с головой, и все печали остаются за спиной», — говорила она, и далеко не каждый мог понять, какое преодоление внутренней трагедии кроется за этим афористично-веским высказыванием.

Только через год Галину Александровну Бондаренко утвердили в должности председателя горотдела, и она стала, наконец, получать зарплату. Это было для нее, не имеющей никаких других источников дохода, кроме собственного труда, большим облегчением. Но и когда полуголодные дни и ночные бдения за швейной машинкой отошли в прошлое, разве мог-

ла она успокоиться, дать себе какое-то послабление или хотя бы временную передышку! Не таким человеком она была, подлокотники мягкого кресла руководящего работника жгли ее мозолистые, огрубевшие от непрерывной работы ладони. И придумывает она себе все новые хлопоты, и затевает все новые дела: открытие сапожной и часовой мастерских, в которых работали неслышащие, а позднее — швейной, на базе которой был создан учебно-производственный комбинат УТОГ. Галина Александровна Бондаренко была назначена директором комбината и на этой должности бессменно проработала тридцать три года, до самого выхода на пенсию. Но можно ли назвать «должностью» то, что было для нее жизнью? Даже не имея необходимого технического образования, благодаря лишь трем «китам» — несгибаемому упорству, необыкновенному трудолюбию и неизменной вере в людей, Галине Александровне удалось превратить свое детище в одно из лучших учебно-производственных предприятий УТОГ. Первенство в социалистическом соревновании и переходящее Красное знамя Донецкого облотдела УТОГ Артемовский УПК во главе с Г.А. Бондаренко удерживал в течение пяти лет, и это было предметом ее большой гордости.

А в той жизни, которой живем мы все, выходя из рабочего помещения, Галина Александровна была человеком скромным и простым, мягким и добросердечным. Она, как когда-то маленькая Галя, сидящая у открытого окна, приветливо и радостно кивала всем проходящим мимо и всем приходящим к ней. Детская, ясная ее душа, несмотря на рано приобретенную зрелость, не огрубела, не очерствела со вре-

менем. А женское сердце, если его не ожесточила жизнь, — это родник любви, из которого может испытать всякий страждущий и нуждающийся, жаждущий помощи животворной, целительной, понимающей. Кто мог понять нужды людей, лишенных слуха, больше чем она, бывшая им матерью, сестрой и подругой в одном лице? Кто мог принять их болезни и беды ближе к сердцу? Многие глухие обращались к Галине Александровне, как в горе, так и в радости, — и для каждого находила она и время, и душевные силы, и доброе слово. Эта на редкость отзывчивая и, более того, милосердная женщина не только оказывала сильную реальную помощь, но делала все возможное и невозможное, чтобы кого-то спасти, защитить, вывести в люди... И знают ее по всей Украине, и помнят о ней не только как о неутомимой труженице и опытном руководителе, не только как об одном из первых почетных членов УТОГ, хотя это высокое звание ею вполне заслужено. Не угасает память о ней и как о живом источнике любви человеческой, как о страннице-подвижнице, смиренно и мужественно преодолевшей горькую жалобу плоти, безмолвный крик души и такую трудную и долгую дорогу — дорогу длиною в жизнь.

*Пусть он не видит зелени листвы,
Не слышит пенья птиц в небесной выси...
Когда-то, наконец, поймете вы:
Мы все от доброты людской зависим.*

У НЕГАСИМОГО СВЕТИЛЬНИКА

*И надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.*

Борис ПАСТЕРНАК

Н. В. КАЛИНИЧЕНКО
(1919—1990)

В зимний холод нас согревает огонь, над которым можно протянуть ладони, ощущая всей кожей его спасительное тепло; во время духовного холода может согреть и спасти лишь тепло души человеческой, горение бескорыстного сердца, отданного на служение людям. Если же нет рядом такой души и такого сердца, можно обратиться к воспоминаниям о тех, кто уже ушел из жизни, но оставил о себе добрую память — немеркнущий светильник, на свет и тепло которого продолжают слетаться души, замерзшие от жестокости и равнодушия, нуждающиеся в помощи и поддержке, просто уставшие от ставшей привычной бесчеловечности. Нет, конечно, совсем бессердечных людей, не излучающих никакого тепла или хотя бы видимости

участия, но несомненно одно — человеческого тепла в мире стало гораздо меньше. И греемся мы, прикасаясь к именам и делам ушедших подвижников и миротворцев, благо невидимого огня их хватало не только тем, кто жил с ними на одном витке истории, но хватает и тем, кто подкручивает фитиль светильника, заставляя его светиться так же ярко, как и в прежние времена, и тем, кто, привлеченный далеким светом, устремляется на его призыв.

Оттого, когда читаешь страницы воспоминаний о Николае Венедиктовиче Калиниченко, почти явственно чувствуешь исходящее от них тепло, — так сердечны и проникновенны воспоминания о нем, они просты и безыскусны, но очень искренни, нет в них ни слова лживой фальши или безучастной обязательности. И это искреннее тепло души — отраженный свет того большого огня, который принес неслышащим людям этот скромный и добродушный собрат античного Прометея.

Он любил повторять крылатую фразу, как нельзя лучше раскрывающую его глубинную сущность и ставшую девизом всей его жизни: «Плачьте с плачущими и радуйтесь с радующимися». Еще в юности, когда многие бывают безотчетно жестоки с окружающими, он был незаменимым другом, готовым по первому зову откликнуться на чужое горе и пережить его как свое собственное. Но еще больше, чем в беде, друзья познаются в радости, — и никто не мог радоваться счастьем другого больше, чем Николай Калиниченко. Больше того, дар человеколюбия, которым он был наделен в избытке, словно переходил на всех, с кем ему доводилось общаться, и даже враждебно настроенные друг к другу люди благодаря «Нико-

лаю-миротворцу» сознавали, что напрасно погорячились, и начинали испытывать радость примирения. Что бы ни было причиной раздора, устранить ее всегда можно мирным путем, и мягкий, внимательный Николай Венедиктович, больше всего на свете не любивший человеческой грубости и жестокости сердца, был твердо убежден в том, что только мирное решение всех проблем и вопросов может принести добрые плоды. Он верил, что именно доброта, а не что-то иное, может спасти мир.

Не из маленького ли села Николаевка на Харьковщине, где 20 июня 1919 года он родился и где прошло его далеко не безоблачное, полуголодное, омраченное болезнью и последующей вслед за тем глухотой детство, вынес Николай Калининченко эту великую истину?

Не успел Николай окончить Киевский рабфак, как началась война. Эвакуировавшись в Камышин, он стал рабочим на обувной фабрике, изготавливающей обувь для фронта, а по вечерам спешил в клуб, где руководил художественной самодеятельностью. И, перевоплощаясь вместе с другими актерами в тот или иной сценический образ, делал это увлеченно и радостно — словно и не было перед тем изнурительного трудового дня, словно и не падали тяжелыми камнями на сердце неутешительные вести с фронта. Юность — всегда прекрасна, она всегда верит в победу добра над злом, и радость жизни, когда тебе двадцать два, бьет через край, помогая тем, кто слаб, упал духом или отрезан от мира своим недугом. Три года, проведенные в эвакуации, закалили Николая и воспитали его характер, сделав его и твердым и мягким одновременно. Эта кажущаяся

противоречивость его натуры удивляла потом многих людей, с которыми ему приходилось жить и работать, но в этой противоречивости не чувствовалось внутреннего разлада и противостояния: он был слаб сердцем (то есть — добр и мягок) и силен духом (то есть — спокоен и надежен). На твердом, шершавом стволе — росли нежные и прекрасные цветы... И не просто росли — излучали невидимый свет любви к людям. А они, в свою очередь, стремились к нему: ищущие свет — находят свет.

Но это, скорее, относится к внутренней биографии, которая пишется тайно, «пером незримым», что же касается биографии внешней, то здесь все развивалось своим обычным чередом: возвращение в освобожденный Донецк, работа в сельпо бухгалтером, а после Победы — инструктором Донецкого облотдела УТОГ. Это было то, что зовется жизнью, и Николай Венедиктович, никогда не стоявший от жизни в стороне, был, что говорится, ее любимцем: и работа ладилась, и люди к нему тянулись, и — даже среди развалин — так и подмывало петь: «Я люблю тебя, жизнь!» Он стремился, чтобы и другие излучали любовь к жизни, — любое уныние духа ему глубоко претило. На фотографиях того времени мы видим бойкого молодого человека с ярким огоньком в глазах и широкой, открытой улыбкой, придающей ему неповторимое обаяние. И хотя не эта улыбка сделала его знаменитым, все-таки слава не обошла его дальней дорогой — его имя стало одним из первых, вписанных в историю нашего Общества.

В 1956 году Николай Венедиктович Калиниченко был избран председателем Донецкого облотдела УТОГ и, с тех пор постоянно переизбираясь, занимал

этот пост бессменно на протяжении почти тридцати лет. Эта ответственная и обязывающая должность была как раз по нему, это был человек на своем месте. Но этим местом было не кресло начальника, дающего твердые распоряжения мягким голосом филантропа, а дорога с крутым подъемом, по которой он, мерно и твердо шагая, нес свое нелегкое бремя.

Нельзя сказать, что он был совершенно лишен недостатков и слабостей. Если бы это было так, — он не был бы человеком. Избегал, например, Николай Венедиктович принимать важные решения без согласования с вышестоящими органами. Впрочем, трудно представить руководителя, особенно в то заполитизированное время, который бы не действовал с оглядкой на партийные и прочие органы. А вот на простой люд Николай Венедиктович часто покрикивал, хоть и беззлобно, никогда не опускаясь до сварки, — так в доброй патриархальной семье глава семьи покрикивает для острастки на своих непутевых пострелят. Еще присуще было Калиниченко чрезмерное честолобие, временами застывшее ему весь белый свет. Однажды проведал он, что в Луганске появился молодой, атлетического сложения парень, к тому же и чемпион. А в Донецкой области спортивных звезд тогда еще не было. И вот вызывает он к себе методиста Артемовского ДК Раису Быковскую и говорит ей:

«Раиса, поезжай в Луганск и перемани Скоморохова к нам». «А как?» — спрашивает Быковская. «Ну, ты же молодая, — отвечает наивной девушке многоопытный руководитель. — Вот и придумай что-нибудь». Но Раиса ничего придумать не смогла, а лишь ответила, что чемпионов нужно своих растить, а не

воровать у соседей. Больше подобных поручений Николай Венедиктович не давал, но свои чемпионы в области вскоре действительно появились: Ольга Глодина (Калинина), Владимир Крейдунов, Александр Саевский, Валентина Филатова, Владимир Степанов и другие.

Однако все, кто рассказывал о нем, единогласны в том, что под руководством Николая Венедиктовича было удивительно легко работать: он давал полную свободу, не забывая в то же время о контроле. Ему удалось найти ту «золотую середину», при которой были и «овцы целы», и «волки сыты», иными словами — и подчиненные, и начальство были довольны. А это, как всем известно, бывает редко и требует немалых усилий с обеих сторон. И, конечно же, именно счастливой миротворческой натуре Николая Венедиктовича, его светлой и доброй сущности были обязаны многие работники Донецкой организации УТОГ тем, что в их общем доме царили мир и покой. А если все-таки и возникали какие-то внутренние конфликты, то все они быстро и разумно улаживались при непосредственном участии Николая Венедиктовича, блистательно вершившего «суд Соломона» — кому из двух матерей отдать младенца. Учительница Донецкой вечерней школы Белла Карповна Притула, вспоминая о нем, обронила знаменательную фразу: «Я не помню его во гневе»...

Таким он и остался в памяти учеников и учителей Донецкой вечерней спецшколы для молодежи с нарушениями слуха и речи — всегда улыбающимся, заботливым, внимательным наставником. Первое сентября и «последний звонок» в школе начинались добрыми пожеланиями и напутствиями Николая Вене-

диктовича Калиниченко. Он понимал, какое большое значение имеет образование для неслышащей молодежи, видел, сколько усилий и душевного тепла учителя отдавали ученикам. И помогал словом и делом в решении многих вопросов: ремонт школы, приобретение учебных пособий, поощрение лучших учеников, их отдых и оздоровление — все это становилось его непосредственной заботой, словно он был директором школы. Да и то сказать: он постоянно учился вместе с молодежью, каждый раз заново проходя вместе с учениками все вехи обучения, живо радовался их успехам в художественной самодеятельности и в спорте. Он, как уже говорилось, очень ценил молодые таланты, а труд учителя был для него священен. Ему ли, имевшему давний опыт работы в спецшколе для рабочей молодежи, где он, в начале 50-х, вел класс по ликвидации неграмотности среди глухих (одновременно работая инструктором Донецкой областной организации), не знать, как нелегок путь, ведущий к знанию. И, объясняя учащимся самый трудный материал, он буквально перевоплощался на глазах, стараясь, чтобы до них дошел смысл изучаемого. По сути своей он был учителем — учителем с большой буквы, обладающим врожденным педагогическим тактом и даром предвидения, подсказывающим ему, по какой дороге жизни направить ту или иную душу. Он редко ошибался в этом, и колеблющиеся в выборе своего жизненного пути, обратившись к нему за советом, были ему благодарны за те простые и ясные слова, которые могли иногда перевернуть всю их жизнь, направить ее в другое русло. Да, главный секрет мудрого Учителя был прост и ясен: он учил любить жизнь — и та горячая,

сердечная, искренняя любовь к жизни, которая была его собственным «поводырем» на всех его путях, не одному из его бывших учеников сослужила добрую службу. Можно сказать, что он не просто учил иставлял кого-то, что он советовал или, наоборот, не советовал делать того-то и того-то, — он растил новое племя неслышащих людей, оптимистов и жизнелюбов, не комплексующих по поводу своего физического недостатка, верящих в себя и в свою звезду, умеющих мечтать и достигать поставленной цели.

И как повезло тем, кто жил рядом с ним, делил с ним кров и пищу, и любовь! Его жена, Софья Андреевна, была переводчицей — а значит, его постоянной спутницей и помощницей во всем. Они были нераздельны, едины не только в жизни, но и в мыслях, а что может быть лучше для людей, живущих вместе! В их доме, мирном и добром, не знали, что такое раздоры, а если и возникали какие-то разногласия, то все, как и на работе, улаживалось быстро и легко — главным образом благодаря все той же неотразимой калениченковой улыбке. И дети этой редкостно счастливой четы, выросшие в атмосфере душевного тепла и понимания, стали прекрасными людьми, чутко и внимательно относящимися к заботам и нуждам других. Все четверо — три сына и дочь — пошли по стопам отца, посвятив свою жизнь глухим людям. На одном из крупнейших предприятий УТОГ — Донецком «Электромагните» — их знают и уважают не только благодаря доброй памяти отца, но и по их собственным делам: они — отличные специалисты и незаметные помощники всех неслышащих, которые к ним обращаются. Трудно быть человеколюбивыми в бесчеловечное время — для этого надо иметь большое

сердце. И чтобы там, в этом сердце, всегда горел негасимый светильник сострадания и любви к ближним...

...А сердце самого Николая Венедиктовича, переполнившись своей и чужой болью и радостью, однажды не выдержало — и остановилось. Это произошло так просто и буднично — во время уборки дома. Еще не старый человек с мягкими, добрыми чертами лица и глубокими, внимательными глазами что-то переставлял из мебели, то и дело бросая озабоченный взгляд на большие настенные часы (вскоре кто-то должен был прийти) — и вдруг его время кончилось.

Но останавливаются сердца, обрывается жизнь, а светильник, зажженный любовью и добротой, все так же продолжает светить во мраке — не подвластный ни смерти, ни времени, ни забвению...

*И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

НА ДОБРОЙ НИВЕ

*Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.*

Сергей ЕСЕНИН

**А. Д. УГЛАЧ
(1921—1990)**

На всей Черниговщине вряд ли найдется глухой человек (разве что только самые юные), кто не знал бы — а теперь уже и не помнил — Александра Денисовича Углача. Да разве только на Черниговщине? Его знают многие в Украине.

Не боясь высокопарности, можно сказать, что жизненный путь Александра Денисовича может быть примером для тех, в чью жизнь безжалостно вор-

валась глухота.

Родился он 7 июня 1921 года в селе Щучья Гребля, что под Черниговом, в обыкновенной крестьянской семье. Раннее детство его не отличалось ничем особенным: сельские будни, тяжелый труд, постоянные злыдни. Еще в раннем детстве пристрастился Саша к труду, и никакая работа не была ему в тягость. Все возле отца: то подать ему, то принести, а если повезет — и рубанок в руках подержать.

Пришло время — и вместе со сверстниками-семи-летками пошел Саша в школу. Ах, как ему там понравилось! Ведь он от природы был любознательным и смышленным мальчиком. Вот и успехи не замедлили появиться. Но... Как многим понятно это «но»! Болезнь и потеря слуха. Что же, со школой Саше пришлось попрощаться, едва закончив первый класс. Да не в его характере — оставлять то, что начал. Эта черта была присуща Угладу до конца его дней.

С помощью старшей сестры и друзей он одолел азы начальной школы, а потом, уже самостоятельно, освоил программу в объеме 7 классов. От жизни не отставал ни на шаг, участвовал в работе комсомольской организации села, а весной 1938 года был принят в ряды ВЛКСМ, что было еще одним доказательством победы над недугом.

Осенью 1938 года Александр поступил в Киевский индустриальный рабфак, успешно проучился 3 курса и выбыл в связи с ликвидацией рабфака в 1941 году. Причиной ликвидации было начало Великой Отечественной войны.

Война, оккупация... Но все проходит — прошло и это. Настал незабываемый день освобождения земли Черниговской, год 1943-й. Все, от мала до велика, были брошены на восстановление городов и сел, и Александр Углад тоже не остался в стороне — приступил к работе слесарем на Рубанковской МТС, занимая авангардную роль на производстве и в общественной жизни. В июне 1945 года получил он свою первую награду — Президиум Верховного Совета СССР наградил его медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В эти же годы началась любовь Александра и мо-

лоденькой сельской учительницы Шурочки — первая и последняя. Переплелись судьбы молодых людей на всю жизнь. Александра Павловна стала Александр Денисовичу не только женой, но и терпеливым другом, добрым советчиком. Она отличалась удивительным постоянством во всем, и долгие годы, до самых седых волос, преподавала в Черниговской вечерней школе для глухой молодежи.

День за днем, год за годом страна избавлялась от ран, нанесенных войной, постепенно восстанавливалось народное хозяйство. Возобновляло свою деятельность и Украинское общество глухих, которое все больше нуждалось в инициативных, энергичных людях. Александр Углач был именно тем человеком, который мог сплотить неслышащих воедино и повести их за собой. Заметили его и пригласили в Чернигов работники областного отдела УТОГ.

Александр Денисович Углач начал работать в системе УТОГ с августа 1952 года на должности заместителя директора по учебно-воспитательной работе Черниговского учебно-производственного предприятия УТОГ. Он очень легко и быстро вошел в новый коллектив и своими деловыми качествами, талантом организатора завоевал авторитет среди членов УТОГ. В 1954 году Углача избрали председателем Черниговского областного отдела УТОГ. На этом посту он работал до 1966 года.

Именно в эти годы Черниговская областная организация пережила свой наибольший расцвет. Под личным руководством Углача были построены здания Черниговского и Прилукского домов культуры, Нежинский, Щорский, Новгород-Северский, Бахмачский клубы. Под личным руководством... Да разве

Александр Денисович мог усидеть в своем кабинете, «нажимая нужные рычаги»! Подбор места под строительство, проектные работы, добывание строительных материалов — все это делалось при его личном участии. А само строительство! Все Александр Денисович пробовал делать сам: от фундамента до кровли. Работа в его руках так и кипела, своим примером он подстегивал и зажигал всех остальных...

Этот период также ознаменовался большим подъемом оргмассовой, культмассовой и спортивной работы среди неслышащих области.

Для Украинского общества глухих конец 60-х можно условно назвать временем «индустриализации». От примитивного кустарного производства предприятия переходили на новые «экономические рельсы». Поэтому, когда встал вопрос о строительстве в Чернигове нового учебно-производственного предприятия, у руководства ЦП УТОГ не было никаких сомнений — возглавить предприятие должен Углич, член президиума ЦП УТОГ.

Перейдя в 1966 году на должность директора УПП УТОГ, Александр Денисович не изменил своему стилю работы — ни во время строительства нового благоустроенного здания, ни позже, когда внедрялась на предприятии передовая по тому времени технология и новая техника. Приобретая опыт руководства людьми, он не отказывается от привычки сельского парня делать все своими руками. Поэтому те, кто хорошо знал Углича, ничуть не удивлялись, видя его то в «яме» под автомобилем, то за ремонтом швейной машины, то возящимся с трудным в пошиве брезентом. Александр Денисович считал: если он руководи-

тель, то должен быть компетентен во всем. А чтобы быть компетентным — нужна практика.

И еще — знания. Александр Денисович занимался самообразованием постоянно, и уже в солидном возрасте, будучи директором, получил образование юриста в Черниговском юридическом техникуме. И по сей день многие преподаватели помнят его, пытающегося досконально разобраться во всем и сильно сердившегося на своих наставников за попытки делать ему какие-либо поблажки. Конечно, поступали они так, учитывая его возраст и глухоту. А вот силу воли этого необыкновенного человека не всегда учитывали. Они не знали, что он — настоящий, и что нужно ему — только настоящее, крепкое и надежное, и что он — один из тех, что сделали себя сами.

Углич Александр Денисович вышел на пенсию в 1985 году. Хотелось, наконец, побольше времени отдать семье, детям, подрастающим внукам. А еще хотелось, как когда-то в детстве, побыть наедине с природой, приблизиться к земле, которая всегда придавала ему новые силы, как мифическому герою Антею. Просто прислушаться к неслышному росту трав, к тихому дыханию полей — дыханию жизни...

Теперь он живет в памяти тех, кто с ним работал, кто обращался к нему с житейскими проблемами, кто живет в домах, которые, как до сих пор говорят в народе, «построил Углич». Недаром народная мудрость гласит: что посеешь, то и пожнешь. Те семена, что посеял Углич, взошли щедрым урожаем на доброй ниве.

И на всей Черниговщине вряд ли найдется глухой

человек, кто бы не знал и не помнил Александра Денисовича Углача.

*Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, злорящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.*

Тамара СЕЗОНОВА, Зоя ПОЧЕПЦОВА

НАША БОЛЬ И ГОРДОСТЬ НАША

*Я хочу быть деревом в разливе,
в половодье посреди стремнин.
Не могу не удивляться иве,
направляющей движение льдин.*

Николай УШАКОВ

Б.В. СТАРУШИНСКИЙ
(1917—1982)

Казалось, в наше очень трудное время кому какое дело до человека, уже давно ушедшего из жизни. Но память людская творит чудеса. Чем дальше в глубь времени, тем она кажется ярче, живей. Может, все познается в сравнении?

В личной жизни Борис Васильевич был удивительно скромным человеком. Он всегда был готов прийти на помощь другим, но за себя постоять — дело, как известно, довольно трудное, щекотливое. Может быть, потому и сложно было ему в мире житейском среди неурядиц и передраг. Может быть, потому и удалось ему, воспитав в себе большую силу духа, выстоять и преодолеть все беды и невзгоды.

Уроженец Петербурга, он был третьим мальчиком в семье рабочего типографии. Мать его не работала,

занималась хозяйством, детьми.

Северный климат и вредные условия труда отрицательно повлияли на здоровье отца, и в 1918 году семья переехала в Донбасс, в город Сталино. Но изменение климата желаемого результата не дало, и в 1920 году отец умер.

Сам Борис, переболев тифом, оглох. Часто в его жизни и до этого, и потом судьба не всегда была к нему благосклонной, но в этом случае хоть в чем-то сжалась, частично оставив ему слух. Он временами мог обходиться без услуг переводчика.

А вот учиться не пришлось. Знания мальчик черпал дома, при помощи матери и братьев.

В 1932 году он был принят на работу в горком помощи инвалидам, который потом переименовали в артель инвалидов «Металлист».

Детские годы и годы возмужания, обретения самостоятельности, прошли под опекой старших товарищей и с сознанием необходимости помогать матери. Эти годы были нелегкими, но плодотворными для становления Бориса Васильевича Старушинского как профессионального рабочего. В артели постигал он азы трудового ремесла, науку работы с металлом.

Потом Борис Васильевич всю свою жизнь будет делиться этими знаниями со своими братьями по несчастью.

В 1939 году его избирают членом правления Сталинской (ныне Донецкой) областной организации глухих и направляют в Горловку на руководящую работу, но через год он уволился по болезни и переехал в Днепропетровск, где работал в артели «Точная механика».

В феврале 1941 года Старушинский вернулся в

Сталино, в свою артель «Металлист». Здесь он проработал до начала войны, а затем судьба забросила его в Сталинград, где он был слесарем в тресте «Энергоремстрой».

Фронт неумолимо приближался к городу на Волге, и Старушинский был вынужден эвакуироваться в Узбекистан, где работал на Кокандском маслозаводе.

В 1944 году Бориса Васильевича мобилизуют и направляют в 100-ю гарнизонную часть, а затем переводят на 236-ю военную базу, где он прослужил до апреля 1948 года.

В эти военные и послевоенные годы знания и умения Бориса Васильевичагодились в танковой мастерской, а потом — в окружной стационарной танковой ремонтной базе, которая находилась в г. Чирчик в Узбекистане. Армейский период своей биографии завершил он в должности начальника цеха ремонтной базы.

Его военные заслуги отмечены медалью «За победу над Германией».

Из-за большой скромности Бориса Васильевича нам многое неведомо из его биографии тех лет.

В мае 1948 года он снова возвращается на родину, в артель «Металлист», в которой начинал свой трудовой путь.

Его авторитет как человека грамотного, а такие — мы знаем — в те послевоенные годы были на вес золота, способствовал тому, что в 1950 году Бориса Васильевича вновь выдвигают на руководящую работу — художественным руководителем Сталинского дома культуры УТОГ, а затем назначают его директором.

Одновременно Борис Васильевич по совместительству был инструктором производственного обучения на УПК глухих.

И, хоть по роду основной деятельности приходилось ему вникать во все тонкости культурно-массовой работы, мысли его были на производстве, с выпускниками спецшкол глухих — переростками послевоенных лет, которых он как инструктор готовил к жизни, к труду.

Так, по зову своей неугомонной души, Борис Васильевич уходит с должности директора ДК УТОГ на производство, чтобы полностью отдать себя делу обучения и воспитания молодых рабочих.

В мае 1954 года его назначают исполняющим обязанности технического руководителя УПК (теперь это должность главного инженера).

Уже сам факт этот примечателен, ведь Борис Васильевич был первым глухим на Донецком УПК УТОГ, на которого полностью возложили ответственность за техническое руководство предприятием.

Б.В. Старушинский — талантливый самородок-самоучка. Ведь, имея всего лишь четыре класса образования, он возглавлял сложнейшее производство, вникал во все технические новинки, черпая их из специальной литературы, из газет и журналов.

Не секрет, что Донецкое предприятие «Электромагнит» УТОГ и по сегодняшний день опирается на те основы, что были заложены Б.В. Старушинским.

А начиналось наше предприятие в 1944 году с сапожной мастерской и фотографии. Затем производство стало многоотраслевым. Изготавливали гвозди, сетки для кроватей, вешалки, карнизы, а также электроутюги, нитки мулине и другие виды

продукции. Позже освоили ткачество, стали выпускать покрывала и женские шерстяные платки.

В то время, когда Б.В. Старушинский пришел на предприятие, остро стоял вопрос о переходе на передовые технологии, на выпуск более прогрессивных видов изделий.

Именно Старушинский — опытнейший металлист-производственник, как никто подходил для этой новой и сложной работы.

Ведь, как известно, в жизни нет ничего случайного. И приход Б.В. Старушинского на наше предприятие в то далекое уже время — тоже не случайность, а жизненная необходимость, единственно правильное тогда, в тех условиях, решение.

Начал Борис Васильевич с самого главного — с подготовки кадров рабочих металлообрабатывающих профессий. Две группы производственного обучения набирались каждые два года. Готовили слесарей-инструментальщиков и токарей.

Лучшие из выпускников групп производственного обучения пополняли золотой фонд высококвалифицированных специалистов инструментального цеха УПК. Большая же часть окончивших обучение получили направление на государственные предприятия.

С большим удовольствием наших молодых рабочих брали на Ясиноватский машзавод, Путиловский завод г. Донецка (ныне завод точного машиностроения) и завод резиновых изделий.

Сердце производства — инструментально-экспериментальный цех — становится прочной опорой Бориса Васильевича. В этом цехе были сильные, опытные рабочие кадры, с которыми можно было смело браться за новое, неизведанное ранее дело.

И на Донецком предприятии глухих решились на такой решающий шаг. Было подготовлено оборудование и оснастка под выпуск новой продукции — электроустановочных изделий.

Вскоре предприятие перешло на выпуск новых видов продукции. Электропатроны, электровыключатели, розетки, реле и другие изделия пользовались большим спросом во многих областях Украины и республиках бывшего Союза.

С гордостью можно назвать учеников Старушинского, таких как: А. Дорофеев, Л. Дробященко, Е. Тельтевский, В. Липницкий, С. Гончаров, Н. Ковтун. Это были самые-самые, а всех просто трудно перечислить.

Но не долго отдавался любимой работе Борис Васильевич. Не давали ему проходу завистливые, недоброжелательные люди. Не могли они примириться с тем, что производство возглавляет человек с начальным образованием. Не признавала его и партийная элита.

Бориса Васильевича перебрасывают с одной должности на другую: начальник планово-производственного отдела, технолог инструментального цеха.

И тогда Старушинский решает уйти с предприятия.

Но были в его окружении и порядочные люди. На президиуме Донецкого облотдела УТОГ не дали сразу ходу заявлению Бориса Васильевича, в котором он написал: «в связи с создавшимися невыносимыми условиями работы, прошу уволить...», а вынесли справедливое решение: «От предоставления расчета Б.В. Старушинскому воздержаться до решения вопроса о выделении ему квартиры. Ходатайство-

вать перед местными советскими и партийными органами об оказании ему помощи в предоставлении жилья».

Однако Борис Васильевич все же ушел с УПК на государственное предприятие «Углеавтоматика», где стал работать бригадиром в экспериментально-инструментальном цехе.

Нелегко было глухому на ответственной работе в среде слышащих. И потому сам попросился в рабочее.

На «Углеавтоматике» он проработал с 1966 по 1989 год — год своей смерти.

А с Обществом Борис Васильевич связи не порывал. Его по-прежнему любили и верили ему, глухие люди постоянно отвечали ему признательностью и уважением.

Борис Васильевич неоднократно избирался членом президиума областного отдела УТОГ, членом Центрального правления УТОГ.

Долгие годы он активно участвовал в художественной самодеятельности ДК УТОГ. Сыграл немало интересных ролей в спектаклях. Эти спектакли с участием Бориса Васильевича видели неслышащие зрители и Украины, и республик бывшего СССР.

В заключение, справедливости ради, надо сказать, что на трудном жизненном пути Бориса Васильевича порой помехой были и некоторые черты его характера: настырность, излишняя прямота, самостоятельность в решении тех или иных вопросов производства.

С горькой иронией Борис Васильевич говорил, что получал за свою работу не только «пироги и пышки, но и синяки, и шишки». Последних, по его словам, было больше.

А нам, его друзьям и ученикам, тем, кому посчастливилось рядом работать и общаться с ним, всегда вспоминаются добрые дела его, почины, творческие порывы.

Именно такие самобытные, неординарные личности, как Б.В. Старушинский, и составляют гордость и славу нашего Общества, и благодарная память о них должна переходить из поколения в поколение, служить образцом беззаветного служения делу и людям.

Однажды в марте, в пору ледокола, он увидел, как льдины стремительно неслись на дерево в разливе — но оно, одинокое и беззащитное, все-таки выстояло. Тогда он понял, что точно так же надо противостоять ударам судьбы.

*Вот опять их флот свирепый мчится,
потрясая вербою опять.
Содрогнувшись,
не переломиться,
выстоять и направление дать.*

Ніна САЄНКО

ЖИТО — ЖИТТЯ

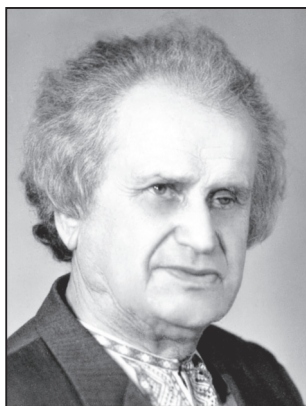
*Серед степу широкого — посивілий,
як віхола.*

*І чоло його бронзове в голубінь
вироста.*

*За плечами похилими літо бабине
дихає.*

*А жита — як літа його, а літа —
як жита.*

Борис ОЛІЙНИК

**О.Ф. САЄНКО
(1899—1985)**

Видатний український митець, народний художник України Олександр Ферапонтович Саєнко належить до славетної когорти української інтелігенції, яка, починаючи з 20-х років минулого століття, творила духовний фонд нації. Понад 500 творів залишив митець у скарбниці українського мистецтва. Творив свій неповторний дивовижний світ Олександр Саєнко хлібним стеблом, черпаючи натхнення із глибинних джерел народної культури та мистецтва. Лише через роки можна осягнути велич постаті Олександра Саєнка, лише з роками стає вона все могутнішою.

У 1999 році ім'я Олександра Саєнка стало відоме

світові — 100-річчя від дня народження художника відзначалось за рішенням та участю ЮНЕСКО, а його ім'я було занесено до календаря пам'ятних дат цієї міжнародної організації.

Складним, сповненим тяжких випробувань і втрат, що випали на долю його покоління, було життя. І водночас доля усміхалася йому, даючи натхнення і творчі здобутки, вірних і щирих друзів, втіху від єдиної доньки Ніни та онуки Лесі.

У ранньому дитинстві, перехворівши на скарлатину, він втратив слух і мову. Це обмежило спілкування з оточуючим світом, і, водночас, це внутрішнє зосередження дало поштовх, потяг до світу прекрасного і визначило його мистецьку долю.

Зростав Олександр Саєнко у Борзні на Чернігівщині у сім'ї завідуючого школою садівництва Ферапонта Петровича Саєнка та його дружини Мотрони Іллівни. Сім'я була великою — п'ятеро дітей, найменший — Олександр. У родині завжди панували мир і злагода, взаємна повага і розуміння. Невдовзі після народження останнього сина Ферапонт Саєнко був засланий царським урядом за прогресивні погляди на Північ — у Пінегу Архангельської губернії, і сім'я надовго залишилася без господаря дому.

З дитинства Олександр виявив зацікавленість до малювання, вирізував візерунки на батіжках, якими пас гусей, виклеював узори з соломи. «Ото їдуть дядьки волами, а під возом хитається мазниця з дьогтем, я підбіжу, вмочу паличку в дьоготь, та й клею ним солону», — згадував він.

Одного разу за таким заняттям застав хлопця син відомого художника Миколи Ге — Петро Миколайович, що приїздив у гостини. Він порадив Мотроні Іл-

лівні віддати сина вчитися до Петербурзького імператорського училища глухонімих.

Важкими були дев'ять років навчання, бо хлопець був відірваний від сім'ї, і водночас — цікавими, бо саме там він почав оволодівати основами образотворчої грамоти. Завдяки педагогам, яких викликали з Академії мистецтв для навчання обдарованих дітей, Олександр навчився добре малювати, цікавився літературою з мистецтва, відвідував виставки, які на той час експонувалися в Петербурзі. Утвердилось бажання вчитися мистецтву.

«Одного разу в травні 1916 року я зібрав усі малюнки, написав заяву з проханням прийняти мене до Академії мистецтв і пішов до ректора. Переглядаючи мої малюнки, ректор і викладачі з недовірою і якоюсь зверхністю дивились на мене. Нарешті ректор написав мені на клапті паперу, що глухонімих хлопець не може вчитися в Академії, бо він не опанує теорії мистецтва і викладачам буде важко з ним спілкуватись. Тяжко переніс я відмову, — згадував Олександр, — гірко було на душі. Шлях до мистецтва, про що мріяв останні роки, був закритий для мене».

Повернувся додому. Всі турботи по господарству лежали на материних плечах, тож допомагав їй господарювати. Але мрія про мистецьку освіту не полишала Олександра. Він записується в студію до Андроника Лазарчука, вихованця Петербурзької Академії мистецтв, і відвідує її разом з Володимиром Костецьким та Полем Лазарчуком. Їде в Київ і вступає до художньої школи, але почалася громадянська війна і школу було закрито. «Невдача на цей раз не зупинила мене, — згадував Олександр. — Бажання вчитись було нестримним. І ось я вже студент Мирго-

родського художньо-промислового інституту, пізніше перейменованого в училище. Подив і захоплення викликали мої малюнки у викладачів. Особливо сподобались мої роботи ректору інституту Василю Григоровичу Кричевському, який любив і глибоко розумів українське народне мистецтво».

На жаль, вчитися у Миргородському інституті довелося лише кілька місяців. Голод, холод, розруха зрештою привели до того, що інститут був закритий, а студенти роз'їхалися по домівках.

Влітку 1920 року Олександр отримав лист-запрошення від В. Кричевського приїхати на навчання до Української Академії мистецтв у Києві.

«...Умови навчання в інституті були важкими... Не було паперу, на якому ми могли б малювати. Використовували газети, аркуші з книг і малювали, малювали, бо любов до мистецтва була над усе. Пам'ятаю, як я сам викроїв і пошив собі штани та сорочку з полотна і носив їх. На сорочці за власним ескізом зробив вибірку олійними фарбами, а штани були темні в смужку. В інститутському гуртожитку було холодно, часто не було води, і ми, студенти, їхали в Боярку заготовляти дрова, а за водою спускались до Дніпра. Багато студентів не витримували і повертались додому, кидаючи навчання. Моїми друзями по навчанню в той час були — Є. Дмитрієва, В. Костецький, О. Сиротенко, Т. Бойчук, І. Кисіль, С. Колос».

Часто В. Кричевський — керівник майстерні внутрішнього оформлення інтер'єрів, в якій навчався О. Саєнко, відлучався у справах з інституту і в такі дні доручав Олександрю, як найкращому із своїх учнів, проводити заняття з композиції та народно-декоративного мистецтва. Студенти готували ескізи оформ-

лення меблів, килимів, вибіжок, керамічних виробів, а Саєнко допомагав їм порадами.

«Одного разу ректор інституту І. Врона зацікавився, як я проводжу заняття зі студентами, — згадував О. Саєнко. — Прийшов до нас у майстерню, сів у куточку і довго спостерігав за мною. Потім запитав у студентів, чи розуміють вони мене, на що вони відповіли схвально. Врона залишився задоволений мною і подякував за проведені заняття. Я багато допомагав своїм друзям-студентам за вказівками В. Кричевського в той час, коли він брав участь у зйомках фільму «Тарас Шевченко» в Одесі. Це була пора підготовки дипломних робіт».

І ось настав урочистий момент захисту дипломної роботи «Проект оздоби сільради». Відгуки були схвальні, а сам захист пройшов відмінно. «Дорога мамо! Пишу про свій випуск. 27 січня 1928 р. я здав усі мої дипломні роботи до кваліфікаційної комісії. 29 січня був огляд у присутності нашого професора В.Г. Кричевського і ректора інституту. І кваліфікаційна комісія зразу ухвалила мій випуск з інституту. А 31 січня був прилюдний захист дипломних робіт студентів, на якому виступив професор Таран — рецензент моєї роботи. Прочитав біографію, назвав стаж роботи і сказав, що я заслуговую звання художника-синтетика з внутрішньої організації будинку».

Олександр Саєнко вступив у самостійне художнє життя з такою характеристикою професора В. Кричевського: «1) дуже уважно ставиться до всілякої роботи; 2) найбільш цікавиться народною творчістю, яка впливає на всі його роботи; 3) уміє взяти з матеріалу, яким оперує, все характерне і цінне; 4) його творчі особливості — здібність перетворювати все,

що він собі уявляє, під власним характерним кутом. Його твори носять виразні ознаки характеру українського народного мистецтва, але без чистого етнографізму, і це дає надію на дальшу поступовість».

Після закінчення інституту В. Кричевський запропонував Олександрові Саєнку виконати два панно для оформлення приміщення історичної секції Всеукраїнської Академії наук. Працюючи над ними, Саєнко вивчав архівні матеріали. І з безлічі ескізів разом з В. Кричевським вибрали два, які стали основою монументальних панно «Козак Мамай» та «Невільники». Вперше в архітектурі був застосований мозаїчний набір соломою як новий вид монументального мистецтва. Солома, як матеріал, все більше вабить митця своїм золотистим кольором і можливістю передати геометрично стрілчасті форми, характерні для українського народного мистецтва.

Починаючи з 1924 року, О. Саєнко постійно бере участь у виставках, на початку 30-х років працює як художник-мультиплікатор на Київській кінофабриці, згодом — як художник-кераміст — у науково-дослідному інституті.

Чимало його робіт придбали музеї, Академія наук, картинна галерея Харкова. Деякі з них експонувалися на художніх виставках за кордоном — у Таллінні, Берліні, Парижі.

Наступний етап творчості починається з 1936 року, коли О. Саєнко взяв участь у I Всеукраїнській виставці українського народного мистецтва, яка експонувалася у Києві, Москві, Ленінграді. За активну творчу роботу та участь в організації цієї виставки О. Саєнко нагороджений першою премією та дипломом першого ступеня.

Напередодні війни О. Саєнко все частіше живе у Борзні, виконує замовлення музею Т. Шевченка у Києві, бере участь в оформленні павільйону України на Виставці досягнень народного господарства у Москві.

1943 року Олександр Ферапонтович одружився. Його дружина — Ганна Яківна — була вчителькою української мови і літератури. Здебільшого вона вчителювала по селах, далеко від Борзни. Але завжди поспішала додому, до сім'ї. Єдина донька Ніна залишалася під наглядом і опікою батька, який безмежно її любив і намагався прищепити їй устремління до мистецтва. Подружнє життя тривало недовго — 1954 року Ганна Яківна померла у селі Черняхів Кагарлицького району на Київщині.

Незважаючи на важкі часи, Олександр Саєнко багато і наполегливо працював. Настав час, коли відновилися дружні стосунки з товаришами по навчанню — Є. Дмитрієвою, В. Костецьким, до нього завітав М. Дерегус з дружиною, з'явилися публікації В. Касіяна, Г. Местечкіна про його творчість. О. Саєнко став веселим, бадьорим — відкрилися нові творчі горизонти і перспективи. Для підготовки персональної виставки О. Саєнко переїхав до Києва, де з великою увагою й чуйністю до нього поставилося керівництво Українського товариства глухих — К.В. Філонок та М.І. Неплюй, надавши йому приміщення для роботи, а згодом — й квартиру. За таких умов О. Саєнко міг багато й плідно працювати, гідно підготуватися до виставки.

Перша персональна виставка 1962 року стала справжнім святом не лише у родинному колі. Це була подія в українському мистецтві.

«Після зустрічі з Саєнком я ходжу радісний і підне-

сений, бо справжнє мистецтво приносить людині радість і насолоду, — говорив М. Стельмах на обговоренні виставки. — Я багатший став, багатшою стала моя душа після зустрічі з Саєнком. Той, хто виріс біля землі, хто любить хліборобський труд, збагне закономірність і поетичність Саєнкового золотого стебла. Для мене особисто за ним відкривається цілий світ моєї рідні, життя якої невіддільне від живого стебла, від золотого врожаю».

Після виставки у Олександра Саєнка почався новий творчий період. Він працює з піднесенням і натхненням, з'являються нові роботи: «Реве та стогне Дніпр широкий», «Семен Палій на коні», «Семен Палій з люлькою», «Іван Сірко», «Золота Україна», «Дума про хліб». Вісімнадцять тисяч соломінок було покладено, перш ніж перед глядачем постав останній твір у завершеності!

Коли досягали жита, Олександр Ферапонтович йшов у поле і на ділянці, відведеній для сортових стебел, відбирав соломку за кольором, щільністю стебла і станом стиглості. Те ж саме робив і з пшеничною, ячмінною, гречаною соломою, бо кожна з них має свій колір, свої відтінки. Він рідко користувався фарбованою соломою, вважаючи, що неповторна вона природним кольором. Як правило, він фарбував тло, на якому золотом переливалася солома.

Творчість — це найпотаємніша духовна діяльність людини, яку важко передбачити і прогнозувати. О. Саєнко, досягнувши визнання своїми монументальними роботами, наприкінці 70-х — початку 80-х років повертається до виготовлення килимів, керамічних виробів, вибілок, оформлення меблів. Він, як і в молоді роки, прагне до того, щоб оточення людини

було гармонійним і естетичним, відповідало смакам і уподобанням українців, носило ознаки національної культури.

Важко уявити розвиток українського килимарства без творів О. Саєнка — «Козенята під деревом», «Щедра осінь», «Червона калина», «Квіти України», які позначені гармонійною довершеністю композицій, вираженістю колірної гами. В ці ж роки О. Саєнко, разом з дочкою, виконав оформлення інтер'єрів громадських споруд.

Постать Олександра Саєнка була б не до кінця окреслена, якби не згадати про його збиральницьку та дослідницьку працю. Упродовж усього життя він збирав колекцію декоративно-ужиткового мистецтва, до якої увійшли ічнянські кахлі, вироби з дерева та кераміки, гутне скло, килими, тканини, вишивані речі, кролевецькі рушники, народний одяг, меблі. Чимало з цих творів він врятував від руйнації, відновив та відреставрував їх. Мріяв Олександр Ферапонтович створити музей народного мистецтва та побуту Борзнянщини. Першою такою спробою був музей історії Борзнянщини на території радгоспу-технікуму. О. Саєнко передав до музею історичні матеріали, етнографічну колекцію, власні твори, працював над поповненням фондів музею. Але через деякий час музей було закрито.

Нині мрія художника здійснилася. У Борзні відкрито Державний художньо-меморіальний музей «Садба народного художника України Олександра Саєнка». Майже тисячу експонатів: твори Олександра Саєнка, документальні матеріали, пам'ятні речі, колекцію народного мистецтва — передала в дар музею дочка митця.

І йдуть до музею люди, щоб вклонитися Художникові, долучитися до життєдайного мистецтва, твореного золотосіяним житом-пшеницею. І йдуть до музею діти напиться джерельно чистої води із криниці народної мудрості й талану, любові й шани до національного мистецтва.

Так хотілось би в мармурі його долю
уславити.
Тільки ж він не у камені, а в живому — живе:
Кожне зерня лице його береже в своїй
пам'яті,
Кожен колос по імені, наче батька, зове.

Юрий МАКСИМЕНКО

У ИСТОКОВ ПОБЕДЫ

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.*

Борис ПАСТЕРНАК

Т.Г. ФИЛЯНИНА
(род. в 1929 г.)

Она родилась 31 декабря 1929 года в Пензенской области, а детство и юность провела под Уфой в башкирском городе Давлеканово.

Слух потеряла в пятилетнем возрасте. В 1948 году окончила 10 классов местной общеобразовательной школы, а в 1956 году — Всесоюзный заочный институт текстильной и легкой промышленности в Москве.

В том же году переехала в Киев и была принята на работу в аппарат Центрального правления УТОГ старшим инженером по производственному обучению.

К тому времени в Украине все еще не было ни одного профессионально-технического училища, а тем более ни одного среднего специального или высшего учебного заведения, где бы глухие могли овладеть специальностью и получить необходимые знания. Более того, существовавшими до 1963 года прави-

лами приема в вузы глухие вообще не допускались даже к вступительным экзаменам. Поэтому все вопросы, связанные с профессиональным образованием глухих, Обществу приходилось решать самостоятельно. И первый из этих вопросов — обучение глухих рабочим профессиям. И в тогдашних условиях, и в более поздние годы его решение достигалось единственным путем — созданием на учебно-производственных предприятиях УТОГ специальных учебных групп.

Но чтобы поставить на предприятиях Общества обучение глухих специальностям на надлежащий уровень, нужно было в первую очередь разработать программы обучения рабочих кадров для швейных, металлообрабатывающих и деревообрабатывающих УПП УТОГ. А для их разработки нужно было привлечь специалистов не только из числа работников Общества. В незнакомом городе, среди незнакомых людей все это досталось Т.Г. Филяниной очень трудно. И все же через год— полтора программы были разработаны, отпечатаны и разосланы на УПП УТОГ.

Началось их внедрение — выезды в командировки для оказания методической и организационной помощи, проверки качества учебного процесса, создание учебной базы и новых учебных групп. Вскоре все больше УПП УТОГ стали оправдывать свое название учебно-производственных предприятий.

Именно из числа глухих выпускников этих учебных групп вскоре сложились стабильные коллективы инструментальных цехов Киевского № 2, Одесского № 3 и Донецкого учебно-производственных предприятий.

Следующий этап работы — пробивание через сис-

тему трудовых резервов открытия спецгрупп для глухих по обучению специальностям токаря и слесаря в Крюковском профтехучилище Полтавской области.

И, наконец, — пробивание вопроса о приеме глухих на обучение в техникумы Украины. Первая такая группа была создана в 1958 году в Киевском техникуме легкой промышленности. Первые выпускники: Почетный член УТОГ, начальник планового отдела Ивано-Франковского УПП Н. Зиняк, начальник планового отдела Полтавского УПП №1 В. Богданец, отличники УТОГ — В. Заднепровская, И. Коломиченко, ветераны УТОГ — Е. Золотарева, Ж. Трохимец и многие другие.

Первая группа себя хорошо зарекомендовала, за ней последовал и второй набор. Обучение неслышащих в этом техникуме продолжается уже более 40 лет.

Вслед за этим удалось организовать набор неслышащих студентов в Житомирском техникуме деревообработки и в Харьковском машиностроительном техникуме.

Дальнейшую работу по определению неслышащих в техникумы, а затем и в вузы Украины, осуществляли другие работники аппарата ЦП УТОГ, а сама Т.Г. Филянина в 1961 году была назначена директором создаваемой в Обществе Курсовой базы УТОГ, перед которой была поставлена задача обеспечить подготовку и повышение квалификации кадров для Общества.

В должности директора Курсовой базы (впоследствии переименованной в Республиканские курсы УТОГ) Татьяна Георгиевна проработала без малого 20 лет, обеспечив не только становление Курсов, как

одного из авторитетнейших структурных подразделений УТОГ, но и строительство для них собственного помещения с общежитием по Кловскому спуску, 18.

Повышение квалификации было начато с первых руководителей — директоров УПП и председателей областных отделов. За двадцать лет практически почти все категории руководящих кадров, инженерно-технических работников и служащих УПП, областных и городских отделов, а также всех культучреждений Общества были охвачены той или иной формой обучения. Всего через Курсы прошло 7,5 тысяч работников.

Лекции, доклады, научно-практические конференции, выездные семинары по изучению практического опыта на местах, экскурсии на передовые предприятия и в культучреждения — таковы были основные формы обучения. Широкий был круг вопросов, изучаемых на курсах. Он охватывал весь спектр политической, экономической, производственной деятельности. Для слушателей курсов и семинаров предусматривалась и широкая программа культурного досуга: экскурсии по городу и Днепру, посещение музеев, выставок, театров, культучреждений. К услугам слушателей была библиотека, где проводились тематические обзоры, выставки специальной и художественной литературы.

Кроме представителей УТОГ, на Курсах прошли переподготовку специалисты Белорусского, Молдавского, Казахского и других обществ глухих.

Неоценим вклад Курсов в подготовку для Общества переводчиков-дактилологов, директоров культучреждений и культмассовиков.

Председатели областных организаций УТОГ В. Балдыга, С. Комиссарова, Л. Люлько, Е. Скульский, директор УВЦ УТОГ В. Овчаренко, заместитель директора по учебно-воспитательной работе Ивано-Франковского УПП З. Гуменюк и заместитель директора по УВР Одесского ПО «Электрик» М. Гембайло — также выпускники Курсов.

В 1981 году, после ухода на заслуженный отдых заместителя председателя ЦП УТОГ по оргработе Марии Ионовны Неплюй, вопрос о ее преемнике ни перед руководством ЦП УТОГ, ни перед членами УТОГ даже не возникал.

Татьяна Георгиевна Филянина по достоинству заняла эту должность и так же достойно пронесла груз тяжелых обязанностей заместителя председателя Общества до ухода на пенсию по возрасту в октябре 1985 года.

Будучи организатором от природы и обладая кипучей энергией, большой эрудицией и масштабностью мышления, Татьяна Георгиевна на протяжении всего периода работы в Обществе вне зависимости от занимаемой должности всегда служила центром притяжения. К ней тянулись за советом, помощью, для обмена мнениями и обсуждения различных проблем.

Не будучи удовлетворенной уровнем общения глухих специалистов и объемами получаемой ими информации, она организует для них в 1971 году при Киевском дворце культуры УТОГ дискуссионный клуб «Київські вечорниці», реорганизованный впоследствии в клуб «Горизонт».

Беседы за чашкой чая на самые различные темы, веселые и занимательные викторины, КВН, конкур-

сы, выезды на лоно природы охватывали практически всех эрудированных глухих киевлян и приезжих гостей.

Именно из числа участников этого клуба сформировалось впоследствии ядро активистов, выступавших против ущемления в Обществе прав глухих. А такое ущемление в те годы действительно имело место, хотя оно и накапливалось на протяжении многих лет.

Сначала, еще в 1946 году, из Устава УТОГ была исключена фраза о том, что председатель Общества избирается из числа глухих.

Затем в 1964 году на пленуме ЦП УТОГ была сделана попытка исключить из Устава Общества также требование, чтобы число глухих работников на предприятиях Общества составляло не менее 75 процентов от общего количества работающих. И только резкие выступления на этом пленуме ветерана УТОГ И.А. Сапожникова и бывшей уже тогда членом ЦП УТОГ Т.Г. Филяниной помешали осуществить необоснованную затею.

Наконец, все большее недовольствие стало вызывать проявлявшееся неуважительное отношение на УПП УТОГ к глухим специалистам. Многие из них после получения диплома могли бы применять свои знания на более ответственных должностях. Однако на высвобождающиеся должности чаще всего приглашались люди со стороны, не всегда обладающие необходимыми деловыми и человеческими качествами.

Пределом неуважения к неслышащим членам УТОГ стало навязанное в конце августа 1983 года избрание на заседании президиума ЦП УТОГ предсе-

дателем Центрального правления УТОГ бывшего высокопоставленного чиновника, освобожденного от своей должности за допущенные нарушения.

Еще не зная об этих нарушениях, работники аппарата ЦП УТОГ — и глухие, и слышащие — невзлюбили его за заносчивость, демагогию и нежелание считаться с мнениями коллег. Но и избавиться от него было невозможно, поскольку его кандидатура была навязана сверху и в верхах согласована.

Это сейчас все кажется очень просто, но еще 15 лет назад и время и законы были другими. И, чтобы избавиться от самозванца, активистам Общества пришлось проделать огромную работу по сплочению членов УТОГ и проведению различных акций протеста.

Организатором этой работы и ее вдохновителем с самого начала стала Т.Г. Филянина. Оберегая ее от всяческих подозрений, в ее кабинете заместителя председателя ЦП УТОГ, тем не менее, ежедневно группами и поодиночке собирались наиболее активные члены Общества, чтобы выработать общую линию поведения и определиться, что еще нужно сделать для организации протеста.

Это противостояние, стоившее огромного нервного напряжения, длилось целый месяц и закончилось победой УТОГ. Оно по праву стало звездным часом Т.Г. Филяниной, самой высокой нотой в ее служении Обществу.

И хотя через год после этого она оставила пост заместителя председателя, проделанная ею работа по объединению членов УТОГ не прошла напрасно.

Противостояние 1983—1984 годов резко уменьшило и в Киеве, и на периферии недоверие к глухим специалистам. И поэтому уже в 1985 году, с началом

очередной отчетно-выборной кампании в Обществе, вместо уходящих на пенсию председателей областных организаций УТОГ на вакантные места стали избираться наиболее подготовленные неслышащие.

Так стали председателями облорганizations Василиса Крикливая, Валентина Косинова, Михаил Левицкий, Людмила Люлько. Вслед за ними в прорыв пошли тогда еще совсем молодые — Ирина Чепчина, Наталья Жукова, Владимир Балдыга.

Наконец, летом 1986 года на XII съезде УТОГ впервые за послевоенные годы было сформировано Центральное правление Общества, в котором глухие составляли подавляющее большинство. Притом не по принципу: столько-то представителей от рабочего класса, столько-то — от трудового крестьянства, а исключительно с учетом деловых качеств каждого. Патриотами Общества были и слышащие работники, вошедшие в состав ЦП УТОГ.

А еще через пять лет на XIII съезде УТОГ в Уставе Общества было, наконец-то, восстановлено положение о том, что председатель Общества избирается, во-первых, из числа делегатов съезда, а, во-вторых, из числа лиц с недостатком слуха. И надо надеяться, что эта запись останется в нашем Уставе УТОГ навсегда.

Говорят, что Наполеону Бонапарту принадлежат слова: «Поражение начинается задолго до начала боя».

А победа? Победа никогда сама не падает с неба. Она готовится. Готовится долго и тщательно. Разрабатывается ее стратегия, учитываются все нюансы. На пути к ней приходится и отступать.

Почетный член Украинского общества глухих Та-

тьяна Георгиевна Филянина не просто стояла у истоков победы. Она была ее вдохновителем и ее творцом.

Достигнутого торжества

Игра и мука —

Натянутая тетива

Тугого лука.

ОГОНЬ, ВОДА И... БЕЗЗВУЧНЫЕ ТРУБЫ

*А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.*

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

В.И. СЕМЕНОВА
(род. в 1937 г.)

Энтузиазма у нее, как у двадцатилетней, энергии и оптимизма тоже, а в умении веселиться она и молодым фору даст. А я хотела бы рассказать о том, как складывалась биография этого интересного и удивительного человека.

Родилась Валя 23 февраля 1937 года на станции Даурия Борзинского района Читинской области в семье военнослужащего Ивана Ивановича Зимина и его жены Варвары Ивановны. Росла жизнерадостной, общительной девочкой, которая очень любила петь, а еще больше — плясать.

В 1944 году подполковника Зимина перевели из Грузии в Одесский военный округ — и семья из солнечного Тбилиси переехала в южную Пальмиру. Вале как раз в том году исполнилось 7 лет, и ее, как всех

детей, определили в Одесскую общеобразовательную школу № 16. Но проучилась она там недолго — в семью пришла большая беда. Валюша заболела скарлатиной, а из-за того, что жизнь в послевоенный период была тяжелой и лекарств не доставало, она оглохла на оба уха. С того времени ее путь в наше Общество был предопределен.

В 1946 году ее перевели в Одесскую школу-интернат № 91 для глухих детей, которая находилась в Староконном переулке. Семья Зиминых проживала на Пироговской улице, и девочке каждый день приходилось ехать в школу через весь город. Но, тем не менее, ей повезло: она попала в класс лучшего сурдопедагога этого учебного заведения — Серафимы Эдуардовны Утцаль. Завучем школы также был известный сурдопедагог — Елена Александровна Сафронова. Но самое главное, что уроки в школе проводились на жестовом языке. Все учителя свободно пользовались жестами, и ученики их хорошо понимали.

В 1954 году Валя окончила учебу в школе и сразу пошла работать на Одесский учебно-производственный комбинат № 2 УТОГ ученицей портного верхней дамской одежды. Здесь же, на УПК, была избрана секретарем комсомольской организации. А в свободное время она пропадала в Доме культуры УТОГ. Хотя Валя музыку не слышала, но ритмы танца жили в ней... поэтому она становится постоянным участником танцевального кружка областного Дома культуры УТОГ.

Любознательность, начитанность и одаренность девушки были замечены руководителями областной организации глухих. Уже в 1957 году председатель Одесского областного отдела УТОГ Г.И. Кирика пере-

водит ее в Дом культуры на должность библиотекаря, а затем назначает художественным руководителем.

В 1961 году она подкрепляет свой практический опыт теоретической базой — заканчивает Одесское культурно-просветительское училище по специальности «методист-организатор клубной работы». И это хорошее подспорье в ее новой должности — с 1960 года Валентина Ивановна работает на Одесском УПК № 1 заместителем директора по учебно-воспитательной работе. Приходит опыт работы с людьми, приходит и авторитет среди неслышащих. Ее уже хорошо знают, часто обращаются за советами. И не удивительно, что в 1964 году В.И. Семенову пригласили работать инструктором областного отдела УТОГ, а в 1966 году — избрали председателем Одесского областного отдела УТОГ. На этом нелегком посту она трудится уже почти сорок лет.

Став председателем, Валентина Ивановна осуществляет значительную работу по подготовке рабочих кадров из числа неслышащих, активно организует культурно-массовую работу среди членов УТОГ.

Старожилы Общества помнят проводимые ранее республиканские соревнования среди областных отделов. Неоднократным победителем был тогда Одесский областной отдел.

С теплотой вспоминаются и Всесоюзные смотры самодеятельного художественного творчества среди неслышащих, где одесситы неоднократно становились призерами и победителями. Недаром Одесский дом культуры УТОГ является единственным культучреждением в Обществе, добившимся присвоения звания «Народного» трем коллективам художественной самодеятельности.

За всеми достижениями Одесской областной организации, безусловно, стоит В.И. Семенова — деловая, энергичная, творческая, умеющая организовать и направить людей на решение важных задач и, в то же время, чуткая к каждому конкретному человеку, требовательная к себе и окружающим.

Долгие годы работала Валентина Ивановна в Одесской вечерней школе для неслышащей рабочей молодежи преподавателем истории. Уроки она вела жестовой речью, да так вдохновенно и с таким знанием дела, что ученики ходили на них, как на спектакли.

Валентина Ивановна — самоотверженная поклонница спорта и много внимания уделяет развитию спортивной работы среди неслышащих области. Долгие годы являлась председателем областной спортивной федерации, избиралась членом исполкома Спортивной федерации глухих Украины. Как бы ни было трудно с финансами, но она все-таки находила возможность вывозить своих спортсменов за рубеж. В последние годы они побывали в Германии, Италии, Болгарии.

Более 10 лет избиралась Валентина Ивановна председателем Совета председателей областных организаций УТОГ. И всегда хватало у нее энергии и фантазии на организацию интересных вечеров, культмероприятий для председателей облорганizations и директоров УПП УТОГ, чествование юбиляров.

А ведь смогла еще при всей этой загрузке окончить в 1971 году Одесский государственный университет им. Мечникова.

Общий стаж работы Валентины Ивановны Семеновой в системе Украинского общества глухих — 50 лет. Это пять десятилетий постоянного поиска, идей,

свершений, начинаний, инициативы. По достоинству оценен вклад В.И. Семеновой в развитие и становление Украинского общества глухих. Всех её наград не перечислить. В 1989 году ей присвоено наивысшее звание Общества — «Почетный член УТОГ», а в 1996 году Указом Президента Украины она награждена орденом «За заслуги». В 2000 году она признана лучшим председателем областной организации УТОГ. В 2003 году награждена Почетной грамотой Министерства труда и социальной политики Украины (с вручением нагрудного знака).

Сегодня Валентина Ивановна Семенова, как и много лет назад, энергична, деятельна, полна идей. Вот только годы все же давят своим грузом. Но Валья-Валентина не сдается, она, как говорится, всегда на коне. И кажется, что к ней в полной мере относятся слова: «...а вместо сердца — пламенный мотор». Сердце это, к тому же, — отзывчивое, по-женски нежное и готовое откликнуться на чужую беду, как на свою собственную.

Ведь ей самой пришлось пройти «огонь, воду и медные трубы». Вот только эти трубы для неё остались беззвучными... Каждый день жизнь для неё словно начинается заново, с чистого листа, на котором нужно написать, как в еженедельнике, список всех добрых дел и еще, просто для себя, для души, — что-то хорошее...

*И никогда не поздно снова
начать всю жизнь, начать весь путь,
И так, чтоб в прошлом бы — ни слова,
ни стоны бы не зачеркнуть.*

ОНА ЦЕЛОВАЛА ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ

Может потому, что Валентина Ивановна одесситка, или это у нее, как говорится, от Бога, только обладает она очень редкой и счастливой способностью создавать и режиссировать прямо на ходу эпизоды, которые позволяют улучшать настроение у собеседников или поворачивать развитие событий в более благоприятное русло. И еще она умеет ждать. Именно эти качества, наравне со многими другими, выделяют ее из числа председателей облорганizations УТОГ и из Семеновой делают Семенову.

...В 1976 году, в Ужгороде проходил X съезд УТОГ. В перерыве между утренним и вечерним заседаниями делегаты обедали в кафе и я случайно оказался за одним столиком с одесской делегацией. На протяжении всего обеда В.И. Семенова на все лады расхваливала тогдашнего директора Одесского ПО «Электрик». Но закончила свой рассказ неожиданно: «А все-таки было бы лучше, если б директором у нас был Чеботарь».

Эту святую «одной лишь думы власть» — увидеть глухого инженера В.С. Чеботаря во главе ПО «Электрик» — она пронесет сквозь годы и успокоится только после того, как через десять с лишним лет Василия Степановича поставят в конце концов директором объединения.

...Октябрь 1990 года. В г. Твери проходит XIV съезд

Всероссийского общества глухих. Очередной съезд УТОГ должен был состояться в 1991 г. в Одессе и потому В.И. Семенова попросила включить ее в состав нашей делегации, приглашенной на съезд ВОГ, чтобы изучить чужой опыт.

Мы сидим с В.И. Семеновой в зале заседаний съезда ВОГ справа в первом ряду. Закончилось обсуждение отчетов ЦП и ЦРК ВОГ и делегаты приступили к формированию нового состава руководящих органов. Зачитали и согласовали список кандидатов в состав Центрального правления, перешли к выдвижению кандидатур в состав ЦРК. Все идет вроде бы нормально. Да и какое нам, гостям от других Обществ, дело до того, как решает свои вопросы, хоть и братское, но все же не наше родное Общество глухих. А с другой стороны, мне почему-то кажется, что в дальнейшем пленумы ЦП ВОГ будут проходить не совсем интересно, если на них не будет присутствовать Мария Амирхановна Евсеева — бывшая киевлянка, учительствовавшая в школе-интернате № 6, а с некоторых пор — учительница в одной из школ для глухих в Москве. Она делегат съезда ВОГ и только что выступала в прениях. Но в России она живет недавно, делегатов на съезде много, поэтому в списки кандидатов в выборные органы ее не включают. И, как говорится, пропало бы дело, если бы не случай.

При обсуждении кандидатур в состав ЦРК ветеран ВОГ Борис Гуцало, бывший много сроков подряд членом ЦРК, неожиданно для всех сослался на свой возраст и свою кандидатуру снял.

Мгновенно ориентируюсь: пока президиум съезда будет выяснять, кого включить в бюллетень вместо Б. Гуцало, нужно срочно предложить кандидатуру

М. Евсеевой, чтобы она в списке была первой, и тем самым заблокировать выдвижение на вакантное место других кандидатур. Но как это сделать, если я гость съезда и не имею права вмешиваться в его работу?

Понимая, что шансов нет никаких, я все же поворачиваюсь к В.И. Семенову и в раздумьи говорю: «Машу надо бы выдвинуть». Валентина Ивановна такая же гостья на съезде ВОГ, как и я. И прав у нее тоже нет никаких. Но Семенова — это всегда Семенова. И не успел я договорить фразу, как она тут же толкает в бок свою соседку слева — периферийного делегата съезда то ли от Архангельской, то ли от Вологодской области.

— Евсееву выдвигай! Марию Евсееву! Вот она сидит. Ты видела, как она только что выступала на съезде? Понравилось? Так чего ж ты молчишь? Поднимай руку. Скажи: «Предлагаю избрать в состав ЦРК Марию Евсееву!»

Агитационный напор В.И. Семеновой продолжался всего лишь секунд тридцать и никем не был замечен. Президиум съезда еще соображал над процедурой доизбрания, как наша соседка-делегат подняла руку и предложила избрать М. Евсееву. Других предложений не последовало и М.А. Евсеева была избрана в состав ЦРК. Это избрание послужило для нее трамплином для приобщения к активной деятельности в ВОГ, в результате чего ее на следующем XV съезде ВОГ уже без нашей помощи избрали в состав Центрального правления.

Но я о В.И. Семеновой. Вместо нее в составе делегации УТОГ мог быть любой другой представитель нашего Общества. Однако в описанном случае никто

бы другой, кроме самой В.И. Семеновой, не проявил бы такую мгновенную реакцию на подсказку и не осуществил бы те единственно результативные действия, которые осуществила В.И. Семенова.

В 1991 году, как уже было сказано, в Одессе проходил XIII съезд УТОГ. Это был съезд, проходивший еще до распада СССР, до либерализации цен и развала экономики. В Обществе еще были деньги для проведения на должном уровне таких мероприятий, поэтому и делегатов и гостей на съезде было много. Соответственно было много проблем с их размещением и обслуживанием. Но В.И. Семенова все зависящие от нее вопросы по организации съезда решила четко, проявив при этом и выдержку и творческий подход. Поэтому все участники съезда до сих пор вспоминают о нем, как об одном из самых ярких событий.

В последовавшие затем годы, запомнившиеся как годы галопирующей инфляции, встал вопрос о поиске средств для выполнения Обществом своих уставных задач. Пришлось искать спонсоров. В связи с этим вспоминаю случай.

На одном из технических совещаний в Одесском НИИ телевидения, где были и мы с В.И. Семеновой в связи с обсуждением на нем вопросов развития телепередач с титрами, присутствовали два высокопоставленных служителя церкви. В перерыве В.И. Семенова подошла к ним и с улыбкой, на которую только она способна, представилась и пригласила их на проводившееся в тот день в Одесском ДК УТОГ торжественное мероприятие. Старший по сану служитель спросил у Валентины Ивановны: «Вам, наверное, на это мероприятие нужны будут какие-то сред-

ства?» В ответ Валентина Ивановна без единого слова, но все с той же улыбкой величественно склонила голову и присела в глубоком реверансе.

Естественно, что после такого жеста оба служителя церкви вечером были в Доме культуры и сообщили, что перечислили облорганизации сумму, которая по тем временам была существенной.

В связи с ухудшением экономического положения в стране, ухудшилось положение и в нашем Обществе. Это начало сказываться и на психологическом климате.

В феврале 1994 года для рассмотрения поступивших из Херсона жалоб туда была направлена комиссия ЦП УТОГ, в состав которой входила и В.И. Семенова. Зрительный зал Херсонского дома культуры УТОГ был переполнен и собрание проходило бурно. Но Валентина Ивановна, которой было поручено вести собрание, проявляла все время исключительную выдержку, доходчиво разъясняла спорные вопросы и неуклонно направляла собрание в спокойное русло. Кончилось тем, что участники собрания искренне благодарили Валентину Ивановну за разъяснения и приглашали приехать в Херсон еще.

Было много и других случаев, характеризующих В.И. Семенову, как человека выдающегося, неординарно мыслящего, неординарно действующего и бесконечно преданного УТОГ. Но я перехожу к самому-самому.

Когда встал вопрос о выдвижении 3-х кандидатур из числа членов УТОГ для награждения правительственными наградами, фамилия В.И. Семеновой по праву в списке была поставлена первой. Оно и понятно: ветеран и почетный член УТОГ, председатель в

течение более 30 лет одной из крупнейших областных организаций Общества, председатель Совета председателей облорганизаций со дня его образования, постоянный член Центрального правления УТОГ.

Для вручения наград всех награжденных пригласили 4 декабря в Киев.

После окончания официальной церемонии и фотографирования Президент Украины Леонид Данилович Кучма выходил из наградного зала через дверь, возле которой остановились представители УТОГ. Воспользовавшись этим моментом, мы дополнительно обменялись с ним несколькими фразами. Заняло это очень мало времени, но и его хватило, чтобы В.И. Семенова сориентировалась:

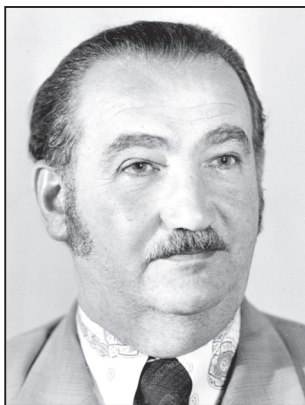
— Леонид Данилович, я — одесситка, и, как одесситка, хочу Вас попросить: разрешите мне Вас поцеловать.

И после получения согласия В.И. Семенова поцеловала Президента страны. Она — первый за всю историю нашего Общества член УТОГ, кто это сделал. И пока что единственный.

РЕДКИЙ ДАР — РАСТИТЬ ТАЛАНТЫ

*Что же ты грустишь, моя лада,
о моей непонятной песне?
Радое сердце или не радо
жить с такою судьбою вместе?!
Если рада слушать такое —
не проси от меня покоя.*

Николай АСЕЕВ

А.И. КОЗАЧЕНКО
(1923 — 1985)

В 1983 году мы, друзья Анатолия Ивановича Козаченко, отмечали вместе с ним его 60-летие — «посвящение в старички», как он сам писал в пригласительных, а через два года его не стало. Но добрая память и теплые воспоминания о нем живут в нашей памяти, и в день его рождения мы приходим к нему в гости, правда, теперь к его «последнему приюту». И, когда мы поднимаем поминальную «горькую чашу», вспоминаются различные эпизоды из жизни, связанные с Анатолием Козаченко — замечательным человеком, талантливым руководителем, добрым и отзывчивым другом.

Впервые я встретилась с Анатолием Ивановичем в

1971 году, когда начала работать в Киевском областном отделе УТОГ инструктором по оргработе. Жестовой речи я тогда практически не знала, с губ считывала с большим трудом.

Вскоре после поступления на работу мне было поручено проверить состояние культурно-массовой и воспитательной работы в общежитии Киевского УПП № 1 УТОГ и подготовить проект постановления на президиум областного отдела УТОГ.

И.о. председателя И.Т. Криволапов (тогдашний руководитель облорганizations В.В. Марченко был в отпуске) вызвал в облотдел заместителя директора по УВР Киевского УПП № 1 УТОГ А.И. Козаченко и, указав ему на меня, сказал: «Учи!» И мне при этом сразу же представилось: Анатолий Иванович читает лекцию о том, как надо проверять общежитие, а я сижу и ничего не понимаю, поскольку не знаю жестовой речи. От таких мыслей я была просто в шоке.

И вот мы на пути к общежитию. По улице долго шли молча, вернее, Анатолий Иванович шел, а я практически бежала за ним, и с каждой минутой во мне нарастало желание побежать в противоположную сторону.

Мой спутник, очевидно, заметил, что я еле за ним поспеваю, и сбавил шаг, а я со всего маху врезалась ему в спину и чуть не заревела от конфуза. Он же, как будто ничего не случилось, повернулся ко мне и спросил, где я раньше училась и работала, как попала в областной отдел. Я стала ему рассказывать о себе своей первобытной мимикой, к тому же очень волновалась, из-за чего мои жесты были еще хуже. Но он молча слушал, кивал, иногда что-то уточнял. Я понемногу успокоилась и начала более внятно расска-

зывать о своей беде. Так за разговором мы незаметно дошли до общежития. Уже почти у самой двери Козаченко улыбнулся и сказал: «Плохо, но жить можно, так что выше голову. Ты не одна, нас таких много... А вот и наше общежитие. Вот здесь должны бы стоять детские качели, песочница, турник, но, к сожалению, их нет. Вот так и записывай!»

Я оторопела от того, что заместитель директора сам указывает на свои недостатки, и спросила: «А будет ли это все построено и когда?» На что он ответил: «Будет, когда рак свистнет. Поработаешь, изучишь наши предприятия, жестовый язык, тогда и поймешь!» Конечно, мне оставалось только догадываться, почему он так сказал.

В общежитии воспитатель выложила передо мной свои планы, протоколы, журнал учета мероприятий. Но заняться проверкой не удалось, поскольку вскоре нас обступили глухие, проживающие в общежитии, и целая орава детей. Они стали наперебой задавать вопросы Анатолию Ивановичу и, видя, что от них так просто не отделаешься, мы решили перейти в красный уголок. Здесь Козаченко начал отвечать на вопросы, интересующие глухих. Эти ответы постепенно перешли в лекцию о состоянии в стране и за рубежом.

Хотя мне нужно было заняться проверкой работы воспитателя, я решила послушать выступление Козаченко. И, удивительно, что, плохо зная жестовую речь, я прекрасно понимала все, о чем говорил Анатолий Иванович, и удивлялась его эрудиции, обширным познаниям во многих вопросах, а главное, тому, как он доходчиво объяснял все это глухим. Они слушали его, как зачарованные. Эта незапланированная

лекция продолжалась около двух часов, а по ее окончании слушатели с улыбкой напомнили, что завтра по плану работы совета общежития Козаченко должен проводить беседу в том же красном уголке. Он засмеялся и кивнул головой: «Хорошо, приду еще и завтра!»

Затем он помог мне составить справку, а попутно объяснил, на что необходимо обратить внимание, как распознать «липу» при проверке любых вопросов, грамотно указать на недостатки и причины их возникновения. Я же отметила, что проведение воспитательной и культурно-массовой работы в общежитии поставлено хорошо, а вот быт глухих желает лучшего, о чем и сказала Козаченко. Но он улыбнулся и заметил: «Зам — это не сам». Хотя я его намек тогда не совсем поняла, но слова эти запомнила.

Однажды вечером, примерно через неделю после проверки общежития, я зашла в Киевский дворец культуры глухих. Анатолий Иванович сидел в библиотеке, обложившись горой журналов и газет, а еще через полчаса уже стоял на сцене и рассказывал глухим о событиях в мире и в УТОГ.

Я тоже зашла в лекционный зал. Он был полон, мест не хватало, а люди все шли и шли. Я спросила у С.Н. Губкина — директора Дворца культуры УТОГ, почему именно Козаченко выступает перед зрителями, на что Губкин ответил: «Анатолий Иванович — член Совета Дворца культуры и в соответствии с планом работы ДК один раз в месяц должен проводить политинформацию или беседу с глухими Киева. Лекции он читает только жестовой речью, поэтому глухие его выступления очень любят. Видишь — полный зал».

Выступление Козаченко длилось долго, из зала

ему задавали самые различные вопросы, и Анатолий Иванович обстоятельно отвечал на каждый из них. Я слушала и вновь удивлялась его эрудиции и начитанности, умению заинтересовать аудиторию.

При выходе из зала он увидел меня и спросил: «Что, пришли проверять мое выступление?» Я ответила, что наоборот, пришла послушать его и поучиться у него жестовой речи.

С тех пор наши взаимоотношения стали дружескими, и часто в сложных ситуациях я обращалась к нему за советом и поддержкой.

Как-то я спросила Анатолия Ивановича, какое учебное заведение он окончил. Он засмеялся: «Все-му учился понемногу... Пушкина читала?»

— Это вы из «Евгения Онегина»?

— Вот-вот! — улыбнулся Козаченко, уходя от ответа на мой вопрос об образовании.

И только много лет спустя, уже после смерти Анатолия Ивановича, я смогла более подробно узнать его биографию.

Анатолий Иванович Козаченко родился 14 июня 1923 года в Киеве, в семье служащего. Его отец работал начальником Добровольного пожарного общества, мать была домохозяйкой.

В 1930 году, когда Анатолию исполнилось 7 лет, он заболел менингитом и оглох. В обычную школу его не приняли, а в школу для глухонемых — отсоветовали отдавать родственники и знакомые. Мальчик учился дома под руководством родителей и двух старших сестер. В 1937 году умер отец и материальное положение семьи резко ухудшилось, поэтому Анатолий вынужден был искать работу, чтобы содержать не только себя, но и мать.

В 1938 году 15-летний юноша обратился в Киевский областной отдел УТОГ за помощью в трудоустройстве. Председателем облотдела в то время был И.А. Сапожников, который посоветовал Анатолию поступить на учебу в рабфак, но он отказался, так как должен был работать, чтобы помочь матери. Его направили на кроватную фабрику (Киевский учебно-производственный металлокомбинат № 2), а через 2 месяца он перешел на УПК № 1 учеником в механический цех, который в 1939 году был переоборудован в школу ФЗУ. Учился Анатолий с большим энтузиазмом и желанием, причем не только в ФЗУ, но и одновременно в вечерней школе для взрослых глухих.

За отличную учебу в вечерней школе Анатолию была вручена грамота и ценный подарок — готовальня, а в 1940 году он с отличием окончил школу ФЗУ и был премирован путевкой в дом отдыха в Пуще-Водице.

Анатолий стал работать токарем в инструментальном цехе Киевского судоремонтного завода имени Сталина, но по семейным обстоятельствам через непродолжительное время уволился и временно работал в Киевском доме культуры УТОГ гардеробщиком, а потом — рабочим на заводе станков-автоматов им. А.М. Горького.

Когда началась Великая Отечественная война, Анатолий перешел на комбинат глухонемых. Здесь действовала подпольная группа, и многие глухие рабочие, в том числе и Анатолий Козаченко, оказывали посильную помощь в освобождении Киева от фашистов. Об этом красноречиво свидетельствует эпизод, который произошел при отступлении гитлеровцев. Они вывозили в Германию промышленное оборудо-

вание, и Анатолию Козаченко вместе с другими глухими пришлось демонтировать и перевозить эти станки. При транспортировке им удалось сбросить запасные части и узлы станков с движущегося состава, а затем перепрятать их в Ворзеле.

После освобождения Киева А.И. Козаченко работал на УПК № 1, а затем в областном отделе и Доме культуры УТОГ. С 5 февраля 1947 года он прочно обосновался на УПК № 1, сначала был опыловщиком, затем — токарем, а с 1954 года — главным механиком. После работы принимал активное участие в общественной жизни — проводил культурно-массовые мероприятия для глухих в красном уголке комбината, организовывал спортивные соревнования, был членом месткома и первичной организации УТОГ.

В 1955 году А.И. Козаченко был выдвинут на должность заместителя директора по учебно-воспитательной работе. При работе в этой должности в полную силу проявился его необыкновенный педагогический дар. Он был настоящим последователем знаменитого педагога Антона Макаренко, умел и любил работать с людьми, нести им свои знания, наставлять на путь истинный.

Он использовал любую свободную минуту, чтобы пообщаться с рабочими, рассказать им что-то новое. Во время обеденных перерывов он был там, где собирались глухие, — общался с людьми, проводил с ними беседы на разные темы, рассказывал о прочитанном, о событиях в мире и в УТОГ. Каждое утро он обходил цеха, интересовался настроением каждого работника, его отношением к труду, достижениями и проблемами. Он хорошо знал возможности каждого, поэтому одному советовал поступить учиться в техникум, а

другому — продолжить обучение в вечерней школе.

Все поступающие на работу проходили через его руки, как через фильтр. Он досконально знакомился с человеком, узнавал его интересы, пожелания, хобби, сильные стороны и слабости, а впоследствии — умело направлял в нужное русло.

Любой глухой, который обращался на УПП № 1 в поисках работы, находил ее. Уставная норма глухих в общей численности работающих на УПП № 1 была всегда выше 80 %. При этом неслышащие трудились не только на рабочих местах, но и на других должностях, где могли работать глухие. В этом большая заслуга А.И. Козаченко. Он бережно растил буквально каждого поступившего на предприятие. За время работы Козаченко заместителем директора были выдвинуты на должности мастеров, учетчиков и начальников цехов очень многие неслышащие работники, в том числе выпускники Киевского техникума легкой промышленности, такие как: Ольга Левченко, Тамара Прима, Клавдия Полтавская, Валентина Прокопенко и др.

В красном уголке предприятия Анатолий Иванович вместе с переводчицей УПП № 1 Шелей Марковной Бялык организовывали различные культурные мероприятия, готовили концертные программы, спектакли, КВН, проводили спортивные состязания. Глухие принимали самое активное участие во всех городских и областных мероприятиях Киевского областного отдела УТОГ.

Анатолий Иванович учил глухих не только хорошо работать, но и отвечать за порученное дело, отстаивать свою точку зрения, смело выступать на собраниях и совещаниях. Он постоянно проявлял заботу о

материальном благосостоянии глухих рабочих, посещал их на дому и в общежитиях, оказывал помощь в устройстве детей в детские ясли, садики, школы. Если это было необходимо, сам встречался с заведующими детскими учреждениями и руководителями районных администраций г. Киева.

С 1974 года, после слияния двух киевских предприятий в одно, Анатолий Иванович был переведен на должность начальника пластмассового цеха КОПО «Контакт» УТОГ. За время работы начальником цеха он довел уставную норму глухих в своем цехе до 82 %. Производственный план перевыполнялся здесь ежедневно. Должности старшего мастера, мастера, бухгалтера, учетчика занимали глухие: Зоя и Анатолий Шевченко, Валентин Борздуха, Ольга Клочан, Яков Кольнер и другие.

Анатолий Иванович никогда не считался со временем и вел большую общественную работу. В Киевской облорганизации УТОГ он с 1953 года был членом президиума, избирался в состав пленума, с 1956 года был членом президиума и пленума ЦП УТОГ, а с 1953 года — членом пленума обкома профсоюза предприятий местной промышленности.

Двадцать лет Козаченко был бессменным председателем первичной организации УТОГ Киевского УПП № 1 (1954 — 1974 гг.). Как член президиума, он оказывал ощутимую помощь Киевскому областному отделу УТОГ. Здесь он работал с полной отдачей, изучал материалы, выступал с критикой, вносил предложения об улучшении работы. По заданию президиума часто проверял работу Белоцерковского УПП УТОГ.

В молодые годы Анатолий Козаченко очень увле-

кался театром, участвовал во многих спектаклях, которые ставил Исаак Аронович Сапожников в Киевском дворце культуры УТОГ. Неслышащим зрителям он запомнился своим участием в таких постановках, как «С народом», «Разлом», «Гибель эскадры», «Последняя просьба», «Фараоны» и других.

В их числе была и пьеса «Лекарь поневоле» (1978), которая запомнилась мне не только благодаря прекрасной игре Козаченко, но и из-за истории с его утверждением на роль Жеронта. На эту роль необходим был высокий актер зрелого возраста, и режиссер В. Дубравский предложил эту роль Анатолию Ивановичу, но тот отказался, ссылаясь на возраст, занятость и прочее. Однако режиссер настаивал, и мне пришлось ехать домой к Козаченко и уговаривать его. В конце концов он согласился.

Спектакль имел ошеломляющий успех, его несколько раз показывали на сцене Киевского дворца культуры при полном аншлаге. Этим же спектаклем самодеятельный театр Дворца культуры им. А.В. Луначарского подтвердил свое звание «Народный». В этом успехе была большая заслуга и Анатолия Ивановича.

Он продолжал и дальше успешно играть на сцене Киевского ДК УТОГ. В 1981 году блестяще исполнил роль председателя колхоза в спектакле А. Коломийца «Фараоны», а в 1982 году — роль хирурга Джорджа Стикера в спектакле А. Лауринчука «Последняя просьба».

А сколько Анатолий Иванович знал стихов и песен, как он умел шутить и смеяться! С ним никогда не было скучно. Песни и стихотворения в его прекрасном жестовом исполнении можно было слушать часами.

Особенно мне запомнилась знаменитая песня «Алеша» в его исполнении. Когда Козаченко своими плавными, красивыми жестами «пел» эту песню, я, как наяву, видела памятник неизвестному солдату в далекой Болгарии и его прообраз — простого русского парня, ставшего символом воина-освободителя...

Анатолий Иванович рано ушел из жизни, но многие помнят его как человека необычайно талантливую и, прежде всего, — как наставника молодежи, который не боялся выдвигать глухих на руководящие должности, учил их работать самостоятельно, нести ответственность за свои промахи и поступки, принимать решения и упорно искать выход из создавшегося положения. Всегда для него на первом месте был глухой человек, и за это ему — низкий поклон и благодарная память.

*Знать, недаром на свете живу я,
если слезы умею плавить,
если песню сторожевую
я умею вехой поставить.
Пусть других она будет глуше, —
ты ее, пригорюнясь, слушай!*

Ганна МЕРЕЖКО, Іван ЩЕРБАНЮК

ХЛОПЕЦЬ З ТИХОГО ХУТОРА

*Над штормом, над шабельним блиском,
Над леготом теплим в житах
Гойдається вічна колиска
Маятником Життя.*

Борис ОЛІЙНИК

Й.П. ЗДОРОВИЛО
(1920—1986)

Народився Йосип Пилипович Здоровило 27 серпня 1920 року в селі Тихий Хутір Ставищанського району Київської області. У 1934 році закінчив 6 класів сільської школи, а в 14 років, після смерті батька, змушений був залишити навчання у школі й піти працювати, щоб допомогати матері.

Підступний менінгіт назавжди відібрав у дев'ятнадцятирічного хлопця безцінний дар природи — слух. Сталося це в 1938 році.

Під час війни та окупації Йосип продовжував працювати на різних сільськогосподарських роботах, як написав він сам у автобіографії — «фізичною працею заробляв собі й сім'ї на прожиття».

І хто знає, як склалося б життя нечуючого юнака, якби у 1945 році він не вирушив до Києва, на пошуки

кращої долі. Йому пощастило, і в ущент зруйнованій війною столиці знайшов він роботу серед таких же братів по нещастю і на все життя пов'язав себе з Українським товариством глухих. З 1945 по 1948 рік він працював шевцем на Київському культпобуткомбінаті № 3, а після реорганізації підприємства у навчально-виробничий металокомбінат № 2 став працювати слюсарем-складальником.

Проте згодом довелося йому знову сісти за підручники та продовжити навчання. Адже по війні перед Товариством гостро постало питання підготовки власних кадрів керівників та бухгалтерів. Близько 80 чоловік з усіх регіонів України приїхали у 1952 році до Харківської обліково-планової професійної школи імені Ф.Г. Ананченка для інвалідів війни та праці, де було оголошено набір у групу для нечуючих. З усіх бажуючих комісія відібрала лише 30 чоловік, у яких була освіта і бажання опанувати обліково-планову справу. Серед них був і Й.П. Здоровило.

Роки навчання проминули швидко. Одночасно з заняттями у профшколі Йосип Пилипович відвідував і вечірню школу робітничої молоді, де отримав не закінчену ще до війни середню освіту.

Після закінчення профшколи Йосип Здоровило став працювати у Центральному правлінні УТОГ інспектором оргвідділу, а в 1962 році був переведений на посаду старшого інструктора цього ж відділу.

У його обов'язки входили організація та проведення спортивних змагань, чемпіонатів та спартакіад УТОГ, а також організація підготовки та відбору нечуючих спортсменів високого класу для участі у всесоюзних та міжнародних спортивних змаганнях.

У ці роки армія фізкультурників Товариства налічу-

вала більше 8 тисяч чоловік, які були об'єднані в 121 колектив фізкультури. Серед них було близько 6 тисяч розрядників та 16 майстрів спорту. Отже, роботи було багато, і Здоровило з нею успішно справлявся.

Деякий час Йосип Пилипович був тренером і начальником збірної команди УТОГ з футболу. Жодні республіканські змагання і спартакіади, жоден спортивний збір нечужих спортсменів не проходили без участі Здоровила. Здається, така проста й звична робота: поїхав у відрядження, провів змагання, повернувся, підготував звіт. Але він, як людина совісна і принципова, не міг пройти повз недоліки в організації змагань та спортивної роботи в цілому. До того ж, до роботи ставився дуже відповідально і вимагав такого ж ставлення і від інших.

Був на зорі його службової кар'єри випадок, який став йому справжнім уроком. Йосип Пилипович був призначений відповідальним за придбання цінних подарунків для переможців республіканських змагань з легкої атлетики серед глухонімих. Це завдання він доручив виконати некомпетентному робітникові Київського УПК № 2, але виконання своєчасно не перевінив. Коли при врученні виявилось, що в подарунках кожному спортсмену була і коробка папірос (а в той час це розцінювалось, як пропаганда споживання нікотину серед спортсменів), голова ЦП УТОГ М.В. Портнов оголосив Йосипу Пилиповичу догану. Ця була єдина догана за весь час його більш як 30-річної праці, але вона міцно вкарбувалася в його свідомість і він назавжди засвоїв, що всі доручення необхідно контролювати і особисто перевіряти.

Йосип Пилипович ніколи не заспокоювався на досягнутому. Він вносив пропозиції про зміни у порядок

проведення змагань, дбав про дотримання всіх вимог положення про змагання, постійно клопотався про підготовку спортивних кадрів.

У 1973 році Йосипу Пилиповичу було доручено відповідальну роботу на посаді заступника начальника відділу організаційної, культмасової роботи та працевлаштування. Годі й казати, що Здоровило був дуже вимогливим і кваліфікованим керівником, який відповідально і ретельно ставився до будь-якої дорученої йому справи.

З особливою принциповістю і вимогливістю ставився Йосип Пилипович до перевірки роботи обласних відділів, УВП і культустанов УТОГ під час відряджень і ревізій.

Директори деяких підприємств УТОГ до цієї пори пам'ятають, як Йосип Пилипович при перевірці роботи УВП ще зранку приходив на прохідну і перевіряв своєчасний вихід робітників на роботу. І ніякі знайомства й умовляння не могли вплинути на правдиве складення ним акту чи довідки. Як жартував вірний друг і товариш Йосипа Пилиповича — Віктор Павлович Овчаренко, він міг і рідну матір оштрафувати, якби вона їхала у трамваї без квитка.

При проведенні семінарів і нарад голів та інструкторів обласних відділів УТОГ Йосип Пилипович навчав їх чесно і кваліфіковано працювати, самостійно вирішувати питання, надавати всебічну допомогу глухим членам УТОГ. Особливо велику увагу він приділяв підбиттю підсумків роботи і звітності, докладно і детально пояснював порядок складання річних і квартальних звітів, підготовки пояснюючих записок.

Робота, пов'язана з прийомом звітів, була для Йосипа Пилиповича виконанням певного ритуалу. У той

час було так заведено, що здача річних звітів здійснювалась особисто головами обласних відділів УТОГ. Хоч як ретельно всі вони вивіряли цифри і вникали в кожну дрібницю, прагнучи викласти все якомога детальніше, інколи їм доводилося понервувати, коли Здоровило особисто вивіряв кожен папірець, підраховував усі цифри, вичитував десятки разів пояснення до них та звіряв їх з інформаціями, що додавалися до звіту.

А той, хто їздив разом із ним у відрядження, надовго, якщо не на все життя, запам'ятовував ретельність і скрупульозність перевірок роботи обласних відділів, а особливо — складання довідок. По декілька разів Здоровило примушував ревізора переписувати довідку, пока в ній не відображалася повна й ясна картина стану справ.

Йосип Пилипович завжди відзначався активною участю у громадському житті, постійно обирався на різні посади в первинній організації УТОГ, в партійному та профспілковому комітетах.

Діяльність Й.П. Здоровила була високо відзначена. Він нагороджений медалями «За трудову доблесть», «За доблесну працю у Великій Вітчизняній війні 1941—1945 рр.», «На відзнаку 1500-річчя Києва», «Ветеран праці» і почесними грамотами президії ЦП УТОГ. Прізвище Здоровила занесене на Дошку пошани УТОГ. Спортивний комітет Української РСР нагородив його знаком «Заслужений тренер». Удостоєний він і найбільшої нагороди Товариства — звання «Почесний член УТОГ». Ім'я Й.П. Здоровила носять популярні футбольні змагання на Кубок УТОГ.

У 1985 році Й.П. Здоровило вийшов на пенсію за віком, але продовжував працювати на Республі-

канських курсах підготовки і підвищення кваліфікації працівників УТОГ.

У квітневий день 1986 року до Києва приїхали ті, хто знав Й.П. Здоровила, щоб віддати йому останню шану. Особливо багато було серед них спортсменів і тренерів, разом з якими Йосип Пилипович примножував спортивну славу УТОГ.

Ім'я Й.П. Здоровила цілком заслужено згадується нарівні з іменами славетних рекордсменів і чемпіонів — ім'я людини, яка своєю непомітною, наполегливою працею допомагала тим, хто йшов до своїх яскравих перемог на спортивних аренах.

*Я б вибрав найвищу почесьть:
У чистім і чеснім бою
На чорному мармурі ночі
Зорю записати свою!*

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

*Далек мой путь сквозь стены и
по тучам,
Единственный мой достоверный путь.
Стал мой ребенок облаком летучим.
В нем каждый миг стирает что-нибудь.*
Павел АНТОКОЛЬСКИЙ.

И.С. ДИНКЕВИЧ
(1911—1996)

Вечер. Да, уже вечер... В небе медленно проплывают золотисто-розовые облака. Динкевич берет со стола книгу и устраивается с ней в кресле. Книга, словно сама по себе, раскрывается на том же самом месте — там, где начинается «Баллада о сыне». Сколько раз он коротал с ней свои грустные, одинокие вечера! Тихо, так тихо вокруг, когда ты один дома, когда — ни одной живой

души рядом. Только облака...

Илья Самойлович не был большим любителем поэзии, но «Баллада о сыне» Павла Антокольского стала его настольной книгой. В самые трагические дни жизни она попала к нему на глаза (а может быть, кто-то из друзей, знакомых или сослуживцев принес ему эту книгу в строгом темно-синем переплете), и, прочитав посвящение — «Памяти младшего лейте-

нанта Владимира Павловича Антокольского, павшего смертью храбрых 6 июля 1942 года», — Динкевич невольно вздрогнул: его сына тоже звали Володей. И он тоже погиб — погиб совсем недавно, в авиакатастрофе. Накануне гибели сын был весел, как никогда, и полон самых радужных надежд на будущее. Да и никто из них, даже мать Володи, Елизавета Львовна, не предчувствовал беды — страшное известие настигло их, как гром среди ясного неба. Он был так молод и так любил жизнь! Такая нелепая смерть!

Первые же строки поэмы, написанной отцом, потерявшим сына, обожгли сердце нестерпимой болью:

*Вова! Я не опоздал? Ты слышишь?
Мы сегодня рядом станем в строй.
Почему ты писем нам не пишешь,
Ни отцу, ни матери с сестрой?*

Теперь мальчик уже никогда никому не напишет... Как это случилось? Как могло такое случиться с моим сыном, со мной?! Но на такие вопросы нет ответа. Всегда кто-то уходит из жизни, и нет ей до этого никакого дела. Жизнь, несмотря ни на что и вопреки всему — продолжается. Потерявший сына — продолжает оставаться отцом. И, сам не зная о том, всей своей жизнью слагает другую балладу — балладу об отце.

Илья Самойлович Динкевич, председатель Львовского облотдела УТОГ, продолжает работать: встречается с людьми, посещает предприятия, а заодно решает массу организационных и производственных проблем, которые имеют досадную особенность — без его непосредственного вмешательства разрас-

таться до невероятных размеров. Но самый главный вопрос, постоянно стоящий «на повестке дня», — человеческий. Это, казалось бы, очевидно, но все же мало быть просто человеком и даже руководителем быть недостаточно, — надо быть отцом, не растратившим силу своей любви, чтобы понять первенство и главенство человеческого над всем остальным. Облака, плывущие в небе, напоминали о сыне. А живые люди — его подопечные — нуждались в живой, действенной любви и постоянной заботе. Он учился быть отцом и для них, хотя, на первый взгляд, производил впечатление человека сурового, сдержанного, и его немного побаивались.

Такой строгой внешностью, а также заметной военной выправкой и отличной организованностью, которая проявлялась во всех сферах жизни, Иван Самойлович Динкевич был обязан годам службы в армии. Его, боевого офицера, ушедшего в отставку после контузии, в 1949 году направили в Украинское общество глухих, на руководящую должность. Сам он, надо сказать, к этому особенно не стремился, но вынужден был подчиниться приказу. Первая его встреча с глухими закончилась не просто неудачей — полным провалом. Динкевич очень хорошо помнил тот день, когда он назначил первое совещание, пригласив на него членов президиума и других руководящих работников облотдела УТОГ. Совещание должно было состояться 16 мая в 17.00. Но в назначенное время никто не пришел. Для него, подполковника в отставке, привыкшего к беспрекословному подчинению, это было недопустимым безобразием. Не желая мириться с такой безответственностью «ответственных работников», не на шутку рассерженный

Илья Самойлович решил бросить это дело и податься в ученики к фотографу.

Но фотографировать он так и не научился.

Он был коммунистом — и ему пришлось подчиниться требованию партийного руководства, которое просто-напросто заставило его вернуться в Общество глухих. Разговор, предшествовавший возвращению несостоявшегося фотографа на председательский пост, был недолгим: «Порядка, говорите, нет? Вот и наведите!»

И стал он, вопреки собственному желанию, твердой рукой наводить порядок во Львовской организации глухих — и со временем так увлекся, так втянулся в дело, что не заметил, как за этим неблагодарным занятием прошло целых тридцать семь лет. Наверное, не заметил также, как наступило время жатвы. И, к его удивлению, урожай оказался довольно неплохим. Что и говорить, усилий для этого пришлось приложить немало, но плоды многолетнего труда были налицо — отлично налаженная работа учебно-производственных предприятий и содержательный, плодотворный досуг, проводимый неслышащими львовянами в Доме культуры УТОГ. Все эти предприятия, включая Дрогобычское, так же как и Львовский ДК УТОГ, были построены или усовершенствованы под руководством Динкевича, а возглавляемый им коллектив стал одним из лучших в Украинском обществе глухих. Примечательно, что при Динкевиче расцвели и местные таланты из числа неслышащих, драматический кружок при ДК УТОГ стал народным театром, а любительская киностудия — народной киностудией «Каменяр».

Неоценима заслуга Ильи Самойловича и в реше-

нии организационных вопросов республиканского масштаба. Анна Михайловна Мережко, бывший первый заместитель председателя ЦП УТОГ, вспоминает, как великолепно устраивались и обустривались съезды, фестивали и семинары, которые во времена правления Динкевича чаще всего проводились во Львове. Не случайно именно во Львове, один за другим, состоялось три съезда УТОГ. Не случайно, потому что в организации такого рода мероприятий Динкевичу — бывшему кадровому офицеру, человеку предельно обязательному и ответственному, не было равных. Даже теперь, спустя годы, многие вспоминают о воспитанности и корректности Динкевича, всегда проявлявшего заботу обо всех участниках событий — от руководящих работников до переводчиц, — как о каких-то необыкновенных качествах. Действительно, несмотря на громадный объем работы, проводимой им для подготовки и во время съездов, он никогда не упускал из виду самого главного — людей, и не было никого, кому Илья Самойлович не оказал бы самого сердечного, поистине отеческого внимания. Все были не просто довольны оказанным им теплым приемом, но глубоко тронуты вниманием и добротой председателя Львовского облотдела УТОГ. И это отнюдь не было «показухой», если и теперь, спустя годы, многие продолжают вспоминать о необыкновенной воспитанности, корректности Динкевича, о его человечности, наконец. А неслышащие — те и подавно были убеждены в том, что Илья Самойлович никогда не останется безучастным к их бедам и примет любого из них с открытой душой, и поможет решить все вопросы, причем в кратчайшие сроки и наилучшим образом. Глухие с детской гордостью го-

ворили, что он им — «как отец родной», строгий, конечно, но справедливый.

Человеческая память, как известно, избирательна. Вот так и вышло, что Динкевич остался в памяти людей не только прекрасным, знающим руководителем (хотя был им в первую очередь), но и «родным отцом», и — как создается множество легенд об известных людях, ушедших из жизни, — была создана своего рода легенда о Динкевиче. Вернее, не легенда, а баллада. Баллада об отце. Во-первых, потому что он любил «Балладу о сыне», а во-вторых, потому что, потеряв сына, перенес всю свою нерастрченную отцовскую любовь на глухих, нуждающихся в его неустанной заботе и помощи. Глухие, в свою очередь, так же любили его и полностью ему доверяли. А такая искренняя любовь и не менее искреннее, глубокое уважение, творящие вокруг имени бывшего руководителя легенды, баллады и поэмы, — дорогого стоят.

Так произошло потому, что душевному благополучию людей, доверивших ему свои судьбы, Илья Самойлович внимания уделял даже больше, чем строительству зданий и организации мероприятий различного рода. Потому что ему удалось то, что удастся далеко не каждому руководителю — превратить властную организацию глухих в теплый, добрый и надежный дом. И стоит задуматься: не в том ли состоит истинное предназначение каждого хорошего руководителя — быть отцом для своих подопечных и, в лучшем смысле этого слова, главой большого и счастливого семейства?

Перемены, произошедшие во Львовской организации глухих за годы руководства Динкевича, были

просто разительны и... неожиданны — причем для обеих сторон сразу. И для его подопечных, и для него самого. Подполковник Динкевич, в первое время напугавший членов Львовской организации УТОГ своей чрезмерной строгостью, оказался добрейшим человеком. Или, скорее, стал им. А члены этой организации, поразившие его вначале своей безответственностью, оказались, в большей части своей, замечательными людьми — сильными духом, преданными делу и просто верными, надежными друзьями. В этом Илье Самойловичу довелось убедиться на собственном примере — словно птицы в стае, они не раз выносили его на своих крыльях, они не дали ему, оглушенному смертью сына, сломиться, пасть духом. Он был вместе с ним и тогда, когда он проводил в последний путь свою жену. Вместе, а не только рядом! Они чтят его память и сейчас, когда над его тихим приютом на старом львовском кладбище медленно плывут облака...

Там, за облаками, он встретился с сыном. А нам осталась баллада об отце. Осталась вечно живая человеческая любовь, вечная боль души, ищущей и не находящей себе на земле успокоения...

*Ну, так дойди до белого каленья,
Испепелись и пепел свой развей,
Стань кровью молодого поколенья,
Любовью всех отцов и сыновей.*

Юрий МАКСИМЕНКО

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ...

*История над нами пролилась.
Я под ее ревушим ливнем вымок.
Я перенес размах ее и вымах.
Я ощутил торжественную власть.*

Борис СЛУЦКИЙ

В.С. ЧЕБОТАРЬ
(род. в 1938 г.)

В 1993 году, по случаю 60-летнего юбилея нашего Общества, все члены президиума ЦП УТОГ выезжали в областные организации УТОГ для участия в торжественных мероприятиях.

Было ли это случайным совпадением или об этом позаботилась председатель областной организации В.И. Семенова, но празднование 60-летия УТОГ проводилось в

Одессе как раз в те дни, когда Василий Степанович Чеботарь отмечал свой личный 55-летний юбилей.

После того, как были сказаны все добрые слова в адрес именинника и гости встали из-за стола, мы отошли с Чеботарем в сторону и долго молчали, каж-

дый думая, как нам казалось, о своем. Затем подняли головы, встретились взглядами и вдруг Василий Степанович сказал, почти дословно повторяя и мою невысказанную мысль:

— А знаешь, нам просто не давали работать.

Шел май 1993 года. Василий Степанович к этому времени уже достиг вершины возможного — стал директором Одесского производственного объединения «Электрик» и второй срок подряд входил в состав президиума ЦП УТОГ. Но было ему уже 55 лет. Не 30 и даже не 45.

Он потерял слух в 22 года. Ехал на мотоцикле из райцентра Арциз, где проживал, в Одессу на футбольный матч и попал в аварию. Не только чудом остался жив, но и с большим трудом вернулся к жизни. Ценой невероятных усилий преодолел долгие месяцы лечения и адаптации к глухоте. Имея до аварии лишь специальность таксиста и понимая, что после потери слуха она ему уже ни к чему, он вынужден был начать жизнь сначала.

Полгода работал весовщиком в межколхозном откормочном пункте, затем поступил на Одесское учебно-производственное предприятие № 3 УТОГ (теперь это головная площадка Одесского производственного объединения «Электрик»).

Был учеником учетчика, учетчиком, травильщиком. Одновременно без отрыва от производства учился в Одесском политехническом институте, который окончил в 1968 году.

Казалось бы, что в Одессе, где в те годы имелось 3 учебно-производственных предприятия УТОГ, глухому специалисту найдется достойное применение. Но в жизни было по-другому. И молодость Василия

Чеботаря, как и молодость многих других глухих специалистов его поколения, пришлось как раз на те годы, когда с трибуны пленумов Центрального правления и съездов Общества глухие активисты призывали смелее выдвигать неслышащих на руководящие должности в УТОГ и на должности с большим объемом работ, а в реальной жизни на местах эти призывы сознательно тормозились...

К концу учебы в институте Чеботарь был переведен на должность технолога, а затем в 1972 году назначен начальником литейно-прессового цеха и в этой должности оставался свыше 15 лет, хотя по своим деловым качествам — уровню знаний, кругозору, инициативности, организаторским возможностям — он был способен на большее.

Учитывая частую в те годы сменяемость руководства ОПО «Электрик», председатель Одесской областной организации УТОГ В.И. Семенова и другие активисты Общества многократно ставили перед президиумом ЦП УТОГ вопрос о том, чтобы именно В.С. Чеботаря назначить директором объединения. Активно поддерживал его кандидатуру и бывший в течение долгого времени директором Одесского УПП № 3 УТОГ Роберт Александрович Коган. Но по чисто субъективным причинам, базировавшимся на недоверии к способностям глухих специалистов управлять производством, это предложение ни в руководстве ЦП УТОГ, ни в райкоме партии Одессы не проходило.

Между тем авторитет В.С. Чеботаря и его влияние в коллективе с каждым годом возрастали. Его избирают председателем профкома, неизменно доверяют ответственную миссию председательствующего

на отчетно-выборных партсобраниях, представляют к награждению правительственными наградами. Он становится неформальным лидером коллектива.

И тем не менее, когда в очередной раз возникал вопрос, кого назначить на освободившуюся должность директора ОПО «Электрик», кандидатура В.С. Чеботаря вызывала возражения.

Наконец, в начале 1986 года, после освобождения очередного директора из-за служебных упущений, руководство ЦП УТОГ приняло решение рекомендовать на эту должность В.С. Чеботаря.

Согласовать его кандидатуру с райкомом партии было поручено мне, работавшему тогда заместителем председателя ЦП УТОГ по экономике. Это была моя первая поездка по решению кадровых вопросов и среди простых причин выбор пал на меня еще и потому, что в случае провала моей миссии все было бы списано на меня: сам глухой, и не сумел помочь другому глухому стать директором предприятия.

В Одессе председатель облорганizations В.И. Семенова выделила в мое распоряжение своего верного переводчика Лилию Львовну Ройтенберг и без устали меня наставляла:

— Предлагай только В.С. Чеботаря и ни на какие другие кандидатуры не соглашайся.

Но в райкоме партии были другого мнения:

— Мы уже выбрали и рекомендуем на должность директора специалиста, имеющего опыт руководящей работы в другой организации. Проверенный товарищ. Он наведет порядок в объединении «Электрик». Что касается Чеботаря, то мы его тоже знаем и, по нашему мнению, ему еще рано быть директором, пусть пока поучится.

— Но, извините, ведь и другие, рекомендованные ранее райкомом кандидаты на должность директора, также имели опыт руководящей работы, а порядок в нашем объединении так и не смогли навести. Между тем, цех, возглавляемый Чеботарем, является основным в объединении и систематически выполняет плановые задания.

— Я уже сказал, давай не будем говорить о Чеботаре, ему еще надо набираться опыта.

Этот разговор был в ту пору, когда мнение райкомов партии часто было решающим и с ним считались не только председатели ЦП УТОГ, но и министры.

Хорошо понимая это, я тем не менее многократно пытался при разговоре согласовать кандидатуру В.С. Чеботаря, но всякий раз получал решительный отказ.

Убедившись в бесполезности новых попыток, делаю дальний прицел:

— Президиум ЦП УТОГ, безусловно, окажет необходимую поддержку новому директору ОПО «Электрик». Но если и он, как и его предшественники, не справится с работой, не будет ли возражать райком хотя бы в следующий раз против назначения на эту должность Чеботаря?

— Мы рекомендуем достойного человека, который не может не справиться.

— И все же, — настаиваю на ответе.

— Ну, если не справится, тогда будем рекомендовать и Чеботаря.

— Благодарю Вас. Обещаю, когда вновь возникнет вопрос о директоре, я лично приеду в Одессу.

В этот момент я непроизвольно поднял глаза на переводчицу и сразу ощутил весь ужас своего положения.

Обычно при беглом разговоре, а тем более при диалоге со слышащими мы, глухие, чаще всего смотрим на руки переводчика и его губы. Реже мы охватываем взглядом выражение лица переводчика и еще реже смотрим на его глаза. Поэтому и мой взгляд на верхнюю часть лица Лили Львовны был чисто случайным. Ее руки еще продолжали механически переводить слова секретаря райкома, но брови круто сошлись на переносице, а глаза прожигали меня насквозь своим огнем.

Она понимала: это была последняя возможность назначить Чеботаря на должность директора, а другой возможности может и не представиться.

Но я понимал и другое: будь на моем месте любой другой человек, он также на этот раз не сумел бы получить согласие райкома на выдвижение Чеботаря. И то, что секретарь райкома пообещал мне рассмотреть кандидатуру В.С. Чеботаря в следующий раз, было уже победой.

Ждать следующего раза пришлось ровно год. Новый директор особым рвением в работе не отличался и глубоко в нужды производства не вникал. В результате уже к концу 1986 года встал вопрос о его освобождении с должности.

На этот раз позиция Центрального правления была четкой и однозначной: директором рекомендовать только В.С. Чеботаря. Но когда с этим предложением в Одессу поехал заместитель председателя ЦП УТОГ по производству А.С. Сушков, то получил в райкоме партии категорический отказ. После его возвращения я попросил председателя ЦП УТОГ направить в командировку меня.

В 1987 году как раз была мода на выборы директо-

ров предприятий общими собраниями трудовых коллективов. Поэтому, прежде чем идти в райком, я переговорил практически с каждым из начальников цехов и руководителей отделов ОПО «Электрик» и убедился, что все они — за кандидатуру В.С. Чеботаря.

Но секретарь райкома разговор повел нервно и с первых минут дал понять, что он предложение ЦП УТОГ не поддерживает.

— Но год назад, — говорю, — Вы дали мне обещание, что согласуете кандидатуру Чеботаря. Не Ваша вина, что рекомендованный райкомом человек с работой не справился.

— Чеботарь тоже не справится. Мы подберем вам другую кандидатуру.

— За годы, в течение которых неоднократно менялось руководство объединения, уже можно было много раз проверить на деле, справится Чеботарь или нет. Прошу выполнить Ваше обещание и согласовать кандидатуру Чеботаря.

— У меня нет гарантии, что его назначение поддержит трудовой коллектив объединения. А сейчас не учитывать мнение трудового коллектива нельзя.

— Я согласен поставить вопрос на общем собрании коллектива.

Собрание представителей трудового коллектива состоялось в тот же день при личном участии секретаря райкома. В.С. Чеботарь был избран директором объединения практически единогласно.

После Г.А. Бондаренко и А.Д. Углича, возглавлявших Артемовское и Черниговское швейные УПП, В.С. Чеботарь стал третьим глухим директором большого современного предприятия УТОГ за всю историю Общества и первым неслышащим директором ме-

таллообработывающего предприятия, имеющего статус объединения.

Я так подробно рассказываю о процедуре назначения В.С. Чеботаря на должность директора, чтобы было понятно, почему он, проработав в этой должности немногим более 7 месяцев, подал с нее в том же году в отставку по собственному желанию. Все объясняется просто: сказались предыдущие нервные перегрузки.

Вторично на должность директора ОПО «Электрик» В.С. Чеботарь был назначен в июне 1992 года опять-таки в связи с тем, что у работавшего тогда директора дела не заладились.

С тех пор во главе объединения В.С. Чеботарь проработал целых шесть лет. На его долю в истории ОПО «Электрик» выпало самое трудное: перевести объединение на рельсы рыночной экономики и сохранить трудовой коллектив, дать людям хоть какую-то работу.

Сориентированное в предыдущие годы на выпуск преимущественно штепсельных разъемов РШ/ВШ и ШСВ-20, объединение после развала Союза и экономического спада в Украине потеряло своих потребителей и вынуждено было искать свой путь к выживанию.

С этой целью здесь восстановили ранее ликвидированное швейное производство, освоили выпуск штепсельных вилок, открыли большой магазин.

К сожалению, финансовое положение ОПО «Электрик», как и ряда других предприятий УТОГ, в настоящее время все еще сложное, и это не дает мне возможности закончить этот рассказ на возвышенной ноте.

Но, как сказал поэт, «юношам, обдумывающим жизнь», всем молодым членам УТОГ, стоящим на перепутье и ищущим свою дорогу в жизни, говорю не задумываясь: берите пример с Василия Степановича Чеботаря, — человека, начавшего после аварии жизнь сначала, и сумевшего достичь и высокого звания «Почетный член УТОГ», и избрания членом президиума ЦП УТОГ, и высокой должности директора объединения УТОГ.

*Эпоха разражалась надо мной,
Как ливень над притихшею долиной,
То справедливой длительной войной,
А то несправедливостью недлинной.*

...І ПОВЕРТАВ ЛЮДЯМ МЕЛОДІЇ ЖИТТЯ

*Не знаю я, що буде після нас,
в які природа убереться шати.
Єдиний, хто не втомлюється, — час.
А ми живі, нам треба поспішати.*

Ліна КОСТЕНКО

О.С. КОЛОМИЙЧЕНКО
(1898—1974)

Однією з найпоширеніших причин глухоти є отосклероз, який характеризується безперервним шумом у вухах. Ця хвороба прирікає людину на повсякденні страждання. В чому ж річ? Чому людина перестає чути? Якби можна було розглянути розвиток однієї з основних причин глухоти під мікроскопом, то ми побачили б, що найменша слухова кісточка — стременце, що знаходиться за барабанною перетинкою, стає нерухомою внаслідок заростання кістковою тканиною. Звукова хвиля переривається, людина не чує, життя стає німим. Цю хворобу вперше двісті років тому описав італієць Антоніо Васальна. А на початку нашого століття лікарі пробували повернути стременцю рухомість, звільнивши його від наросту. Але успіху досягти не вдава-

лося, скептики поспішили оголосити, що хірургічне лікування отосклерозу ніколи не принесе успіху. Ще кілька десятиліть тому видатний німецький учений, професор Фрідріх Зібенман твердив, що всі операції на стременці недоцільні й робити їх не слід.

Однак не припинялися творчі пошуки новаторів, які прагнули знайти шляхи подолання хвороби. У нашій країні, зокрема в Києві, почалася напружена й копітка робота. Наступ на глухоту очолив видатний український отоларинголог із світовим іменем Олексій Сидорович Коломийченко.

Де, звідки починається той шлях, який вивів Олексія Сидоровича на вершини сучасної медицини, до всенародного визнання? Правнук гайдамаки, що за Коліївщини з вилами йшов на панів, син шполянського селянина з Черкащини — Олекса Коломийченко влітку 1924 року одержав диплом лікаря. Його залишали в медичному інституті для наукової роботи, але почуття обов'язку підказувало інше. Олексій добре розумів, що означає для селян освічений лікар. Зрештою, на периферії скоріше набудеш досвіду. А без солідної практики йти в науку негоже. Тож довелося йому ставати на герць з найрізноманітнішими хворобами: інфекційними, дитячими, шкірними. Він набув практики в хірургії, адміністративній роботі. Потім працював у райцентрі, підвищував свою кваліфікацію у Київському інституті вдосконалення лікарів, а пізніше і сам перейшов сюди на посаду асистента кафедри хвороб вуха, горла, носа.

Відтоді всю свою пристрасть О.С. Коломийченко віддає отоларингології. Починається підготовка до наступу на глухоту, на безмовність. Це був незвіданий шлях. Годинами просиджував над анатомічними ат-

ласами, креслив схеми майбутніх операцій, проводив експерименти на тваринах. Був також біохіміком, електрофізіологом, патологоанатомом. Були безсонні ночі і неспокійні дні, сповнені драматичної боротьби людської волі й розуму з невідомим.

Операція при отосклерозі надто складна. Багато, дуже багато було неясного: в яких випадках слід її проводити, а коли краще утриматись; яке застосувати знеболювання; як спинити кровотечу; якими особливостями відзначається післяопераційний догляд?

Першим професор О.С. Коломийченко оперував водія Миколу Живалця, який уже понад двадцять років хворів на отосклероз, був глухим. У лютому 1957-го у Києві було зроблено унікальну операцію. Внаслідок її було вперше відновлено слух при отосклерозі. Першопроходцем став київський хірург Олексій Сидорович Коломийченко. За розробку і впровадження таких операцій у 1964 році він одержав Ленінську премію. Та головне — не у високій нагороді. Найбільшу радість давало те, що колишні безнадійні пацієнти тепер щороку відзначали дивовижні ювілеї порятунку від глухоти і з цієї нагоди надсилали Олексію Сидоровичу телеграми зі словами вдячності. У архіві О.С. Коломийченка зберігся лист хлопчика з Уралу такого змісту: «Дорогий професоре! Я ходжу до школи і вже навчився читати. А моя мати не чує, вона глуха. Вилікуйте, будь ласка, мою матусю, щоб вона могла почути, як я читаю». Цей лист волав про допомогу і невдовзі навскіс листа з'явилась своєрідна резолюція: «Мати тепер чує. Коломийченко».

«Святая святых» клініки — операційна. Могутні безтіньові лампи ллють потоки м'якого світла. Маленьким, власної конструкції скальпелем Олексій Сидо-

рович розрізає шкіру слухового проходу. Спеціальний, сконструйований професором прилад осушує розтин. Хірург швидко і вправно працює на цьому півсантиметровому операційному полі. Тільки у ювеліра можна побачити таку філігранну точність і витонченість рухів, подібну рухливість та чутливість пальців. Напружену тишу операційної раптом розітнув радісний вигук хворого: «Лікарю... рідний... Я чую! Все чую».

Тисячі слухопоновлювальних мікрохірургічних операцій зробив Олексій Сидорович. Тисячам людей його високе хірургічне мистецтво повернуло чудовий світ звуків.

Безсмертя вченого — це його школа, його учні. У О.С. Коломийченка була постійна потреба передавати свій досвід, вчити молодих. На наукових конференціях, зі сторінок медичних журналів учений розповідав про нові методи оперативних втручань. По Україні, по всьому колишньому Союзу не злічити учнів Олексія Сидоровича. Чимало з них стали професорами і доцентами, докторами й кандидатами наук.

Перу члена-кореспондента Академії наук України О.С. Коломийченка належить понад 200 наукових праць, зокрема вісім ґрунтовних монографій, що стали настільними книгами отоларингологів світу. Уряд нагородив вченого орденами Леніна, Трудового Червоного Прапора, багатьма медалями, Почесною Грамотою Президії Верховної Ради України.

Протягом 15 років О.С. Коломийченко був головним отоларингологом Міністерства охорони здоров'я України. Його наукові ідеї плідно розвиває колектив створеного ним 1960 року науково-дослідного інституту отоларингології, директором і науковим

керівником якого вчений залишався до останніх днів свого життя. Нині цей науковий заклад носить його ім'я.

З науково-дослідним інститутом отоларингології тісно пов'язана діяльність Українського товариства глухих у вирішенні проблем слухо-мовної реабілітації нечуючих. За рахунок коштів Товариства був побудований один з корпусів інституту. Зв'язки Українського товариства глухих з цим провідним науково-дослідним закладом України тривають і нині.

* * *

Майбутній лікар-отоларинголог вирішив спеціалізуватися саме на хворобах вуха тоді, як втратив слух сам... Він займався теоретичними питаннями лікування отосклерозу, практикував у дитячому відділенні однієї з київських лікарень.

У той час не було слухових апаратів, і Олексій Сидорович навчився читати з губ. Був він надзвичайно товариською людиною, і його хвороби, здавалось, ніхто не помічав.

Уславлений професор був чуйним і доброзичливим у ставленні до товаришів по нещастю. У його квартирі по вулиці Рейтарській постійно жив хтось з його пацієнтів.

Після війни О.С. Коломийченко одним з перших у світі й першим в СРСР почав розробляти техніку хірургічного лікування отосклерозу. Вище вже згадувалось, що у 1957 році «Філатов слуху», як називали професора, провів першу в Радянському Союзі мікрохірургічну операцію на вушному стременці і вперше повністю повернув слух хворому на отосклероз. 25 тисяч операцій провів О.С. Коломийченко за

своєю методикою, повертаючи людям слух, хоча собі допомогти не міг...

Донька професора Сусанна Олексіївна розповідала: «За все своє життя батько жодного разу не поскаржився на свою недугу. Тільки після смерті я знайшла у його паперах запис: «Я прожив життя для радості та щастя людей, хоча мене особисто природа цих радощів позбавила». Йому залишалося тільки одне — жити та працювати. Жити та працювати так, щоб назавжди залишитися в людській пам'яті, на нетлінних сторінках часопису століття.

*Зробити щось, лишити по собі,
а ми, нічого, — пройдемо, як тіні,
щоб тільки очі неба голубі
цю землю завжди бачили в цвітінні.*

Анна Мережко, Юлия СОЛОВЬЕВА

ВРЕМЯ ЛУЧШИХ

*Время, время,
не твое ли зверство
Не дает ни сил,
ни дней сберечь?
Умираем
от разрыва сердца,
Чуть прервав,
едва закончив речь...
Николай АСЕЕВ*

Вспоминая тех, кто стоял у истоков создания Украинского общества глухих, тех, кто нес на своих плечах бремя первых, со светлой грустью касаясь их славных имен, сожалеем о том, что не смогли также рассказать о жизни и деятельности тех из них, кто не вошел в этот сборник. Главная причина в том, что о других активистах Общества не сохранилось почти никаких сведений. Только имена (некоторые из них даже неполны) под старыми, потускневшими фотографиями, висящими в строгой музейной тишине, да основные вехи на жизненном пути тех, кто носил эти имена, и носил — с честью.

Непостоянна и прихотлива людская память: одно она высвечивает ярким пламенем, а другое — остается в тени неизвестности. И кажется тогда, будто медленно идешь по темному лабиринту времени, и беглый свет лишь на мгновение выхватывает из мрака длинные ряды имен, начертанные золотым стилем, которым записаны все добрые дела человеческие.

Бегут эти имена по каменным плитам, перетекают на белую, чистую страницу — и она становится скромной, но густонаселенной страничкой памяти:

БЕЗБОРОДЬКО Борис Григорьевич (1898—1979), глухой — председатель Запорожского областного отдела УТОГ с июня 1938 г. по август 1939 г. В 1914 году окончил Александровское (г. Запорожье) училище глухонемых.

ВОСКОБОЙНИКОВ Василий Леонтьевич (1904—1983), глухой — первый организатор и председатель Организационного бюро Черниговской организации глухонемых в 1934—1938 гг., председатель Винницкого областного отдела и директор Винницкого УПК УТОГ в 1936—1938 гг., заместитель директора по УВР Харьковского УПК № 1 в 1958—1965 гг.

ЛЮБЕРЕЦ Василий Иванович (1902—1977) — председатель Донецкой облорганизации УТОГ в 1934—1936 гг., председатель Черниговской облорганизации УТОГ в 1936—1940 гг.

МЕДОВАР Израиль Самсонович (1886—1965) — первый директор Киевского учебно-производственного металлокомбината № 1 (УПМК) глухонемых.

ПАНОВ Иван Афанасьевич (1886—1967) — председатель Екатеринославского (Днепропетровского) объединения глухонемых 1917—1936 гг. Делегат 1-го Всероссийского съезда глухонемых в Москве 17—23 июля 1917 года, делегат 1-го съезда УТОГ в 1938 г.

ПОЛЯКОВ Гавриил Максимович (1860—1931), оглохший — секретарь, а затем председатель Одес-

366

ского объединения глухонемых на общественных началах (1917—1932 гг.).

ПОТУПАЛО Иван Константинович (1886—1957), глухой — председатель Полтавского объединения глухонемых в 1927 г.

ПОТУПАЛО Яков Иванович (1911—1976), глухой — в 1934—1938 гг. — председатель Сумского городского отдела УТОГ, в 1938—1939 гг. — председатель Полтавского областного отдела УТОГ, в 1939—1941 гг. и 1944—1947 гг. — председатель Сумского областного отдела УТОГ, в 1947—1951 гг. — директор Лебединского (Сумская область) УПК УТОГ. В 1932—1934 гг. учился в Киевском индустриальном техникуме для инвалидов.

ПЛЕШАКОВ Александр Иванович (1891—1969), оглохший — первый организатор Вседонбасского объединения глухонемых в 1927—1929 гг., инструктор отдела соцобеспечения в г. Сталино (Донецк).

ПЛИНЕР Михаил Иосифович (1896—1973), оглохший — в 1930—1932 гг. — председатель Сталинского (Донецкого) окружного бюро по работе с глухими, в 1936—1939 гг., 1944—1952 гг. — председатель Днепропетровского областного отдела УТОГ.

САГАЛОВИЧ Борис Исаакович (1887—1963), глухой — первый организатор и председатель Харьковского объединения глухонемых в 1917—1918 гг.

САНДОМИРСКИЙ, глухой — первый организатор Екатеринославского (Днепропетровского) объединения глухонемых до революции. В 1918 году расстрелян белогвардейцами.

СЕМЕНОВ Иван Иванович (1902—1970) — председатель Днепропетровской областной организации УТОГ в 1939—1941 гг.

СОЛОВЬЕВ П.Д., слышащий — первый директор Винницкого УПК глухонемых с 1931 по 1937 гг.

СОКОЛ Лев Маркович (1902—1974) — первый директор Алчевского (Ворошиловградская область) УПК УТОГ в 1938—1941 гг., 1951—1952 гг.

СОНИЧ Лев Соломонович (1906—1982), глухой — организатор и председатель Каменец-Подольского районного отдела УТОГ в 1934—1937 гг. (Винницкая облорганизация УТОГ).

СПАССКАЯ Капитолина Георгиевна (1910—1971) — первый организатор и директор Кировоградской школы для глухонемых детей с 20.12.1932 г.

ФИАЛКОВСКИЙ Олег Иванович (1883—1960), глухой — первый секретарь Харьковской организации глухонемых в 1917 г.

ЦУКАНОВА (АКСЕНКИНА) Тамара Филипповна — первая переводчица Кировоградской организации глухонемых в 1928—1941 гг. Добровольно ушла на фронт, героически погибла, награждена орденом Красной Звезды посмертно. Ее именем названа одна из улиц в Кировограде.

ЯКОВЕНКО Сергей Иванович (род. в 1890 г.) — первый организатор и председатель Одесского объединения глухонемых в 1917 году, проработал недолго, вступил в Красную Армию и ушел на фронт. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Лишь имена и даты. Но они остались в благодар-

ной памяти членов Украинского общества глухих и, несомненно, принадлежат его истории — наряду с другими, более известными именами и датами.

И чем дальше отодвигаются вглубь прошлого те давние события, тем ценнее воспоминания о тех, с кого начиналось наше Общество. Потому что оно было создано истинными подвижниками, а подвижники, инициаторы любого достойного начинания всегда приходят в то особое, ни с чем не сравнимое время, которое — каким бы трудным оно ни было — можно назвать временем лучших.

*Над огромным,
неподвижным краем
Время —
лучшим сердце утомлять...
Умираем?
Нет, не умираем, —
Порохом
идем в тебя,
земля!*

ОБ АВТОРАХ

АЛФИМОВА Лариса Филипповна — родилась в 1915 году в с. Бандурово Одесской обл. Слух потеряла в детстве. Школу окончила, занимаясь под руководством отца, учителя по профессии, экстерном сдала экзамены за семилетку в общеобразовательной школе. В 1936 году окончила Киевский индустриально-экономический техникум инвалидов. Работала корреспондентом газеты «Глухонімії України». В 1936 году ЦП УТОГ направило ее в Москву, на курсы культработников при Высшей школе профсоюзного движения. После окончания курсов работала в Киевском доме культуры глухих. В 1941 году переехала в Дрогобыч, где работала культорганизатором в Обществе глухих. После войны работала во Львове на разных должностях: инструктора облотдела УТОГ, директора Львовского дома культуры глухих, заместителя директора Львовского УПК УТОГ № 1, начальника производственного отдела Львовского УПК № 2. С 1967 по 1990 год работала мастером цеха на швейном предприятии «Силует». После выхода на пенсию возглавила Совет ветеранов труда, одновременно была председателем Совета наставников предприятия, на котором проработала много лет. Старейший корреспондент газеты «Наше життя». Почетный член УТОГ.

АНТОНИК Светлана Ивановна — родилась в 1947 году. Слух частично утратила в 6-летнем возрасте. После окончания массовой школы продолжила учебу в совхозе-техникуме при Запорожской об-

ластной опытной станции, который окончила в 1969 году. После болезни в 1973 году полностью утратила слух и была направлена на Запорожское УПП УТОГ, где прошла путь от прессовщицы пластмасс до инженера по реабилитации. В 1987 году окончила Киевский педагогический институт им. А. М. Горького. Член президиума ЦП УТОГ с 1986 года. С 1991 года — председатель Запорожской областной организации УТОГ. Печаталась в газете «Наше життя».

ДЕМЬЯНЕНКО Татьяна Ивановна — родилась в 1961 году в Киеве. В детстве частично утратила слух. Окончила массовую школу. В 1984 году окончила Киевский педагогический институт им. А.М. Горького, потом — институт культуры (заочно). Двенадцать лет работала учительницей украинского языка и литературы в общеобразовательных школах г. Киева и десять лет — корректором в издательстве «Веселка». Дважды награждена нагрудным знаком «Благодарность Киевской городской государственной администрации» за успехи в воспитании сына — юного талантливого художника и музыканта. Печаталась в журнале «Радянська жінка», в газетах «Вечірній Київ», «Наше життя» и других периодических изданиях.

ВЕРКО Мария Алексеевна — родилась в 1943 году в пгт. Сосница Черниговской области. После окончания школы работала в библиотеке. В 1964 году окончила Нежинское культпросветучилище, после чего работала в Сосницкой районной библиотеке заведующей читальным залом, методистом и директором Сосницкой централизованной библиотечной системы. В 1987 году окончила Киевский институт

культуры. В 1990 году переехала в Луцк Волынской области, где работала на должности заведующей библиотекой. В системе УТОГ работает с 1996 года. Была директором ОДК УТОГ, в настоящее время — инструктор-методист по работе с неслышащими.

МАКСИМЕНКО Юрий Петрович — родился в 1939 году в с. Зоровка Золотоношского района Черкасской области. После окончания школы учился в Коростышевском педагогическом училище, однако из-за потери слуха учебу не закончил. В 1961 году окончил Рыбинский авиационный техникум, а в 1971 году — Киевский технологический институт легкой промышленности. Работал техником-конструктором на Киевском заводе им. Петровского, затем — инженером-конструктором на Киевском УПП №1 Украинского общества глухих. После окончания института был приглашен на работу в аппарат Центрального правления УТОГ. С марта 1988 года занимает пост председателя Центрального правления Украинского общества глухих. Является членом Совета по делам инвалидов при Кабинете Министров Украины, членом коллегии Министерства труда и социальной политики Украины и Министерства здравоохранения Украины, членом ЦК отраслевого профсоюза. Заслуженный работник промышленности Украины. Почетный член УТОГ. Публиковался в периодике и коллективных поэтических сборниках. Автор сборника стихов «Запомните нас веселыми».

МЕРЕЖКО Анна Михайловна — родилась в 1939 году в с. Вороньки Ново-Басанского района Черниговской области. После окончания школы работала в

почтовом отделении Киевского главпочтамта. Слух потеряла в возрасте 25 лет после болезни. В 1969 году без отрыва от производства окончила Киевский политехникум связи, в 1977 году — политехникум Ленинградского восстановительного центра ВОГ. Работала инструктором по оргмассовой работе в Киевском областном отделе УТОГ, председателем Киевской областной организации УТОГ. В 1985 году была избрана заместителем председателя ЦП УТОГ, а в 1991 году — первым заместителем председателя ЦП УТОГ. В 2001 году вышла на пенсию, с 2002 года работает заведующей отделом газеты «Наше життя». Почетный член УТОГ. Заслуженный работник социальной сферы Украины. Печаталась в газете «Наше життя».

МИХАЛЬЧЕНКО Людмила Яковлевна — родилась в 1961 году в с. Белецкое Полонского района Хмельницкой области. Слух потеряла в детстве. Окончила Каменец-Подольскую спецшколу-интернат для слабослышащих детей. После окончания Киевского техникума легкой промышленности в 1981 году работала контролером Черкасского производственного швейного объединения, затем — старшим библиотекарем ДК УТОГ. С 1987 по 1990 год сменила ряд профессий: монтажницы радиоаппаратуры, комплектовщицы и кладовщицы. В 1990 году была избрана председателем Черкасской ТПО УТОГ, а с 1991 года избирается на должность председателя Черкасской областной организации УТОГ.

НЫРОВ Николай Павлович — родился в 1930 году в России. Слух потерял в детстве. Долгое время

был прикован к постели тяжелой болезнью, из-за чего в детстве не мог учиться и получил среднее образование позже, в заочной школе для инвалидов. В 1958 году приехал в Украину, где до самого выхода на пенсию работал инструктором в Винницком областном отделе УТОГ. В 1999 году вместе с семьей переехал в г. Васильков Киевской области. Печатался во всесоюзной и республиканской периодике, коллективных поэтических сборниках. Автор сборника стихов «Источник верности». Почетный член УТОГ. Умер в 2001 году. В 2004 году Украинским обществом глухих был издан сборник стихов Н. Нырова и Г. Швеца «Долгий свет любви».

ПОЛЯКОВА Анна Матвеевна — родилась в семье глухих родителей в 1929 году в г. Верхнем Лисичанском района Луганской области. На протяжении 14 лет работала переводчиком глухих в Николаевском и Львовском облотделах УТОГ. В 1953 году окончила юридический факультет Львовского государственного университета им. И.Я. Франко. Более тридцати лет работала на разных юридических должностях (народный следователь, юрисконсульт, член Львовского областного суда, старший консультант по правовой работе в народном хозяйстве отдела юстиции Львовского облисполкома). Имеет около тридцати публикаций в журналах «Социалистическая законность», «Радянське право»; также публиковалась в союзных, республиканских и местных газетах, в том числе и в газете «Наше життя».

ПОЧЕПЦОВА Зоя Тимофеевна — родилась в 1931 году в г. Сталино (Донецк). Окончила Сталин-

ский педагогический институт, факультет романо-германской филологии. Более 32 лет проработала в Донецкой вечерней школе рабочей молодежи для глухих и слабослышащих. Занималась при этом общественной работой, а в настоящее время является председателем Совета ветеранов УТОГ в Донецке.

САЕНКО Нина Александровна — родилась в 1944 году в г. Борзна Черниговской области, в семье глухого художника Александра Саенко. В 1970 году окончила Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко. Работала в художественной студии Александра Саенко. Принимала участие во всеукраинских, международных и зарубежных художественных выставках. Заслуженный деятель искусств Украины, член Союза художников Украины и Союза мастеров народного искусства, член Европейской текстильной ассоциации. Является инициатором создания художественно-мемориального музея «Садиба народного художника України Олександра Саенка» в Борзне, основателем и руководителем Киевской художественной студии для глухих детей.

САКУН Валентин Евгеньевич — родился в 1941 году в г. Короп Черниговской области. Слух потерял в детстве. Окончил Краснохуторянскую школу-интернат. В 1961 году поступил в Житомирский механический техникум. После его окончания работал на Дрогобычском УПП УТОГ, потом — в Кременчугском ПТУ для глухих. В 1973 году окончил Киевский педагогический институт им. А.М. Горького. Более тридцати лет работал в Полтавской спецшколе-интернате для

глухих детей. В 1983 году окончил двухлетний университет журналистики при редакции областной газеты «Зоря Полтавщини». Печатался в местной периодике, в газете «Наше життя».

СЕЗОНОВА Тамара Игнатьевна — родилась в 1926 году в с. Марьинка Донецкой области. Слух потеряла в детстве. Вначале училась в массовой школе, а затем перешла в Курскую спецшколу-интернат для глухих детей, которую окончила в 1941 году. Затем продолжила учебу в Московской школе рабочей молодежи, которую ей, в силу сложившихся обстоятельств, не удалось окончить. Работала председателем городской ячейки ВОГ в г. Новошахтинске Курской области. В 1952 году переехала в г. Донецк, где стала работать в Донецком доме культуры глухих художественным руководителем. В 1962 году была переведена на должность заместителя директора по учебно-воспитательной работе на Донецком УПП УТОГ. В 1971 году окончила Московский государственный заочный педагогический институт. Почетный член УТОГ.

СВЕРДЛОВА Елена Борисовна — родилась в 1962 году в Киеве. Слух частично утратила в детстве. После окончания общеобразовательной школы поступила в Киевский государственный институт культуры и в 1988 году его окончила. Работает в библиотечном архиве. Печаталась в газете «Наше життя».

СИМОНЕНКО Анатолий Федорович — родился в 1936 году в г. Волчанске Харьковской области. Слух потерял в детстве. Окончил Харьковскую школу для

глухих детей. В 1957 году окончил техникум физкультуры, а затем — Харьковский педагогический институт им. Г.С. Сковороды. Работал тренером по легкой атлетике, был инструктором по физкультуре на Харьковском УПП № 2 УТОГ. Двукратный чемпион Всемирных игр глухих и рекордсмен мира по прыжкам в длину и с шестом. Известный неслышащий поэт. Печатался в газете «Наше життя», в коллективных поэтических сборниках. В 2005 году издал сборник «Теплынь». Почетный член УТОГ.

СОЛОВЬЕВА Юлия Владимировна — родилась в 1960 году в г. Ленкорань Азербайджанской ССР. Слух потеряла в детстве. Окончила Киевскую спецшколу-интернат для слабослышащих детей и параллельно — художественную школу. Среднее образование получила в общеобразовательной вечерней школе. В 1985 году окончила Киевский государственный педагогический институт им. А.М. Горького. Работала воспитателем и учителем рисования в Киевской спецшколе-интернате для глухих детей. В 1990 году окончила Институт журналистского мастерства при Киевской организации Союза журналистов Украины. С 1997 года занимает должность заведующей литературным отделом газеты «Наше життя». Печаталась в международном еженедельнике «Зеркало недели», газете «Петровна» и других периодических изданиях, в коллективных поэтических сборниках. Автор сборника стихов «Миражи». Член Союза журналистов Украины.

ШВЕЦ Галина Саввична — родилась в 1934 году в с. Лучинец Мурованокуриловецкого района Вин-

ницей области. Слух и частично зрение утратила в детстве после болезни. После окончания школы в родном селе работала на Харьковском УПП УТОГ. В 1952 году переехала в Винницу и поступила на работу в вечернюю школу для глухих. В том же году начала учиться на заочном отделении Киевского педагогического института им. А.М. Горького, который окончила в 1957 году. Тридцать семь лет работала учительницей русского и украинского языка и литературы в Винницкой вечерней школе для глухих. Печаталась в республиканской периодике, газете «Наше життя», в коллективных поэтических сборниках. Является, вместе с Н. Ныровым, автором поэтического сборника «Долгий свет любви».

ЩЕРБАНЮК Иван Семенович — родился в 1927 году. Среднюю школу не смог окончить из-за продолжительной болезни и потери слуха. В 1958 году окончил Харьковскую финансово-экономическую школу. Был директором Винницкого дома культуры глухонемых, потом работал в Киеве, в системе УТОГ. С 1967 по 1990 год был бессменным штатным фотокорреспондентом газеты «Наше життя». В 80-е годы в газете, помимо фоторепортажей Ивана Щербанюка, стали публиковаться его заметки и стихи (под псевдонимом Іван Семенів). Умер в 2000 году.

Выражаем большую благодарность общественному директору Музея истории УТОГ В.В. Скурчинскому, активистам и ветеранам Общества глухих за материалы, использованные при создании этой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Юрий Максименко	3
Книга первая. БРЕМЯ ПЕРВЫХ.	
Первый председатель (о П.К. Набоченко). Юрий Максименко, Юлия Соловьева	7
На баррикадах тишины (о И.Ф. Доброскоке). Юлия Соловьева	17
Легкое имя Тяжелова (о Н.А. Тяжелове). Юлия Соловьева	24
Прошлое продолжается в настоящем (о Ф.С. Цуканове). Юлия Соловьева	33
Мирами правит жалость (о Я.С. Ширмане). Юлия Соловьева	40
Лукавый взгляд — сквозь горький дым (о В.Ф. Лоос). Юлия Соловьева	48
Далекое — близкое (о А.И. Москаленко). Арсений Москаленко	55
Ушедшие остаются с нами (о Г.И. Кирике). Валентина Семенова	70
Под доброй сенью (о В.Н. Дюкове). Светлана Антоник	77
Человек, над которым не властно время (о Ш.М. Балясном). Юлия Соловьева	83
Продолжение легенды (о П.Н. Ене). Надежда Мигунова	90

В неведомых водах (о И.Т. Криволапове).	
Юлия Соловьева	96
По ухабам судьбы (о Д.Р. Семенове).	
Юлия Соловьева	105
Валентин и Валентиновичи (о В.Д. Лозинском).	
Юлия Соловьева	110
Вперед ведущий (о П.К. Сутягине).	
Юрий Максименко	118
Голубая звезда (о И.А. Сапожникове).	
Юлия Соловьева	129
Солнце на ладони (о А.И. Набоченко).	
Юлия Соловьева	139
Что красит человека (о М.Д. Радомской).	
Юлия Соловьева	146
Народжена для радості (про В.О. Бондаревську).	
Тетяна Дем'яненко	153
След на земле (о Н.В. Васильевском).	
Анатолий Яриновский	160

Книга вторая. ИДУЩИЕ СЛЕДОМ.

Немеркнучий слід добрих справ (про М.О. Полякова).	
Ганна Полякова	171
Молодость души (о М.И. Неплюй).	
Николай Ныров, Галина Шве́ц	187
Сердце отдаю людям (о Я.Г. Радомском).	
Анна Мережко	196
Дарунок долі (про М.П. Ганчицьку).	
Людмила Михальченко	206
	381

Шлях через терни (про М.П. Глодіна).	
Марія Верко.....	213
Спогади про батька (про М.П. Глодіна).	
Віктор Глодін.....	218
Матушка Бронислава (о Б.В. Керцман).	
Анатолій Симоненко	221
Рожденный летать (о Г.Х. Агажанове).	
Юлія Соловьева	230
Таке коротке, таке прекрасне життя (про А.М. Алтиннікова). Лариса Алфімова (Алтиннікова)	238
Звезды смотрят на нас (о Л.Ф. Алфимовой).	
Юлія Соловьева	245
На весах времени (о И.М. Алфимове).	
Елена Свердлова, Юлія Соловьева	257
Дорога длиною в жизнь (о Г.А. Бондаренко).	
Юлія Соловьева	264
У негасимого светильника (о Н.В. Калиниченко). Юлія Соловьева	273
На доброй ниве (о А.Д. Углаче).	
Людмила Радич	282
Наша боль и гордость наша (о Б.В. Старушинском). Тамара Сезонова, Зоя Почепцова	288
Жито — життя (про О.Ф. Саєнка).	
Ніна Саєнко	296
У истоков победы (о Т.Г. Филяниной).	
Юрій Максименко	306
Огонь, вода и... беззвучные трубы (о В.И. Семеновой). Анна Мережко	315

Она целовала президента Украины (о В.И. Семеновой). Юрий Максименко	320
Редкий дар — растить таланты (о А.И. Козаченко). Анна Мережко	326
Хлопець з Тихого хутора (про Й.Ф. Здоровила). Ганна Мережко, Іван Щербанюк	337
Баллада об отце (о И.С. Динкевиче). Юлия Соловьева	343
Юноше, обдумывающему житье (о В.С. Чеботаре). Юрий Максименко	350
...І повертав людям мелодіі життя (про О.С. Коломийченка). Валентин Сакун	359
Время лучших (страничка памяти). Анна Мережко, Юлия Соловьева	365
Об авторах	370

СВІТЛО БЕЗМОВНИХ ЗІРОК

Збірка нарисів

Видання друге, виправлене і доповнене

Відповідальні за випуск: Ю. П. Максименко
Н. М. Каменська
Ю.В. Соловйова
Г.М. Мережко

Художнє оформлення: Ю.В. Соловйова
П.В. Моргунов
В.А. Локтионов

Літературна підготовка: Ю.В. Соловйова

Комп'ютерна верстка: П.В. Моргунов

Комп'ютерний набір: Г.С. Стасенко

Підп. до друку 25.06.05. Формат 60х84/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум.друк.арк. 9,3.
Тираж 1000 пр. Зам. № 20.

Українське товариство глухих (УТОГ)
03150, Київ-150, вул. Червоноармійська, 74, УТОГ

*Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів
видавничої справи ДК № 1661 від 22.01.2004*

Поліграфічний центр УТОГ
03038, Київ-38, вул. Нововокзальна, 8